

ТРУДЫ
В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Бас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

—
ТОМЪ ВТОРОЙ.
—

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

—•••—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Бас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

VII.

ЖИТИЕ СТЕФАНА НОВАГО¹⁾.

1.

Святой Стефанъ, прозванный Новымъ въ отличіе отъ первомученика Стефана, былъ главнымъ представителемъ православного монашества въ борьбѣ съ иконоборческою ересью и пострадалъ за свои убѣжденія при второмъ изъ иконоборческихъ императоровъ, Константии Копронимѣ. Житіе его, написанное менѣе чѣмъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, признается и всегда служить ближайшимъ и важнымъ пособіемъ для изученія соотвѣтствующаго періода византійской исторіи, такъ какъ даже съ вѣнѣніей, фактической стороны оно дополняетъ краткія и сухія извѣстія хроникъ Амартола, Феофана и патріарха Никифора. Но еще болѣе драгоцѣнно оно тѣмъ, что содержитъ въ себѣ много живыхъ подробностей для характеристики современаго герою и автору византійскаго быта, какъ церковно-монашескаго, такъ и государственно-общественнаго, — такихъ подробностей, какихъ мы никакъ не найдемъ въ чисто-историческихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи Житіе Стефана Нового, однако, не вполнѣ еще описано и исчерпано, ибо до сихъ поръ еще не написано византійской исторіи, сколько-нибудь удовле-

1) «Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 191 (июнь 1877 г.), отд. II, стр. 283—329.»

творящей современнымъ требованіямъ исторической науки и по возможности представляющей цѣльное изображеніе всѣхъ сторонъ византійской жизни.

Съ другой стороны, памятникъ, на который мы обращаемъ вниманіе, имѣть несомнѣнное, хотя болѣе косвенное отношеніе къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, на чѣмъ отчасти ужъ и указано другими. Житіе Степана Сурожскаго, въ концѣ 284 русской редакціи котораго находится разсказъ о походѣ русскаго князя на южныя области Крыма оть Корсуня до Керчи, со-ставляетъ, какъ думаютъ, сколокъ съ болѣе древняго греческаго подлинника, излагающаго жизнь соименного мученика, пострадавшаго при Кондронимѣ. Вопросъ о томъ, когда и кѣмъ написано Житіе Георгія Амастридскаго, слѣдовательно, вопросъ о томъ, суть ли Руссы, въ немъ упоминаемые, въ самомъ дѣлѣ до-Рюриковскіе Руссы, или же напротивъ тѣ самые, которые сдѣлялись извѣстны въ 865 году патріарху Фотію — значитъ, только современные Рюрику, — этотъ вопросъ можетъ быть по-двинутъ къ решенію только при помощи подробнаго и сравни-тельнаго изученія другихъ однородныхъ памятниковъ византій-ской письменности за весь иконоборческій періодъ: Житіе Степана Нового должно служить при этомъ точкой отправленія. На-конецъ, въ этомъ послѣднемъ Житіи есть данныя для исторіи Крыма, которыя необходимо будетъ припомнить при объясненіи Житія Иоанна Готскаго, сочиненія, имѣющаго прямое отноше-ніе къ первоначальной русской исторіи.

Намъ кажется, что по возможности полное и тщательное изученіе всѣхъ сейчасъ названныхъ произведеній агіографиче-ской литературы стоитъ въ настоящее время на очереди. По крайней мѣрѣ, мы можемъ сослаться въ этомъ на замѣчанія, вы-сказанныя двумя учеными, наиболѣе знакомыми съ положеніемъ дѣла. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Въ виду высказанной (другими) догадки, что обѣ легенды, и Амастридская и Сурожская, взяты изъ одного древнѣйшаго греческаго источника, восходившаго въ первоначальной редакціи за 865-й годъ, и что амастридское жи-тие (или часть его) оказывается подлогомъ, весь составъ его слѣдуетъ подвергнуть строгой проверкѣ»; а «Житіе Степана Сурожскаго, по особымъ извѣстнымъ причинамъ, должно быть

изслѣдовано не иначе, какъ въ совокупности съ Житіемъ его соименника», то есть, Стефана Новаго¹⁾). Другой ученый, нѣсколько измѣняя свои прежнія болѣе положительныя мнѣнія, признаетъ, что «легенда о походѣ Руси на Сурожъ была бы въ высшей степени важнымъ свидѣтельствомъ о существованіи славянской, до-варяжской Руси, если бъ оно было достаточно выяснено современною критикой», и ограничивается относительно этого свидѣтельства, равно какъ и относительно Амастридскаго Житія, однимъ заявленіемъ своего несогласія съ 285 чужими мнѣніями²⁾). Въ своихъ предшествующихъ статьяхъ, посвященныхъ пересмотру византійскихъ источниковъ и отдѣльныхъ извѣстій, относящихся къ русской исторіи, именно въ отрывкѣ, посвященномъ извѣстіямъ о крещеніи Владимира, мы также не сочли возможнымъ коснуться Сурожской легенды, хотя мы знали, что существуютъ извѣстныя основанія и авторитетныя мнѣнія, пріурочивающія ее не къ какому-либо до-рюриковскому князю, а именно ко Владимиру. Намъ тоже казалось, что вопросъ о Сурожскомъ Житіи и легендѣ требуетъ еще критической проверки въ связи съ другими подобными вопросами. Рѣшившись въ настоящее время взяться за эту задачу, мы такимъ образомъ увидѣли, что для установленія болѣе прочныхъ и широкихъ основаній критического изученія обѣихъ легендъ, какъ Сурожской, такъ и Амастридской, необходимо сначала близкое знакомство съ Житіемъ Стефана Новаго. Съ него мы и начинаемъ рядъ статей, существующихъ затѣмъ слѣдовательно въ такомъ порядкѣ: 2) Житіе Иоанна Готскаго, 3) Житіе Георгія Амастридскаго и 4) Житіе Стефана Сурожскаго.

Этотъ порядокъ соответствуетъ содержанию самыхъ памятниковъ, имѣющихъ быть предметомъ изученія, хронологической послѣдовательности тѣхъ событий византійской исторіи, о которыхъ въ нихъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь. Послѣдней мы никакъ не хотимъ опускать изъ виду. Въ какой степени результаты нашего изслѣдованія будутъ прочны и несомнѣнны по отношенію къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, — за-

1) А. А. Куникъ, О запискѣ готскаго топарха въ Запискахъ Академіи Наукъ, XXIV, 103.

2) С. А. Гедеоновъ, Варяги и Русь, т. II, въ концѣ.

это впередъ трудно поручиться. Но во всякомъ случаѣ мы постараемся извлечь изъ данныхъ — не всѣмъ доступныхъ — источниковъ все то, чѣмъ можетъ имѣть цѣну и значеніе какъ для русской, такъ и для византійской исторіи. Подробное изложеніе самаго содержанія всѣхъ Житій и, гдѣ нужно, буквальныя изъ нихъ извлеченія предназначаются для этой цѣли, то есть, служить материаломъ прежде всего для византійской исторіи.

Житіе Стефана Нового издавна существуетъ въ двухъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ, болѣе краткая, переведена съ греческаго на латинскій языкъ Билліемъ и была издана имъ вмѣстѣ съ сочиненіями Іоанна Дамаскина (S. Ioannis Damasceni opera, conversa per Jacobum Billium Prunaem, Parisiis, 1603); греческій подлинникъ, принадлежащій, по всѣмъ признакамъ, Метафрасту, нигдѣ не былъ напечатанъ¹⁾), но, сколько можно заключать по изложенію Димитрія Ростовскаго, онъ послужилъ источникомъ для Житія Стефана въ Макарьевской Минеѣ за ноябрь мѣсяцъ²⁾). Болѣе полный и несомнѣнно первоначальный текстъ найденъ былъ Балюзомъ, который намѣренъ былъ издать его вмѣстѣ съ другимъ, приписываемымъ Метафрасту, но послѣ передаль сдѣланный имъ списокъ съ манускриптовъ Монфокону; уже этотъ послѣдній напечаталъ, но только вновь найденный полный текстъ — въ Бенедиктинскомъ изданіи «Analecta Graeca», въ первомъ томѣ (1692 anno). А отсюда онъ перепечатанъ въ Греческой Патрологіи аббата Миня (Migne, Patrologia graeca, t. 100). Различіе въ двухъ редакціяхъ именно таково, какимъ оно оказывается и въ другихъ случаяхъ при сличеніи древнихъ житій съ обработкой ихъ, сдѣланною въ X вѣкѣ Симеономъ Метафрастомъ: сокращеніе коснулось главнымъ образомъ довольно длиннаго вступленія, гдѣ первоначальный авторъ объясняетъ свои личныя побужденія, внушившія ему трудъ, а также заключенія, въ которомъ содержится молитвенное обращеніе къ святому. Помимо того, уже самимъ Метафрастомъ были, безъ сомнѣнія, сдѣланы тѣ же мелкія измѣненія въ языке и стилѣ, ко-

1) *Нѣкоторыя извлеченія напечатаны М. И. Гедеономъ въ изданіи 'О єн Коунстактионополе: Елл. Філолоғіх, Сўллоғс, Архаіолоғіхъ бељтіон, піараргіах той хѣ' — ксѣ' тóмоу (1896 г.), стр. 76—79.*

2) *Ср. Сергія, Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2, I 509 и II 487.*

торыя потомъ обнаруживають себя какъ въ латинскомъ переводе Биллія, такъ и въ извлеченіяхъ Баронія (въ Церковныхъ Лѣтописяхъ). Эти измѣненія не всегда безразличны для изслѣдователя византійской исторіи. Напримѣръ, мы дальше увидимъ, что въ Житії Стефана Новаго говорится нѣсколько разъ о такъ называемыхъ «силенціяхъ», т. е., государственныхъ собраніяхъ, въ которыхъ императоръ вступалъ въ прямыя сношенія и объясненія съ своими подданными. Въ первоначальномъ подлинникѣ при этомъ дѣло вездѣ представляется въ такомъ видѣ, что силенцій есть непосредственная бесѣда царя съ народомъ, напоминающая отчасти нѣкоторыя сцены русской исторіи, происходившія на Красной площади. Одно въ высшей степени живое описание такой бесѣды Константина Коопронима прямо указываетъ на присутствіе именно въ собственномъ смыслѣ народной толпы. Между тѣмъ въ латинскомъ изложеніи при этихъ слу чаяхъ говорится только о присутствіи сенаторовъ, то есть, имперскихъ сановниковъ: *accita et coacta senatorum classe*. Есть основанія думать, что такое отличіе фразеологіи соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ измѣненіямъ въ формахъ византійской государственной жизни, проишедшимъ въ промежутокъ отъ иконо борческой эпохи до времени Симеона Метафраста. Во всякомъ случаѣ оно не должно быть опускаемо изъ виду при решеніи вопроса о томъ, какъ относился пародъ и, въ частности, столичное населеніе къ реформамъ императоровъ-иконокластовъ. Ради 287 нашихъ цѣлей мы, конечно, должны держаться только греческаго первоначального текста, оставляя въ сторонѣ всякихъ позднѣйшихъ редакцій и переводы¹⁾, въ которыхъ сглаживаются именно болѣе дорогія подробности и черты быта и нравовъ.

Въ самомъ заглавіи Житія, сообщаемомъ рукописями Парижской Национальной Библіотеки, указано имя и званіе автора: это былъ діаконъ Константинопольской церкви, по имени также Стефанъ; послѣднее, то есть, имя, могло быть, впрочемъ, угадано и безъ того, такъ какъ въ заключительномъ молитвенномъ обращеніи авторъ указываетъ на свою соименность со святымъ,

1) Между прочимъ, Житіе Стефана Новаго, какъ назидательное чтеніе для христіанина, изложено весьма подробно въ Душеполезномъ Чтеніи за ноябрь 1860 года. Источникомъ служили русскія печатныя Четы-Минеи.

къ которому онъ обращается. Какъ видно изъ вступленія въ Житіе, діаконъ Стефанъ писалъ его спустя сорокъ-два года послѣ кончины святаго. Такъ какъ годъ смерти Стефана Нового отмѣченъ въ хроникахъ Феофана и Никифора и относится къ 765 году, то изъ этого слѣдуетъ, что Житіе составлено около 808 года, то есть, въ царствованіе Никифора Логоюета и въ промежутокъ между двумя иконоборческими періодами и династіями.

Произведеніе это написано было, какъ показываютъ частыя обращенія къ слушателямъ, «къ участникамъ духовнаго торжества», для публичнаго чтенія въ церкви, вѣроятно, въ день памяти мученика. Самое предисловіе начинается размышленіемъ объ обязанности хранить память праведныхъ съ похвалами и о пользѣ письменнаго ея закрѣпленія. При этомъ книга сравнивается съ иконою, что составляетъ довольно обычную тему у писателей того же періода. И книга, и икона служатъ одной и той же цѣли, только одна — посредствомъ слуха, другая посредствомъ зрењія; одна приготавляется знающимъ искусство художникомъ, другая можетъ быть написана только человѣкомъ, получившимъ образованіе и духовное просвѣщеніе свыше. Діаконъ Стефанъ чувствуетъ, что ему недостаетъ ни того, ни другаго; сомнѣнія его, впрочемъ, представляютъ общее мѣсто, часто повторяющееся въ другихъ того же рода сочиненіяхъ, и онъ все-таки обращается къ своей задачѣ на томъ основаніи, что если его хвала не будетъ соотвѣтствовать достоинству и подвигамъ святаго, то это не послужить ему въ осужденіе, а напротивъ того, молчаніе, когда есть какая-либо способность говорить, было бы преступленіемъ въ отношеніи къ святому и услышаніемъ въ отношеніи къ тому, кто просилъ его взяться за трудъ. Послѣ мы узнаемъ (уже въ заключеніи), что порученіе описать жизнь Стефана Нового возложено было на краснорѣчиваго ритора, діакона Стефана, монахомъ Епифаніемъ, отшельникомъ, поселившимся въ той же самой пещерѣ, которая нѣкогда была мѣстомъ подвиговъ соименного автору мученика. Діаконъ Стефанъ и потому не долженъ былъ уклоняться отъ возложенной на него задачи, что въ его время существовала еще возможность, которая могла вскорѣ затѣмъ утратиться, со-

брать вѣрныхъ и полныя свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святаго. Эти свѣдѣнія онъ получилъ отъ «правдивыхъ людей», отъ учениковъ и посѣтителей Стефана Новаго; онъ предпринималъ для своей цѣли немалые труды, путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ и, какъ пчела, собирая медъ со многихъ цвѣтовъ. Всльдѣ за этими объясненіями авторъ изъявляетъ намѣреніе не удлинять рѣчи длинными отступленіями и приступить къ своему предмету и, дѣйствительно, попросивъ у «священнаго собранія православныхъ» ихъ молитвъ, которыхъ могли бъ укрѣпить его силы, а также вниманія, онъ начинаетъ свое изложеніе. Прибавимъ, однако, что уже введеніе, переданное нами только въ его существенныхъ чертахъ, показываетъ какъ сильную наклонность автора къ риторическому многословію, такъ и его большую опытность въ этомъ искусствѣ, хотя онъ и сообщаетъ намъ, что собственно въ повѣстовательномъ родѣ, то есть, въ сочиненіи жизнеописаній, онъ прежде не упражнялся.

Затѣмъ мы переходимъ, всльдѣ за нашимъ руководителемъ, къ первоначальной біографіи Стефана Новаго.

2.

Авторъ, самъ житель Константинополя, съ особеннымъ ударениемъ останавливаетъ внимание слушателей на томъ обстоятельствѣ, что святой, о которомъ онъ держитъ рѣчь, есть тоже уроженецъ столицы. «Виновникъ этого священнаго торжества не какой-либо пришлецъ въ Византіи и не чужой обитателямъ царственного града; онъ нашъ по рожденію своему и воспитанію, его знали наши отцы и видѣли его своими глазами». Во времена императора Артемія или иначе Анастасія, въ первый годъ его правленія (6222 = 714), жилъ въ Константинополѣ одинъ человѣкъ, не отличавшійся ни высокимъ саномъ, ни боятствомъ, нечестиво пріобрѣтеннымъ, но кормившій себя трудами рукъ своихъ и еще удѣлявшій отъ своей скучности милостынью бѣднымъ и убогимъ. Съ своимъ семействомъ, которое состояло изъ жены, не уступавшей мужу въ благочестіи и благонравіи, и двухъ дочерей, онъ жилъ на склонѣ большой цар-

ской улицы, тамъ гдѣ съ одной стороны стоитъ зданіе, именуемое Ставріонъ, а насупротивъ — дома, называемые «Конста». Обѣ дочери были воспитаны родителями не только въ страхѣ Божіемъ, но и — черта, которая должна быть въ нашемъ изложеніи особенно отмѣчена, — обучены были грамотѣ. Не одно только разбираемое нами Житіе, но и другія того же рода сочиненія, относящіяся по своему содержанію къ эпохѣ иконоборческой и писанныя близкими современниками, свидѣтельствуютъ о значительномъ распространеніи школьнаго образованія и грамотности въ византійскомъ обществѣ. Здѣсь мы видимъ, что сознаніе этой потребности приписывается не какой-либо богатой или зажиточной фамиліи, а простой семье рабочаго, и что она простирается не только на мужскій полъ, но и на женскій, что учили грамотѣ даже въ низшихъ классахъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Совершенно фактическая вѣрность этихъ указаний подтверждается тѣмъ историческимъ фактомъ, что когда вслѣдствіе борьбы за иконы усилилось греческое выселеніе въ Италію, и когда папа Захарій, по происхожденію тоже Грекъ, отвелъ для греческихъ монахинь особый монастырь, то онъ прежде всего устроили въ немъ греческую женскую школу¹⁾.

Мужъ и жена, приближаясь уже къ старости, печалились о томъ, что при двухъ дочеряхъ у нихъ не было ни одного сына. Особенно горевала обѣ этомъ жена. Подражая ветхозавѣтной матери Самуила, имя которой она носила, новая Анна искала помощи въ молитвѣ и съ особеннымъ усердіемъ посыщала церкви, посвященные Богородицѣ, которыхъ въ Константинополѣ было нѣсколько, чаще же всего ходила въ знаменитый храмъ Влахернскай Богоматери. Уже въ VIII вѣкѣ, какъ мы узнаемъ изъ нашего Житія, въ этомъ храмѣ совершалось еженедѣльно съ пятницы на субботу то продолжавшееся цѣлую ночь бдѣніе и пѣснопѣніе, о которомъ упоминается въ позднѣйшихъ источникахъ, не только византійскихъ, но въ западныхъ и русскихъ, съ какими-то несовсѣмъ ясными намеками на по-

1) Rodotà, Dell' origine, progresso, e stato presente del rito greco in Italia, II, p. 71; Zambelli, Meletem., p. 312.

стоянно повторявшееся «обычное чудо». Въ разсказѣ о взятії Константина Поля Латинами, находящемся въ нашихъ лѣтопис-²⁹⁰ ныхъ сборникахъ, это чудо передается въ такихъ выраженіяхъ, что «у Святой Богородицы, иже въ Лахернѣ, Духъ Святый сходаше на вся пятницѣ»¹⁾). Въ одномъ средневѣковомъ латин- скомъ сочиненіи (*Belethi, Rationale divinorum officiorum*), безъ сомнѣнія, то же самое чудо разумѣется при слѣдующемъ описаніи: «Быль нѣкогда въ Константинополѣ, въ одной церкви, образъ Святой Дѣвы, предъ которыми висѣлъ покровъ, совершенно закрывающій его; но въ пятницу на вечернѣ этой по- крова безъ всякаго содѣствія ниспадалъ самъ собою и боже- ственнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ небу, такъ что всѣ это могли ясно и вполнѣ видѣть; а въ субботу покровъ нисхо- дилъ на прежнее мѣсто и оставался до слѣдующей пятницы».

Утомленная усердною молитвою и земными поклонами, Анна заснула, и воть ей во снѣ явилась жена, совершенно похожая на лицъ Влахернской Богоматери, то есть, на изображеніе иконы, предъ которой она молилась на яву. Какъ бы ударивъ спящую въ нижнюю часть живота (*τὴν φάγη παταξασα*), видѣніе произнесло слѣдующія слова: «Иди съ миромъ, ибо ты имѣешь сына». Анна съ радостію воротилась домой и вскорѣ узнала, что понесла во чревѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ, относящійся къ одному изъ тѣхъ событий въ византійской жизни, которыя вызывали участіе и даже волненіе во всемъ населеніи столицы. Патріаршескій пре- столь, остававшійся въ это время празднымъ, былъ замѣщенъ новымъ избранникомъ, который теперь готовился къ торже- ственному вступленію (*ἐνθρονίασις*) на свою каѳедру: это былъ знаменитый Германъ, будущій защитникъ иконъ и страдалецъ

1) Что должно быть принято именно это членіе, а не другое, говорящее о Пятидесятнице, это дѣлается несомнѣннымъ изъ сопоставленія находящихся въ текстѣ мѣстъ. А что чудо, подобное тому, которое описано у Белета (*Migne, Patrolog. Lat., t. 202, col. 57 sq.*) въ 51-й главѣ, могло быть названо схожденіемъ Духа Святаго, это легко понять, особенно если мы припомнимъ, что и въ пущешествіи игумена Даніила схожденіе огня къ гробу Господню тоже назы- вается «пришествіемъ Духа Святаго». Мы уже прежде (Т. I, стр. 173) имѣли случай сдѣлать догадку, что «обычное чудо» въ разсказѣ Анны Комнины (XIII 1, pp. 376 AB ed. Paris.) — все то же самое пятничное чудо Влахерн- скаго храма.

за ихъ почитаніе. Его избраніе замѣчательно, прежде всего, въ томъ отношеніи, что оно представляло одно изъ рѣдко допускавшихся уклоненій отъ церковнаго правила, запрещавшаго мѣнять одну епархію на другую: Германъ уже ранѣе былъ 291 епископомъ города Кизика, такъ что его возведеніе на патріаршество было собственно «перемѣщеніемъ» (*μετάθεσις*), а законность такихъ перемѣщений и послѣ оставалась сомнительна, несмотря на этотъ и другіе прецеденты. Сверхъ того, нашъ авторъ говорить, что избраніе Германа совершилось по «жребію Божію» (*Θεοῦ ψῆφῳ*). Такое выраженіе давало бы намъ поводъ подразумѣвать тотъ особый способъ избранія жребіемъ, который послѣ употреблялся у насъ на Руси, именно въ Новгородѣ, и, дѣйствительно, не чуждъ былъ византійской церковной практикѣ, особенно при избраніи монастырскихъ настоятелей, но это предположеніе было бы ошибочно¹⁾. Мы имѣемъ подлинный актъ поставленія Германа на патріархію, который свидѣтельствуетъ о другомъ — обычномъ — способѣ избранія и представляеть, кажется, древнѣйшій случай употребленія извѣстной въ настоящее время формулы поставленія²⁾.

Какъ бы то ни было, въ августѣ 715 года Германъ торжественно вступилъ на патріаршескій престолъ Константинопольской церкви. «Со всей подсолнечной», — говоритъ нашъ авторъ, — «стеклись сюда люди всякаго возраста и пола; старь и младъ, даже малые младенцы хотѣли участвовать въ радостномъ торжествѣ». Анна со своимъ мужемъ также находилась вблизи Софійскаго Великаго храма, гдѣ собственно совершалась церемонія, и хотѣла туда проникнуть; однако, необозримая толпа народа, страшная тѣснота и давка испугали ее и заставили вспомнить о своемъ положеніи. Но ея усердный къ вѣрѣ и

1) Кромѣ типика, данного императрицей Ириною, женою императора Алексія Комнина, основанному ею женскому монастырю, гдѣ подробно излагается способъ избрания игумены тремя жребіями, то же самое мы находимъ и въ уставѣ для мужскаго монастыря, основанного въ концѣ XI вѣка извѣстнымъ писателемъ Михаиломъ Атталіатскимъ (см. Sathas, Biblioth. gr. medii aevi, t. I, p. 27). Здѣсь, впрочемъ, кладутся на престолъ и послѣ литургіи выносятся дитятей или отрокомъ только два жребія, а не три.

2) Она сохранилась у Феофана подъ 6207—715 годомъ и у Амартона (p. 626 Migr.).

церкви супругъ не склоненъ быть послѣдователь приглашенію своей жены и отказаться отъ зрѣлица: надѣясь на свою физическую силу, котою онъ превосходилъ многихъ, онъ сказалъ Аннѣ, чтобы она крѣпко держалась за его бока, и затѣмъ, работая локтями направо и налево, раздавая и самъ получая толчки, все-таки успѣль пробраться впередъ и вступить въ преддверіе (паперть) святой Софії. Отсюда они вошли уже безъ особенного труда въ ту часть храма, которая отдѣлялась находящимися впереди ея колоннами отъ самой внутренности его¹⁾, 292 и, вставъ на скамью (*πρὸς σκάμνον ἀπέβατες*), ожидали вступленія новопоставленного іерарха. Когда Германъ проходилъ мимо, Анна, какъ бы движимая божественною силою (*θεόθεν κινηθεῖσα*) — такъ, по крайней мѣрѣ, она сама клятвенно утверждала предъ тѣми, отъ которыхъ слышалъ объ этомъ діаконъ Стефанъ, писатель Житія,—громко воскликнула: «Благослови, все-святой отецъ, во чревѣ сына моего». Патріархъ съ кротостію обратилъ свои глаза туда, откуда раздался голосъ, и отвѣтилъ: «По вѣрѣ твоей, жена, молитвами Богородицы и первомученика Стефана, да благословить Господь плодъ чрева твоего». Итакъ, Анна не только получила желаемое благословеніе, но въ упоминаніи мученика Стефана, которое не могло быть случайнымъ, узнала, какое имя нужно будетъ дать имѣющему родиться сыну.

По прошествіи нѣсколькихъ дней этотъ сынъ обѣтованія дѣйствительно родился, въ восьмой день онъ принесенъ былъ во храмъ и нареченъ Стефаномъ; затѣмъ, въ сороковой день его мать, подобно преславной Аннѣ (*ἡ πολυθύλητος Ἄννα*), матери Самуила, принесла вмѣстѣ съ мужемъ новорожденного во храмъ Влахернскій, гдѣ она получила первую надежду на исполненіе своего моленія. Предъ тою же самою иконой, предъ котою ее посѣтило видѣніе, она произнесла теперь благодарственную хвалу (*χαιρετισμός*) Богородицѣ и, приложивъ младенца къ ногамъ ея изображенія на иконѣ (*τοῖς ποσὶ τῆς ἀγίας ἐκείνης εἰκόνος τὸ βρέφος ἐνείρασα*), она не только поручила его особому покровительству Богоматери, но и обрекла его тѣмъ самыемъ на

1) Patr. gr. 100, 1077 В: Κάκετένεν ἀνετοι εἰσῆλθον ἐν τῇ πρὸ τῶν τοῦ νεώ πυλώνων στοῖ.

служеніе ей, то есть, на монашескую жизнь. По древнему обычаю, крещеніе младенца было отложено до наступленія торжественнаго праздника Пасхи и совершилось наканунѣ его, въ Великую Субботу—въ крещальнѣ (τὸ φωτιστήριον) Великой церкви, при чёмъ крестиль и помазывалъ миромъ самъ патріархъ Германъ. Диаконъ Стефанъ, авторъ нашего Житія, дѣлаетъ здѣсь отступленіе въ видѣ благочестиваго размышенія о знаменательности разсказанныхъ фактovъ и предупреждаетъ читателей указаниемъ на то, что всѣ знаменія особаго избрания послѣ оправдались въ событияхъ и подвигахъ жизни святаго. Возвращеніе къ теченію повѣствованія своимъ пріемомъ и выраженіями напоминаетъ подобныя же мѣста и обороты въ другихъ житіяхъ¹⁾.

293 Когда дитяти исполнилось шесть лѣтъ, то вмѣстѣ съ этимъ наступило обычное время, когда начиналось у византійскихъ Грековъ первоначальное школьнное обученіе. Родители отдали Стефана въ наученіе начаткамъ Священнаго Писанія (παραδіδόσ-
τιν αὐτὸν εἰς τὴν τῶν ἑρών γραμμάτων μάθησιν προταθείας); изъ этихъ выраженій можемъ заключать, что въ VIII вѣкѣ, какъ и послѣ въ XI, обученіе чтенію совершалось по Псалтыри: Псевль говоритъ это прямо о своей дочери²⁾). Если бы рѣчь шла о дитяти зажиточныхъ и знатныхъ родителей, то за этимъ непремѣнно было бы упомянуто о такъ называемомъ «Энцикліческомъ образованіи», которое соотвѣтствуетъ латинскому *trivium* и *quadrivium* и встрѣтится намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ житій, подлежащихъ разбору. Само собою разумѣется, что чудесное дитя молитвы должно было отличаться и особыми дарованіями, и особыми успѣхами; такъ это и представляется въ нашемъ житіи. Судя по одному выраженію, указывающему на сожительство Стефана съ его товарищемъ по обученію, какимъ-то всехвальными Тимоѳеемъ (τοῦ πανευφήμου Τιμοθέου σύσκηνος),

1) Ibid. 1081 B: Ἀλλὰ γὰρ ἔλαθον ἐμαυτὸν εἰς τούςδε γενν τοὺς λόγους παρεξελθὼν καὶ καταλείψας τὰ πρότερον λεχθῆναι ὁφείλοντα... "Ενθεν λοιπὸν τοῦ λόγου τὴν νύσσαν αὗθις ἐπὶ τὰ πρόσω φέρω.

2) Послѣ элементовъ грамоты, смыщенія словъ (μίζεως συλλαβѣн хәи օնօմаѣтѡн сѹнѹхъң), она перешла къ псалмамъ Давидовымъ; см. Sathas, Biblioth. gr., V, 65. То же самое въ житіи Никиты Мидикийского, которое относится тоже ко времени иконоборства, какъ и житіе Стефана Но-ваго: τὰ ἐξ ἔθους γράμμata, — εἶτα τὸ φαλτήριον; см. AA. SS., April. t. I, p. XIX cap. б.

следуетъ думатьъ, что оба они не только ходили въ школу, повидимому, находившуюся при монастырѣ, но и жили при ней. Общий учитель ихъ служилъ для нихъ также примѣромъ благочестія и строгаго соблюденія церковныхъ обрядовъ и постовъ. Въ праздничные дни, посвященные памяти святыхъ, Стефанъ посыпалъ, уже вмѣстѣ съ матерью, обычныя бдѣнія, продолжавшіяся тогда цѣлые ночи. Во время чтеній, когда обычай позволялъ слушать сидя, онъ становился «предъ священою рѣшеткою» (πρὸ τῆς ἱερᾶς κιγκλίδως) и такъ внимательно слѣдилъ за читаемымъ, что, будь это житіе или мученіе какого святаго или же поученіе какого отца, онъ запоминалъ и послѣ могъ повторить наизусть прослушанное, особенно если это было сочиненіе Златоуста, который преимущественно внушалъ ему чувство расположенія и любви. Преуспѣвая въ изученіи Писанія, Стефанъ уже въ отрочествѣ обнаруживалъ стремленіе сдѣлаться ревностнымъ подражателемъ тѣхъ святыхъ мужей, о которыхъ въ немъ говорилось.

Между тѣмъ произошелъ рядъ политическихъ переворотовъ, 294 и наступили тяжелыя времена для церкви. Артемій-Анастасій былъ свергнутъ съ престола вслѣдствіе возмущенія во флотѣ, отправленномъ противъ Агарянъ; на его мѣсто, противъ собственного желанія, былъ избранъ и провозглашенъ императоромъ бывшій сборщикъ государственныхъ податей Феодосій изъ города Адрамитія, человѣкъ благочестивый и тихій; онъ пытался было спастись отъ страшного ему трона бѣгствомъ въ горы, но былъ отысканъ и посаженъ на престолъ. Но и Феодосій Адрамитинъ царствовалъ не долго — отъ 25-го марта 716 года по августъ 717: не желая, чтобы изъ-за него проливалась кровь христіанская, онъ добровольно уступилъ свое мѣсто Льву Исавру, который явился ему соперникомъ, бывъ сначала партизаномъ Анастасія; при посредствѣ патріарха Германа, Артемій-Анастасій успѣлъ, по крайней мѣрѣ, спасти свою жизнь, постригшись въ монахи. Въ первые годы своего правленія — говорится въ нашемъ Житіи — Левъ Исавръ, изъуваженія къ патріарху Герману, скрывалъ, какъ волкъ подъ лисьемъ шкурою, свои злые намѣренія и выказывалъ притворное благочестіе; но послѣ онъ снялъ съ себя личину.

3.

Изъ начальной исторіи иконоборства Житіе Степана Нового передаетъ только наиболѣе главные факты, и притомъ не совсѣмъ въ точномъ видѣ. Въ десятый годъ своего правленія императоръ Левъ, этотъ новый Валтасаръ, заразился манихейскою ересью; собравъ подвластный ему народъ (*τὸν ὑπ’αὐτοῦ λαὸν ἐκκλησιάς*), онъ зарычалъ передъ нимъ по львиному, и отъ своего гордаго сердца на подобіе горы Эtnы, извергающей огонь и сѣру, изрыгнулъ такую жалкую рѣчь: «Такъ какъ приготовленіе иконъ есть дѣло идолъскаго искусства, то не слѣдуетъ имъ поклоняться». Такія слова произвели смятеніе въ православномъ народѣ, который ясно выразилъ свое неудовольствіе; замѣтивъ это, «тиранъ» тотчасъ замолчалъ и повернулся рѣчью на другое. Между тѣмъ узналъ о такой попыткѣ, направленной противъ церкви, патріархъ Германъ и не замедлилъ обличеніемъ, при чёмъ съ своей стороны заявилъ, что онъ самъ готовъ умереть за иконы и никогда не согласится на ихъ отмѣну. Нисколько не убѣдившись доводами патріарха, но раздраженный его сопротивленіемъ, «беззаконный» царь послалъ въ патріаршій домъ «вооруженныхъ мечами сатраповъ» (*ξιφορεις σατράπας*), которымъ приказано было выгнать оттуда святаго съ побоями и поруганіями. Патріархъ оставилъ свой престоль и удалился въ монастырь, гдѣ стала вести жизнь простаго инока; весь городъ провожалъ его съ плачемъ и рыданіемъ¹⁾.

Въ эти бѣдственные дни, при помощи военнаго насилия (*στρατιωτικῶς*), занялъ архіепископскую каѳедру нечестивый Анастасій, который все принадлежащее церкви предалъ во

1) Буквально въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ все это повторено въ такъ называемомъ синодальномъ посланіи восточныхъ церквей къ императору Феофилу, которое совершенно неосновательно приписывалось Ioannu Damaskinu (см. *Comœfis, Regiam Constantinopolitan. manipulus*, Paris, 1664, p. 122; <ср. E. von Dobschütz, *Christusbilder*, стр. 207** сл.>, а далѣе разсказъ Житія во многомъ сродственъ съ текстомъ Амартола по нѣкоторымъ болѣе известнымъ редакціямъ. Этого обстоятельства мы не имѣемъ возможности объяснить вполнѣ удовлетворительно и довольствуемся замѣчаніемъ, что житіе Степана Нового несомнѣнно древнѣе и хроники Амартола, и посланія къ Феофилу.

дворецъ. При немъ тиранъ сталъ дѣйствовать въ пользу ереси уже вполнѣ властно и тотчасъ замыслилъ снять и сжечь икону Христа, находившуюся надъ царскими воротами, въ томъ мѣстѣ, которое ради иконы называется ἡγία Χαλκῆ (святая мѣдная) или же, по другимъ, Халкопратіями, чѣмъ и было исполнено. Но при совершенніи нечестиваго дѣйствія нѣкоторыя благородныя женщины, подкрепленныя божественною ревностію, бросились къ подставленной лѣстницѣ и, оттащивъ ее, повергли на землю спаѳарія, на котораго было возложено порученіе, а потомъ тутъ же на мѣстѣ разорвали его и предали смерти. Затѣмъ онъ ворвались въ патріаршій домъ и бросали каменьями въ нечестиваго Анастасія, такъ что тотъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ прибѣжалъ къ тирану и убѣдилъ его казнить мечемъ этихъ святыхъ женъ.

Главная ошибка такого повѣствованія заключается въ анахронизмѣ относительно патріарховъ Германа и Анастасія. Все, что разсказано нами вслѣдъ за авторомъ Житія, дѣйствительно совершилось въ десятый годъ царствованія Льва Исавра, но только ни патріархъ Германъ въ этомъ году не былъ низложенъ, ни Анастасій не занималъ его мѣста. Правда, нашъ главный источникъ для времени иконоборства, хронографъ Феофанъ, говоритъ, что императоръ Левъ началъ «вести рѣчи» объ удаленіи иконъ въ девятый годъ своего правленія, но Кедринъ и Зонара не слѣдуютъ ему, а также стоять за десятый годъ правленія Льва, то есть, за 726 по Р. Х. Вопросъ окончательно рѣшается совершенно несомнѣннымъ и документальнымъ свидѣтельствомъ, находящимся въ одномъ изъ двухъ посланий, кото- 296 рыя папа Григорій II писалъ къ императору по поводу преслѣдованія иконъ. Здѣсь папа говоритъ Льву Исавру: «Десять лѣтъ ты по милости Божіей ходилъ правымъ путемъ и не заводилъ рѣчи о святыхъ иконахъ, а теперь говоришь, что онъ занимаетъ мѣсто идоловъ»¹⁾.

Сверхъ того, къ этому же 726 году относится то необычное явленіе природы, которое, по свидѣтельству и Феофана, и

1) Mansi, S. Conciliorum nova et ampliss. coll., t. XII, p. 959; Migne, P. L., 89, 512. <Op. K. Schenkъ Byz. Zeitschr. 5, 300 сл. >

патріарха Никифора, заставило императора прямо выступить съ его мыслю объ отмѣнѣ поклоненія иконамъ, до тѣхъ поръ пи-
таемою втайне. Между кикладскими островами Фирой и Фира-
сіей (къ сѣверо-востоку отъ Крита) внезапно поднялся надъ мо-
ремъ вулканъ, который извергалъ въ продолженіе нѣсколькихъ
дней огонь и камни съ такою силою, что послѣдними усыпаны
были берега Малой Азіи, острова Лесбоса, Македонія и Аби-
дость. Затѣмъ образовался новый островъ, соединившійся съ
островомъ Гіерой. Императоръ и его главный совѣтникъ Ви-
сири будто бы увидѣли въ этомъ знакъ грознаго суда Божія за
почитаніе иконъ и поспѣшили приступить къ своему дѣлу.

Разрушение иконы Халкопратійской дѣйствительно было
одною изъ первыхъ мѣръ Льва Ісавра и должно быть относимо
къ тому же 726 году. Вообще нужно замѣтить, что общепри-
нятное представленіе этихъ мѣръ, по которому дѣло началось не
съ уничтоженія иконъ, а только съ того, что ихъ повѣсили выше
и устранили такимъ образомъ возможность прикладываться къ
нимъ или цѣловать, — совершенно невѣрно. Большинство иконъ
въ византійскихъ церквяхъ были изображенія живописныя или
мозаичныя, то есть, не могли быть отдѣлены отъ церковныхъ
стѣнъ, часть которыхъ онѣ составляли, и притомъ онѣ и безъ
того часто находились на значительной высотѣ. Ошибочное пред-
ставленіе основано также на Житіи Стефана Новаго, но только
не на первоначальной и подлинной его редакціи, а на латинскомъ
переводѣ, сдѣланномъ, повидимому, съ позднѣйшей передѣлки
Симеона Метафраста. Тамъ сказано, что императоръ, желая
успокоить народъ, взволнованный его первымъ заявленіемъ,
прибавилъ, что «онъ не хочетъ уничтожать иконъ, но только
повѣсить ихъ выше, чтобы къ нимъ нельзя было болѣе прика-
саться устами». Ничего подобнаго неѣть въ подлинномъ текстѣ.
Что касается происшествія, ознаменовавшаго уничтоженіе иконы
на «мѣдныхъ воротахъ», то оно разсказано также у Феофана и
297 еще съ большою отчетливостію въ первомъ упомянутомъ выше
посланіи папы Григорія. Онъ пишетъ: «Свидѣтель Богъ, что
твои письма (которые были писаны ранѣе возстанія противъ
церкви) мы всегда предлагали вниманію и сердцу королей за-
пада, рекомендую имъ миръ съ тобою и осыпая тебя похвалами,

сообразно съ твоимъ прежнимъ поведеніемъ. Отъ того они принимали твои laurata (изображенія), воздавая честь, приличную въ сношеніяхъ между царями (reges). Это было до тѣхъ поръ, пока они не услышали о твоемъ начинаніи и попыткѣ, которыми ты заявилъ свое возстаніе противъ иконъ (*cum nondum incoeptum hoc conatumque tuum, quo adversus imagines insurrexisti; audivissent*). Когда жъ они узнали и до нихъ дошли слухи, что ты посыпалъ Іовина, спаѳарокандидата въ Халкопратії, для сокрушенія и уничтоженія (*ad evertendum et confringendum*) Спасителя, прозываемаго Антифонитомъ, — тогда они бросили на землю и потоптали ногами твои изображенія». Въ описаніи самой сцены, дѣятелями которой были извѣстныя благородныя женщины (жены спаѳарокандидатовъ, по словамъ Григорія II), сообщается между прочимъ та подробность, что Іовинъ ужъ успѣлъ три раза ударить сѣкирою по лицу иконы¹⁾. Итакъ, и здѣсь при исполненіи мѣры, которая была началомъ иконоборчества Льва Исавра и, следовательно, должна относиться къ десятому году его царствованія, какъ она въ самомъ дѣлѣ и относится Феофаномъ, дѣло шло не о поднятіи вверхъ иконы, которую и безъ того можно было достать только при помощи лѣстницы, а о совершенномъ ея уничтоженіи.

Преслѣдованіе иконъ началось и первое время совершалось помимо патріарха, который былъ защитникомъ иконъ. По всей вѣроятности, первоначальныя мѣры не имѣли общаго характера. Примѣръ, поданный въ Константинополѣ, относился собственно къ одному изъ общественныхъ зданій, а не къ храму; его подражателями были только тѣ епископы, которые уже ранѣе питали убѣжденія, враждебныя иконопочитанію, и по всей вѣроятности, внущили свои возврѣнія императору. Таковы были упомянутый въ посланіи папы Григорія Феодосій Ефесскій, сынъ бывшаго императора Апсимара, Константинъ, епископъ города Наколія (во Фригії), и Омара Клавдіопольскій (въ Пафлагоніи или же въ Исаврії, такъ какъ въ обѣихъ есть города съ именемъ Клавдіополя), извѣстные по письмамъ патріарха Германа, помѣщенными въ актахъ седьмаго вселенского собора. Въ епархіяхъ такихъ епископовъ церкви съ самаго начала были очищаемы

1) *Mansi, XII, 969; Migne, P. L., 89, 518 sq.*

298 отъ образовъ; въ другихъ епархіяхъ, во главѣ которыхъ стояли единомышленники патріарха Германа, все оставалось по старому, по крайней мѣрѣ внутри храмовъ. Чтобы приступить къ рѣшительнымъ и общимъ мѣрамъ, необходимо было порѣшить предварительно вопросъ о патріархѣ, то есть, или склонить его къ отмѣнѣ иконопочитанія, или же низвергнуть. Теофанъ разсказываетъ подъ тринадцатымъ годомъ Льва (729 г.), что царь пригласилъ къ себѣ патріарха и повелъ съ нимъ рѣчь сначала въ дружелюбномъ тонѣ. Германъ замѣтилъ ему: «Изъ одного предсказанія мы знаемъ, что дѣйствительно будетъ когда-то уничтоженіе иконъ, но только не въ твое царствованіе». Императоръ пожелалъ узнать имя царя, при которомъ предсказаніе должно было исполниться. Отвѣтъ Германа былъ «при Кононѣ». «Но», объявилъ царь, — «мое имя, данное мнѣ при крещеніи, въ самомъ дѣлѣ есть Кононъ». Удивленный патріархъ съ горестію произнесъ: «Да не будетъ, государь, чтобъ это зло совершилось въ твое царствованіе; потому что имѣющій исполнить предсказаніе есть предтеча Антихриста и разрушитель божественного домостроительства». Послѣ этой бесѣды императоръ Левъ еще болѣе прежняго сталъ питать враждебныя намѣренія противъ патріарха Германа и всячески искалъ предлога обвинить его въ измѣнѣ или оскорблениі величества. Онъ нашелъ себѣ помощника въ лицѣ патріаршаго синкелла Анастасія, который по честолюбію стремился къ достижению патріаршескаго престола. Но происки оказались излишними. Когда императоръ, во вторникъ седьмого января XIII индикта (730 г.), созвалъ силенцій противъ святыхъ иконъ въ трибуналѣ девятнадцати возлежащихъ (здание, знаменитое своею красотою, названное такъ потому, что здѣсь императоръ обѣдалъ въ день Рождества non sedendo, sed recumbendo), то пригласилъ сюда и патріарха Германа, все еще надѣясь склонить его къ подписанию эдикта противъ иконъ. Но святой мужъ вместо того снялъ съ себя омофоръ и сказалъ: «Если я Гона, то бросьте меня въ море; безъ вселенского собора я не могу, царь, вводить что-либо новое въ дѣлѣ вѣры». Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился въ свой наследственный домъ, гдѣ и уединился; а 22-го числа того же января рукоположенъ былъ въ патріарха нечестивый Анастасій.

Итакъ, удаленіе патріарха Германа и восшествіе на его мѣсто Анастасія относится къ 730 году, и никоимъ образомъ Анастасій не могъ быть патріархомъ во время Халкопратійской исторії. Единственная неточность въ хронологіи Феофана заключается только въ томъ, что число мѣсяца, назначенное для силенція, не совпадаетъ съ отмѣченнымъ также днемъ недѣли, 299 но это не болѣе какъ очень обыкновенная неисправность текста или ошибка писца, легко объяснимая¹⁾.

Уже первый періодъ иконоборства вызвалъ въ народѣ и особенно среди столичнаго населенія глубокое волненіе, выразившееся въ томъ, что многіе покидали родину, искали убѣжища въ дальнихъ странахъ на окраинахъ имперіи и въ уединенныхъ горныхъ обителяхъ — движеніе, которое послѣ въ широкихъ размѣрахъ направилось въ Южную Италию и въ Тавриду. Родители Стефана принадлежали къ числу лицъ, которыхъ не хотѣли примириться съ ересью и ради собственнаго спасенія предпочитали бѣжать отъ соблазна. Ихъ останавливалъ, однако, вопросъ о судьбѣ сына, котораго, согласно съ даннымъ объѣтомъ, слѣдовало посвятить Богу (*τὴν ἐγγύην πληρῶσαι*), то есть, постричь въ монашество. Полагая, что неудобно и опасно было бъ отдать его въ какой-либо изъ столичныхъ монастырей, они рѣшились на разлуку съ нимъ и проводили его на другую сторону моря. Переплыть проливъ, благочестивая чета, сопровождаемая обреченнымъ Богу юношемъ, прибыла въ пристань Халкидонскую и направилась по пути, ведущему къ знаменитой тогда «горѣ Святаго Авксентія». Это былъ одинъ изъ болѣе высокихъ холмовъ, возвышавшихся на сѣверной сторонѣ Никомидійскаго залива, находившійся въ Вионніи, въ десяти миляхъ отъ Халкідона, носившій первоначально название Остраго (*Οξεῖα*)²⁾.

Въ описываемое діакономъ Стефаномъ время вся горная цѣпь, опоясывающая Никомидійскій заливъ, уже была усѣяна

1) Седьмое января 730-го года было въ субботу, а не во вторникъ. Поправка должна состоять или въ томъ, что вмѣсто 7-го числа нужно читать 17-е, или же вмѣсто ἡμέρᾳ γ' (вторникъ) предположить ἡμέρᾳ ζ' (суббота).

2) См. примѣчанія Дюканжа къ исторіи Зонары, въ изданіи Диндорфа, Zonar., t. VI, p. 123.

множествомъ монастырскихъ обителей¹⁾). На холмѣ или горѣ Острой, въ уединенной пещерѣ на ея вершинѣ, еще при императорахъ Маркіанѣ и Львѣ (около половины V вѣка) подвизался святой Авксентій, а затѣмъ преемственный рядъ отшельниковъ, оставившихъ свои имена въ церковной памяти: Сергій, Вендіміантъ, Григорій и Іоаннъ прозорливый. Къ этому послѣднему 300 Григорій и Анна привели своего сына, прося сподобить его «ангельского чина», такъ какъ онъ еще до рожденія обречень былъ на жизнь монашескую. Постриженіе совершилось предъ входомъ въ святую пещеру, ибо внутрь ея никому не было дѣступа. Совершивъ обычный канонъ, Іоаннъ потребовалъ изъ рукъ Стефана принесенные имъ ножницы и посвятилъ его въ чинъ иноческій. Юношѣ шелъ тогда только шестнадцатый годъ возраста: слѣдовательно, событіе относится къ 730 году.

Затѣмъ описываются съ болѣю подробностію монашескіе подвиги Стефана. Онъ до такой степени изнурялъ себя постомъ, что старецъ, сдѣлавшійся его руководителемъ, принужденъ былъ умѣрять его ревность, ссылаясь на суровый холодъ и рѣзкіе вѣтры, господствовавшіе на горѣ, и на большие труды, которые ему приходилось переносить при такой обстановкѣ²⁾. И въ жарь, и въ холодъ Стефанъ долженъ былъ совершать трудные переходы по горнымъ тропинкамъ, чтобы доставлять все нужное для несложныхъ потребностей своихъ собственныхъ и своего учителя. Путешествіе изо дня въ день совершалось въ одномъ направлениі. На южной сторонѣ горы, тамъ где она опускалась болѣе ровною покатостію, находился женскій монастырь, основанный еще св. Авксентіемъ и ради суроваго характера мѣстности или же суровой жизни его обитательницъ прозванный монастыремъ Трихинареи (*Τριχιναρέας*): этотъ монастырь снабжалъ жизненными припасами отшельниковъ верхней пещеры. Случалось иногда, что къ прозорливому Іоанну прихо-

1) Patr. gr. 100, 1092 D: Πολλὰ γὰρ ἦν τότε ἐν αὐτοῖς τοῖς ὄρεσι μοναστήρια.. Въ Житії нѣсколько ниже говорится, что эти монастыри были потомъ разрушены и сравнены съ землею Константиномъ Копронимомъ, чтò при томъ объясняется не одною его ненавистью къ монахамъ, но и его страстью къ охотѣ звѣриной.

2) Patr. gr. 100, 1092 A: διὰ τὴν τοῦ ὄρους πάνυ κρυμώδη στυφότητα καὶ τῶν ἀνέμων τὴν σφοδρὰν ζεφύρωσιν.

дили монахи изъ обителей, разсѣянныхъ въ горахъ по сосѣдству, а Стефанъ между тѣмъ находился въ отсутствіи. Тогда его замѣнялъ другой вѣрный прислужникъ, безсловесный, но почти разумный. Святой Иоаннъ звалъ «по имени» своего пса, привязывалъ къ его шеѣ небольшую записку (*πιττάχιον*), въ которой обозначалъ то, въ чёмъ нуждался для приема постѣтелей, и наказывалъ собакъ такъ, чтобы гости слышали: «Ступай внизъ къ игумену, отнеси эту грамотку и не медля возвращайся назадъ». Собака убѣгала, являлась при келіи игумены и начинала лаять: тамъ уже знали, что это значитъ, и просьба исполнялась. Сообщая такую подробность, нашъ жизнеописатель, понятно, находить здѣсь нечто сверхъестественное и чудесное.

Между тѣмъ къ отшельникамъ приходили страшныя и грозныя вѣсти изъ столицы, зараженной иконоборствомъ. Однажды 801 Стефанъ засталъ своего учителя погруженнымъ въ глубокую скорбь: онъ положилъ голову на дверцы (*θυρίδιον*) пещеры и горько плакаль. На вопросъ о причинѣ печали, Иоаннъ предсказалъ, что это святое мѣсто, имѣющее возрасти и прославиться при Стефанѣ, будетъ при немъ же разорено иконоборцами.

Вскорѣ послѣ того Стефанъ получилъ вѣсть о смерти своего отца, все-таки оставшагося въ столице. Онъ отправился въ Константинополь, засталъ еще послѣднія минуты своего родителя, а послѣ его кончины продалъ все имущество своей семьи. Самая семья прекратила затѣмъ свое мірское существованіе, исчезла для жизни общественной, то есть, какъ это весьма часто случалось даже при болѣе многочисленномъ составѣ членовъ, ушла въ монастырь¹⁾. Мать Стефана Анна, а также одна изъ его сестеръ послѣдовали за сыномъ и братомъ и поступили въ монастырь Трихинаре; другая сестра еще ранѣе постриглась въ какой-то столичной обители. Сынъ, посвященный уже въ схиму, сдѣлался духовнымъ отцомъ своей матери и сестры.

Пришло и время кончины подвижника Иоанна, предусмотрѣнное и предсказанное имъ самимъ. Когда онъ произнесъ свое послѣднее наставленіе вѣрному ученику, гласившее о близкой

1) Нужно припомнить исторію Феодора Студита и Платона.

опасности и внушавшее бодрость въ неизбѣжной борьбѣ, Стефанъ удариль въ било (тѣ хроѹиа бѣдѡхѣ), и на его глухой погребальный звукъ со всѣхъ сосѣднихъ горъ и холмовъ, изъ долинъ и лѣсовъ, сталъ собираться «хоръ» подвижниковъ, чтобы отдать послѣднее цѣлованіе собрату и затѣмъ предать его погребенію.

Оставшись одинокимъ, Стефанъ показалъ себя достойнымъ наслѣдникомъ великихъ добродѣтелей своего наставника и прежде обитавшихъ въ пещерѣ преподобныхъ отцовъ. На тридцать-первомъ году своей жизни (следовательно, около 745 года) онъ также заключился въ тѣсномъ обиталищѣ подземной пещеры, какъ бы пчела въ ульѣ (*οἰονεὶ σίμβλῳ τινὶ*). Онъ доставалъ себѣ пропитаніе трудами собственныхъ рукъ, занимаясь плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей и перепискою книгъ, такъ какъ онъ былъ искусственъ въ искусствѣ каллиграфіи.

Городъ, стоящій на верху горы, не можетъ оставаться скрытымъ. Подвижническая жизнь Стефана сдѣлалась извѣстною на далекомъ пространствѣ, и со всѣхъ сторонъ стали приходить къ зо2 нему любители иноческаго житія. Стефанъ не могъ отказывать имъ просьбамъ о поступленіи подъ его руководство и, хотя неохотно, принималъ приходящихъ въ сожительство. Скоро число братій достигло двѣнадцати человѣкъ; писатель Житія знаетъ по именамъ половину ихъ (Маринъ, Іоаннъ, Захарія, Сергій и т. д.). Гора населилась и получила видъ и устройство киновії (общежитія); устроено было все нужное для божественной службы, усыпальница (*κοιμητήριον*) и другія потребныя зданія.

Нѣкоторое время Стефанъ оставался во главѣ образовавшагося монастыря и наставлялъ братію въ терпѣніи и смиреніи; когда же число монашествующихъ достигло двадцати, то онъ поставилъ экономомъ и вмѣстѣ своимъ намѣстникомъ Марина; а самъ, сохранивъ любовь къ уединенію и подвижничеству, удалился въ мѣсто еще болѣе суровое. Вершина горы св. Авксентія кончалась громадною скалою, за которую, на южной сторонѣ, образовалась какъ бы нѣкоторая впадина; здѣсь-то и былъ расположенъ монастырь и прежняя пещера прозорливаго Іоанна, прикрываемая и защищаемая скалой отъ холодныхъ зимнихъ

вътровъ съвернаго и западнаго¹⁾). Теперь Стефанъ взобрался на эту самую скалу, которая прикрывала пещеру и монастырь, и на верху ея построилъ себѣ келію, до такой степени узкую и тѣсную, что все ея пространство имѣло $1\frac{1}{2}$ локтя въ ширину и 2 въ длину; неподалеку отъ нея, на восточной сторонѣ, онъ устроилъ маленько мѣсто, какъ бы раковину (*κούχάριον*) для молитвы, въ которомъ едва могъ установиться одинъ согбенный человѣкъ. Пещера же, назначенная для жития, не имѣла сверху крова, и не рукотвореною крышею здѣсь служило само небо. Кто видѣлъ это обиталище, тотъ говорилъ, что это скорѣе гробница, чѣмъ какое-либо возможное жилище. Видно, что еретики даже ставили въ упрекъ святому такую необычайную внѣшнюю обстановку его подвижнической жизни; по крайней мѣрѣ биографъ защищаетъ его противъ идущихъ съ этой стороны обвиненій въ излишней гордости, стремящейся превзойти прежнихъ святыхъ. Въ оправданіе приводится то обстоятельство, что, по преданію, и св. Авксентій здѣсь же, на этой вершинѣ скалы, имѣлъ свою особую подвижническую пещеру (*τὸν κλουβὸν τῆς αὐτοῦ ἀσκήσεως*).

Удаленіе Стефана изъ монастыря относится къ 42 году его жизни (следовательно, къ 756 по Р. Х.). Тайно отъ учениковъ, не знавшихъ о назначеніи приготовлявшейся пещеры, въ сопро- 303 вожденіи одного Марина, отправился онъ на высоту скалы. Когда ученики пришли утромъ къ прежнему его обиталищу и, сотворивъ обычное преклоненіе (*μετάνοιαν*), ожидали благословенія, они поражены были безотвѣтною тишиною пещеры. Удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда они и внутри ея не нашли своего учителя: они прикладывали руки къ своимъ устамъ и указывали впередъ пальцами (восточные жесты изумленія). Со слезами, сопровождаемыми бѣніями въ грудь, они отправились къ склону холма (*ἐπὶ τὸ πρανές τοῦ βουνοῦ*). Здѣсь услышали ихъ святой Стефанъ и постарался ихъ успокоить. Ученики просили позволенія покрыть, по крайней мѣрѣ, крышею новую пещеру учителя, но получили въ отвѣтъ, что для него достаточно крова облаковъ небесныхъ. На новомъ мѣстѣ продолжа-

1) Patr. gr. 100, 1101 A: τοῦ τε βορρᾶ καὶ λιβός.

лись прежніе подвиги съ новою ревностію. И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ Стефанъ носилъ одну и ту же одежду, которая состояла изъ кожанаго хитона, монашескаго клобука (*τὸν ἄγιον κουρούλλιον*), украшенной крестами опояски (*τὸν σταυροφόρον ἀνάλαβον* = *succinctorium, vesticula rebrachiatoria*) и наплечья (*τὴν ἐπωμίδα*), отличавшаго схимниковъ: это была верхняя одежда; а нижнею служили двойныя желѣзныя вериги, въ которыхъ крестообразно было заключено его тѣло¹⁾). Спалъ онъ всегда на одной и той же тростниковой цыновкѣ (*ψιλθίον*).

Такая суровая жизнь прославила Стефана не только среди монашества, укрывавшагося въ горахъ и пещерахъ отъ иконо-борческаго гоненія, но сдѣлала его извѣстнымъ въ самой столицѣ; вѣрные иконопочитанію люди предпринимали нарочно путешествіе на гору св. Авксентія, чтобы увидѣть подвижника и получить отъ него духовное утѣшеніе и назиданіе. Среди многочисленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ заслуживаетъ особынаго вниманія одна богатая вдова, не названная своимъ мірскимъ именемъ, но принадлежавшая къ знатной фамиліи. Пришедши пѣшкомъ къ святому, она со слезами жаловалась на свое вдовство и бездѣтность и объявила о своемъ намѣреніи посвятить себя монашеской жизни. Стефанъ не только похвалилъ ея намѣреніе, но и поощряль ее исполнить обѣтъ (*τὴν ἐγγύην*) не-
304 медленно. Слѣдуя наставленію, богатая вдова тотчасъ же воротилась въ Халкидонскую пристань и отсюда на родину; она продала свои помѣстья и движимое имущество въ Константинополь, оставила родителей, друзей, знакомыхъ и сосѣдей и снова воротилась на Виоинскія горы²⁾. Заставивъ ее собственными руками раздать принесенные деньги въ сосѣднихъ сelaхъ, Стефанъ постригъ ее въ монахини, назвавъ Анной, и отправилъ въ женскій монастырь, находившійся внизу Авксентіева холма. Это рѣзкое

1) Ibid. 1104 С: πρὸς δὲ τὴν ἔνδυσιν εἶχεν διὰ σιδήρων τὸ σῶμα σταυροειδῶς ἐγκεκλεισμένον, ἀπό τε ὅμιλον ἕως τῆς ὁσφίου ἐγκυκλικῷ ζωστῆρι ἐτέρῳ σιδήρῳ κεκαθηλωμένῳ ἐξ ἀμφοῖν τῶν ἐτέρων μερῶν, καὶ ὑπὸ τῶν μασχαλῶν ἐτέραν περικαλύπτεσθαι περιζωστρίδα σιδηρᾶν, ἐν ἦ τὰ μέσα τῶν κατιόντων ἐκ τῶν ὅμιλον καθήλωτο σιδήρων.

2) О второмъ путешествіи Анны говорится въ Житіи (1105 В), что она переправилась изъ города Пропонтиды (*τῆς Προποντίδος διαπεράσασα τοῦ ἄστεος*): города съ такимъ названіемъ мы не знаемъ.

нарушение императорскихъ эдиктовъ, запрещавшихъ посвящать кого бы то ни было въ монашество, послужило поводомъ къ преслѣдованію, а затѣмъ и мученію Стефана. Приступая къ главной части своей задачи, авторъ Житія останавливается и сноva говоритьъ о недостаткѣ своихъ силъ для изображенія великихъ дѣль: только повинуясь внушенію другихъ, онъ не отказывается отъ непосильного предпріятія¹⁾. Онъ сравниваетъ бѣдствія, перенесенные древнимъ Израилемъ, съ страданіями христіанской церкви отъ еретиковъ: въ числѣ ихъ на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ нечестивый Магометъ, а передъ нимъ папа Гонорій. Они были непосредственными предшественниками злочестиваго соименного звѣрю гонителя Льва и сына его, еще злѣйшаго врага Христова, Константина Копронима.

4.

Нашъ авторъ, не находя достаточно словъ, чтобы заклеймить коварство и жестокость Льва Исавра, не сообщаетъ, однако, никакихъ фактовъ, которые давали бы основаніе сравнивать иконоборческое гоненіе съ прежними кровавыми преслѣдованіями христіанъ при язычникахъ. Кроме халкопратійскихъ мученицъ, исторія не знаетъ другихъ жертвъ, павшихъ собственно за почитаніе иконъ, а діаконъ Стефанъ даетъ право предполагать, что въ первый періодъ иконоборства, при Львѣ Исаврѣ, главные приверженцы иконъ, то есть, монахи, если и бѣжали изъ своего отечества и родины, то не ради спасенія своей жизни, а изъ ревности по благочестію, изъ желанія уйти отъ соблазна и не видѣть оскверненія святыни, лишаемой главнаго своего украшенія, ради возможности молиться въ благочестивыхъ храмахъ предъ святыми иконами. Что касается кратковременнаго правленія Артавазда, женатаго на дочери Льва, принцессѣ Аниѣ (отъ 18-го іюня 741 года по 2-е ноября 305 743 г.), то нашъ руководитель совершенно опускаетъ его и прямо переходитъ къ царствованію Константина Копронима.

1) 1108 AB:ἄτε πτωχεύων λόγου καὶ πράξεως. Πέφυκε γάρ πως κινδυνεύειν ἐν τοῖς λόγοις τῶν πραγμάτων ἡ δόξα κ. т. д.

Какъ и во многихъ другихъ житіяхъ, здѣсь говорится, что Константий Копронимъ главнымъ образомъ стремился къ уничтоженію монашества и съ неукротимымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ монаховъ, которыхъ онъ называлъ «неизрекаемыми» (*ἀμνημόνευτοι*, собственно: такие, о которыхъ не должно вспоминать, *nefandi*, *memoratu indigni*), идолопоклонниками и мраколюбцами, какъ это обнаруживала уже ихъ темная одежда (*σκοτίας δὲ τοῦτο τὸ σχῆμα καλέσας*). Собравъ весь свой народъ (*ἀπαυτα τὸν ὑπ' αὐτὸν λαόν*) — рѣчь идетъ объ одномъ изъ силенціевъ выше упомянутыхъ — онъ потребовалъ отъ всѣхъ клятвы, что никто не будетъ поклоняться иконамъ, не будетъ имѣть общенія ни съ однимъ монахомъ, никогда не обратится къ нему съ привѣтствіемъ «здравствуй» (*χαιρε*), а, напротивъ, что иконы будутъ признаваемы за идоловъ, и «мракооблаченные» вездѣ будутъ встрѣчаемы позоромъ — бранью и каменьями. Требуемая присяга, по словамъ діакона Стефана, была принесена всѣми присутствующими, и притомъ надъ животворящимъ тѣломъ и кровію Христовыми, надъ честнымъ крестомъ Христовымъ и надъ святымъ Евангеліемъ. Хотя не съ такимъ подробнымъ перечисленіемъ пунктовъ и не въ той связи, но «о всеобщей присягѣ» (*καθολικὸς ὄρκος*) упоминаютъ также и оба историческія сочиненія о времени иконоборцевъ. Феофанъ и патріархъ Никифоръ представляютъ дѣло такъ, что присяга была направлена только противъ почитанія иконъ и по времени относилась съ самому году мученической смерти Стефана Но-ваго (Theophan., ann. 6257 = 765; Nicephor., Brev. p. 73 de Boor.). Впрочемъ о всяческомъ позорѣ, которому гонитель старался подвергнуть монашествующихъ, съ достаточнouю полнотою разсказывается у тѣхъ же самыхъ писателей вообще въ исторіи царствованія Константина Копронима. Подобное же замѣчаніе слѣдуетъ сдѣлать о дальнѣйшемъ мѣстѣ Житія, гдѣ говорится о возведеніи на патріаршескій престолъ Константина Силейскаго. Патріархъ не былъ избранъ надлежащимъ образомъ, но возвведенъ въ этотъ санъ своевольною властію царя. Самый обрядъ посвященія состоялъ въ томъ, что царь вмѣстѣ съ своимъ избранникомъ вошли на церковный амвонъ, и здѣсь нечестивый Константинъ (епископъ), не достойный буквы *π*, а

скорѣе достойный буквы φ, не патріархъ, а Фатріархъ, принялъ изъ рукъ императора патріаршій омофоръ. Самъ тиранъ провозгласилъ при этомъ ἄξιος. Хронографъ Феофанъ предста- 306 вляетъ способъ избранія почти совершенно сходно, но только болѣе точнымъ образомъ указываетъ время, когда оно совершилось, именно — не до иконоборческаго собора 754 года, а во время онаго (то же самое и у Никифора).

Императоръ и патріархъ сообща разослали по всѣмъ епархіямъ грамоты къ «архисатрапамъ» (такъ называются въ Житіи областные воеводы) и епископамъ, приглашавшія на синодъ противъ святыхъ и честныхъ иконъ. Во всѣхъ областяхъ эти грамоты были встрѣчаемы плачомъ людей благочестивыхъ. Ранѣе, чѣмъ соборъ состоялся, гоненіе на иконы и противъ поборниковъ иконопочитанія возгорѣлось съ усиленною яростію. Священные предметы и сосуды (*τὰ ἱερά*) были попираемы ногами или же были передѣльваемы для иного, свѣтскаго, употребленія; изображенія Христа, Богородицы и святыхъ предавались сожженію или же были разбиваемы либо замазываемы (*ἀνάχριστις*); въ иныхъ мѣстахъ даже церкви «были раскапываемы и потомъ посыпаемы непломъ», когда невозможно было инымъ образомъ уничтожить иконы, въ нихъ находившіяся. Иконоборцы благосклонно относились только къ тѣмъ храмамъ, въ которыхъ вместо иконъ украшеніемъ служили разнообразныя изображенія — деревьевъ, птицъ, безсловесныхъ животныхъ, либо — что встрѣчалось гораздо чаще, — «сатанинскихъ» конныхъ ристаній псовой охоты, сценъ ипподрома и театра. Неяснымъ остается только то обстоятельство, были ли эти изображенія остаткомъ древнѣйшаго христіанскаго искусства, не чуждавшагося, какъ известно, подобныхъ сюжетовъ, или же они появились вновь со временемъ Льва Исавра. Во всякомъ случаѣ, тамъ где попадались такого рода картины, онѣ не только были сохраняемы, но даже раскрашиваемы вновь болѣе яркими красками. А нѣсколько ниже *<1120 С>* мы узнаемъ, что во Влахернскомъ храмѣ, кото-раго также не пощадила святотатственная рука иконоборцевъ, новые картины появились на мѣсто старыхъ. На стѣнахъ этой наиболѣе уважаемой церкви была нѣкогда представлена вся земная жизнь Христа, начиная отъ воплощенія и кончая Возне-

сеніемъ и Сопшествіемъ Святаго Духа: всего этого благолѣпія теперь она была лишена и превратилась, по выражению нашего автора, въ птичникъ и овоцную лавку (*όπωροφιλάκιον καὶ ὄρυεοσχοτεῖον*). На ея стѣнахъ были теперь изображены всякаго рода деревья и пернатыя, даже дикіе звѣри, окруженныи листьями плюща, журавлями, воронами и павлинами. Изъ словъ, съ которыми діаконъ Стефанъ обращается къ своимъ современникамъ, слѣдуетъ заключать, что всѣ эти арабески и фигуры сохранились 307 во Влахернскомъ храмѣ и послѣ Константина и Ирины, когда онъ писалъ свое Житіе.

Среди всеобщаго волненія пришли также въ движение горы и пустыни, въ которыхъ разсѣяны были кельи пустынниковъ и монашескія обители. Стефанъ Новый, какъ послѣ Феодоръ Студитъ, былъ, очевидно, общимъ руководителемъ монашеской оппозиціи противъ церковныхъ преобразованій Константина Копронима. «Со всѣхъ сторонъ Евроы», говорить авторъ нашего Житія, — «изъ Византіи, изъ провинцій Финіи и Віаиніи, изъ окрестностей Прусіады (Бруссы) стеклись къ нему обитатели пещеръ и жители горъ, требуя отъ него утѣшенія и наставлений». Длинная, очевидно, сочиненная послѣ, рѣчь подвижника изображаетъ въ рѣзкихъ чертахъ бѣдствія церкви и поруганія, которымъ подвергались послѣдователи иконопочитанія: «О насть толкуютъ сидящіе у воротъ и поютъ въ пѣсняхъ пьющіе вино (Псал. 68, 13); на пирахъ и въ гостинницахъ о насть говорять со злобой и насмѣшками; мы сдѣлялись предметомъ смѣха у всего народа». Такія и подобныя выраженія, хотя и заимствованныя изъ разныхъ мѣстъ Священнаго Писания, свидѣтельствуютъ, однако, о томъ, что общее настроеніе умовъ не было въ это время на сторонѣ иконопочитателей. Въ утѣшеніе плачущимъ собратьямъ, Стефанъ подалъ слѣдующій замѣчательный совѣтъ: «Есть три области, которыя не приняли участія въ этой нечестивой ереси: тамъ вы должны искать себѣ убѣжища. Ибо не осталось никакого другого мѣста, которое не находилось бы подъ властію дракона и не повиновалось его суесловію». Когда же присутствующіе монахи спросили: «Гдѣ именно находятся эти области?» — то святой отвѣтилъ, что это суть, во-первыхъ, сѣверные склоны береговъ Евксинскаго Понта (*τὰ πρὸς τὸ ἄναυ-*

τες τοῦ Εὐξείνου πόντου), побережныя его области, лежація по направлению къ Зикхійской епархіи, и пространства отъ Воспора (Керчи), Херсона, Никописса по направлению къ Готій низменной (*καὶ τὰ πρὸς τὴν Γότθιον*—al. *Γοττίαν*—*Κοῖλην ἀπαντῶντα*), во-вторыхъ, области, лежація по Пароенійскому морю (то есть, Средиземному), тамъ гдѣ простирается Южный заливъ (то есть, Адріатическое море), именно: митрополія Никопольская — наступротивъ старого Рима, Неаполь и отсюда пространство до рѣки Тибра (до границъ Римской области включительно), въ-третьихъ, нижнія части Ликійской провинціи, отъ Силея и Сики; далѣе на самомъ морѣ (*τὰ κατ' αὐτὴν τὴν Προποντίδα πλεόμενα*)¹⁾ — островъ Кипръ и противоположный берегъ до Триполиса, Тира и Яффы. Стефанъ также указывалъ на то, что всѣ патріархи, исключая Константинопольского, не только не приняли ереси, но и предали анаѳемъ догматы иконоборцевъ, обличали въ своихъ посланіяхъ нечестіе императора, называя его апостатомъ и ересіархомъ, точно также какъ сдѣлалъ это и мудрый Иоаннъ изъ Дамаска, котораго тиранъ (Левъ Исавръ) прозвалъ Мансуромъ, и который не переставалъ писать ему свои обличенія, обзываю его «пустымъ болтуномъ» (*έρεστυ ελῆ*) и Мамеемъ (sic).

Выслушавъ рѣчь, монахи рѣшились послѣдовать совѣту и, давъ святому прощальное цѣлованіе, разошлись, чтобы затѣмъ удалиться въ мѣста безопаснія отъ соблазна и гоненія. «Византія осиротѣла, какъ будто все монашество было уведено въ плѣнъ. Одни отплыли по Евксинскому Понту, иные на островъ Кипръ, а другіе въ старый Римъ».

Громадное выселеніе византійскаго монашества въ періодъ иконоборства есть несомнѣнныи историческій фактъ, огромное значеніе котораго въ судьбахъ Италіи, одной изъ странъ, куда направлялась эмиграція, можно считать извѣстнымъ, хотя и недостаточно разъясненнымъ. Оно содѣствовало сохраненію греческаго языка и культуры въ южной Италіи во все продолженіе среднихъ вѣковъ, оно поддержало господство греческой народно-

1) *<Patr. gr. 100, 1117 D. >* Здесь слово Пропонтида употреблено въ общемъ значеніи предморья, а не въ смыслѣ Мраморного моря.

сти и православной церкви въ Апулії и Калабрії до утверждения здѣсь Норманновъ; а, можетъ быть, оно было одною изъ главныхъ причинъ превращенія этихъ областей въ чисто-греческія страны, если мы откажемся вѣрить въ непрерывность существованія древнихъ элементовъ эллинскаго населенія въ прежней Великой Гречіи, несмотря на латинизацію во времена римскаго господства и особенно имперіи. При этомъ, конечно, нужно будетъ помнить, что монашеская эмиграція сопровождалась также переселеніями другого рода, то есть, мірскихъ и семейныхъ людей, дорожившихъ своими религіозными убѣжденіями, и опиралась на присутствіе въ странѣ греко-візантійского правительства (со времени Юстиніана), представляемаго многочисленнымъ чиновничествомъ и т. д. Мѣстные археологи насчитываютъ двѣсти греческихъ монастырей, основанныхъ въ періодъ времени отъ начала иконоборства до X вѣка въ одной Калабрії; есть списокъ, составленный на основаніи средневѣковыхъ хроникъ, въ которомъ поименовано девяносто-пять древнихъ обитателей въ этой же самой провинції¹⁾. Если не всѣ онъ возникли въ періодъ иконоборства, то, съ другой стороны, и самый списокъ можетъ быть легко дополненъ на основаніи вновь изданныхъ документовъ. Десять большихъ греческихъ монастырей основано было въ вышеозначенную эпоху около одного города Россано. Въ 733 году въ епархіи Барской (Бари, въ Апулії) поселилось, говорятъ, до тысячи монаховъ изъ Гречіи. Число всѣхъ иконо-почитателей, оставившихъ родину и нашедшихъ убѣжище въ Италіи, по разсчетамъ новыхъ историковъ, простирадлось за пятьдесятъ тысячъ. Цѣлый рядъ преданій, сохраняющихся въ южной Италіи, говорить объ иконахъ и святыняхъ, перенесенныхъ сюда съ востока, когда тамъ почитатели ихъ были преслѣдуемы. Та женщина, которая принесла въ Неаполь серебряный ковчегъ, заключающій въ себѣ главу Григорія Просвѣтителя, и построила

1) Вопросъ о візантійско-греческой колонизаціи въ южной Италіи и о монашескихъ переселеніяхъ всего подробнѣе изложенъ въ сочиненіи Замбелли: 'Італо-еллніческіе, южн. С. Замбелліо. 'Ев' Афінай, 1864. Отсюда многое взято въ изслѣдованіе Морози о греческихъ діалектахъ Отрантской земли: Studi sui dialetti Greci della terra d'Ortranto del prof. Giuseppe Morosi, Lecce, 1870. Большую часть указаній мы заимствуемъ изъ греческаго сочиненія Замбелли, см. стр. 195—205.

въ честь этого святого знаменитый и до сихъ поръ монастырь (San Liguorî), относится по времени своей жизни къ VIII столѣтію. Чудотворная икона Богородицы (Одигитрія), донынѣ почитаемая въ Бари, появилась здѣсь вмѣстѣ съ бѣглецами изъ Греціи все въ ту же эпоху, какъ обѣ этомъ повѣствуетъ мѣстное церковное преданіе (синаксарь), повторяющееся, впрочемъ, съ небольшими измѣненіями подробностей во многихъ другихъ городахъ южной Италії (Идронто, Барлетта, Россано, Амальфи, Панормъ, Мессина и т. д.). Если ужъ южныя провинціи полуострова, находившіяся подъ прямою властію имперіи, считались, по своему отдаленію отъ центра, удобнымъ пристанищемъ для спасавшихся отъ иконоборческаго гоненія, то въ еще болѣе выгодныхъ условіяхъ находилась Римская область. Римскій первосвященникъ сталъ во главѣ оппозиціи противъ новой ереси; его престолъ считался общимъ убѣжищемъ и защитою правовѣрующихъ. Въ житіяхъ святыхъ занимающаго нась времени нерѣдко встрѣчаются указанія на греческихъ монаховъ, удалившихся изъ отечества въ старый Римъ, гдѣ они находили безопаснѣсть и правильное богослуженіе на своемъ родномъ языке. Еще во времія моноѳелитской ереси, при папѣ Агаѳонѣ, существовали въ Римѣ четыре греческіе монастыря¹⁾. Впослѣдствіи число ихъ умножается: такъ, папа Пасхалій I отдалъ, въ 817 году, толпѣ новыхъ пришельцевъ монастырь св. Пракседы съ прямымъ условіемъ, чтобы въ немъ совершались днемъ и ночью греческія пѣснопѣнія²⁾. Мы ужъ упоминали о греческихъ монахиняхъ, основавшихъ въ Римѣ женскую греческую школу. Онѣ прибыли въ Римъ при Константинѣ Копронимѣ, около 750 года; папа Захарій отдалъ имъ монастырь на Марсовомъ полѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ другими мощами положены были святые останки Григорія Назіанзина; открытая здѣсь монахинями школа славилась во все времена, пока были живы пришельцы

1) Mansi XI, 199.

2) *Liber Pontificalis*, II, p. 54, 27 ed. Duchesne: construxit - - cenobium, quod et nomine sanctae Praxedis virginis titulavit, in quo et sanctam Grecorum congregationem adgregens, quae die noctuque grecae modulationis psalmodie laudes omnipotenti Deo sanctisque illius ibidem quiescentibus sedule persolverent introduxit.

«ученой Греції»¹⁾. Папа Григорій III основавъ для убѣжища греческимъ монахамъ и для совершенія греческой літургіи монастырь св. Хрисогона. Папа Павель I обратилъ собственный наслѣдственный домъ въ монастырь св. Сильвестра и подарилъ его, въ 761 году, поселившимся въ Римѣ грекамъ (Rodota II, 63; Baron. sub anno). Значеніе этой монашеской эмиграціи для исторіи средневѣковаго просвѣщенія, науки и церковнаго искусства на западѣ никакъ не должно быть признаваемо маловажнымъ. Извѣстія о греческихъ монашескихъ поселеніяхъ въ Крыму, сопоставленіе которыхъ мы отлагаемъ для статьи, посвященной житію Іоанна Готскаго, конечно, гораздо болѣе скучны, чѣмъ данная, относящаяся къ однородному явленію въ Италии. Но уже по аналогіи можно судить, какой важный фактъ, совсѣмъ не отмѣченый византійскими хрониками, скрывается подъ краткимъ указаніемъ на Корсунь, Керчь и Готскій берегъ, вложеннымъ въ уста Стефана Нового.

Возвращаясь къ порядку прерваннаго изложенія, мы опять должны вѣсколько остановиться на иконоборческомъ соборѣ 754 года, о которомъ въ Житіи сообщаются только краткія и не совсѣмъ точные свѣдѣнія. Приготовивъ умы посредствомъ вышеупомянутыхъ народныхъ собраній, или силенціевъ, которыхъ въ продолженіе 753 года вѣсколько разъ были созываемы въ разныхъ городахъ имперіи, какъ обѣ этомъ говорить Феофанъ²⁾, Константинъ Копронимъ пригласилъ наконецъ всѣхъ епископовъ на большой вселенскій соборъ. Мѣстомъ первыхъ засѣданій собора былъ дворецъ Іерія, на азіатской сторонѣ Босфора между Халкідономъ и Хрисополемъ (Скутари).

311 Число присутствующихъ епископовъ простиравлось до 338; такъ какъ, вопреки діакону Стефану, патріаршескій престолъ, по смерти Анастасія († 753 г.), не былъ еще замѣщенъ, то первенствующую роль на синодѣ имѣли архіепископъ Феодосій

1) Rodota, Dell'origine del rito greco in Italia, II, 71.

2) <Въ томъ мѣстѣ Феофана, которое по изданію de Boor'a (p. 427, 20 sq.) читается такъ: σιλέντια καθ' ἑκάστην ποιῶν, прежде, вмѣсто ποιῶν, читалось πόλιν. Это чтеніе, повидимому, не имѣющее для себя основаній въ рукописяхъ, имѣть въ виду В. Г. и пытался защитить какъ остатокъ вѣрнаго чтенія σιλέντια καθ' ἑκάστην πόλιν ποιῶν В. М. Меліоранскій въ разсужденіи «Георгій Кипріянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ», Спб. 1901, стр. 65—71.›

Ефесскій, сынъ бывшаго императора Апсимара, уже со времени Льва Исавра ревностный членъ иконоборческой партіи, и епископъ города Перги, Пастилла (Παστιλλᾶς). Нужно думать, что именно честолюбивыя надежды выдающихся епископовъ (къ которымъ слѣдуетъ причислить и Константина Силяйского) занять праздное мѣсто располагали ихъ къ угодливости предъ императоромъ и отнимали всякую охоту противодѣйствовать его планамъ. «Каѳолические престолы Римскій, Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій не имѣли на соборѣ никакихъ представителей; засѣданія начались десятаго Февраля и продолжались до восьмого августа въ Іеріи; въ сей послѣдній день враги Богородицы сошлись уже въ Влахернахъ, и здѣсь императоръ, взявъ за руку монаха Константина, епископа Силяйского, и помолившись, изрекъ громкимъ голосомъ: «Константину, вселенскому патріарху многая лѣта...». А двадцать седьмаго числа того же мѣсяца царь, въ сопровожденіи нечестиваго первосвященника и прочихъ епископовъ, явились на площади (ἐν τῷ Φόρῳ) и предъ всѣмъ народомъ провозгласили свою нечестивую ересь, предавъ анаемъ святѣйшаго Германа и Георгія Кипрскаго, а также Иоанна Дамаскина Мансура». Къ этому краткому разсказу хронографа Феофана, съ которымъ вполнѣ сходятся еще болѣе краткія сообщенія патріарха Никифора и Амартола, Житіе Стефана Нового не прибавляетъ почти ничего существеннаго. Въ немъ *(col. 1120 D sq.)* говорится только объ окончательныхъ собраніяхъ во Влахернскомъ храмѣ, когда «среди чревоугодныхъ епископовъ», на ряду съ самимъ царемъ, предсѣдательствовалъ «соименныи ему предатель церкви, патріархъ Константинъ», и съ особыннымъ негодованіемъ передается заключительная сцена послѣдняго засѣданія, когда присутствующіе іерархи подняли руки къ небу и воскликнули, обращаясь къ императору: «Днесъ спасеніе миру, яко ты, царю, свободиль ны отъ идолослуженія». (Это есть и у Амартола). «Если», съ насмѣшкою замѣчаетъ авторъ, имѣя въ виду современныхъ ему послѣдователей ереси,— «искупителемъ отъ служенія твари и поклоненія идоламъ долженъ считаться не Христосъ, а вашъ императоръ, котораго вы называете тринадцатымъ апостоломъ, то вамъ и креститься слѣдуетъ не во имя Святой Троицы, а во имя Пастиллы, Три-

какава и Кавала, его учениковъ». Что касается синодальныхъ 812 рѣшений, то авторъ Житія, помимо приравненія иконъ къ идоламъ и анаемы патріарху Герману, упрекаетъ епископовъ въ оскорблениі, нанесенномъ самимъ святымъ и Богородицѣ, такъ какъ на соборѣ будто бы было признано, что они или она не могутъ оказывать никакой помощи людямъ послѣ смерти, то есть, будто бы отвергнуто было ученіе о заступленіи святыхъ, а, следовательно, и польза молитвы, обращенной къ нимъ. Неоспоримость этого послѣдняго обвиненія не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно, повидимому, подтверждается свидѣтельствомъ Феофана, относящимся, правда, къ позднѣйшимъ дѣйствіямъ Кондронима, что императоръ письменно и устно проповѣдывалъ о бесполезности молитвъ къ Богородицѣ и святымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «закапывалъ въ землю и вообще удалялъ изъ виду моши послѣднихъ» (Ann. 6258—766 г.)¹⁾. Вопросъ объ отношеніи иконоборцевъ къ этимъ двумъ пунктамъ — почитанію мощей и молитвенному призываю святыхъ — имѣеть довольно важное значеніе для послѣдующихъ нашихъ соображеній (относительно житія Георгія Амастридскаго). Поэтому мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь подлинныя постановленія собора 754 года, относящіяся къ данному вопросу. Они сохранились не въ самыхъ актахъ иконоборческаго собора (известно, что впослѣдствіи всяко го рода книги и сочиненія иконокластовъ очень усердно истреблялись православными, и что потому полныхъ актовъ Влахернскаго собора, съ преніями и голосованіемъ, не дошло до насъ), а въ дѣяніяхъ второго Никейскаго собора (787 г.), въ шестомъ засѣданіи котораго одинъ изъ обратившихся поборниковъ ереси принужденъ былъ, къ своему посрамленію, прочитать «определение» (*брас*), то есть, окончательно формулированныя постановленія Кондронимовскаго собранія — для того, чтобы они были тутъ же опровергнуты шагъ за шагомъ. Анаематствованія, составляющія часть этого «определения», гласятъ, что возстановлять образы святыхъ посредствомъ материальныхъ красокъ и цвѣтовъ на бездушныхъ и глухихъ иконахъ есть не только суетное и бесполезное предпріятіе, но даже богопротив-

1) То же самое въ Libellus Synodicus: Hardouin, V, 1542.

ное и дьявольское, но что вместо того слѣдуетъ заботиться о подражаніи святымъ на дѣлѣ; ихъ добродѣтели, какъ онѣ объясняются въ письменныхъ сочиненіяхъ, должны служить намъ какъ бы одушевленными образами (иконами), которые мы должны отображать въ себѣ самихъ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ слѣдующее: «Если кто не признаетъ, что всѣ отъ вѣка и до 318 нынѣ святые, прежде закона, подъ закономъ и подъ благодатію угодившіе Богу, честны предъ нимъ душой, а равно и тѣломъ, и кто не испрашиваетъ себѣ ихъ молитвъ, согласно съ церковнымъ преданіемъ, какъ существъ, имѣющихъ дерзновеніе представатьствовать за міръ, тотъ анасема да будетъ»²⁾). Рѣшенія собора, принятыя единогласно всѣми 338-ю епископами, должны были, конечно, считаться обязательными въ предѣлахъ имперіи. Императоръ требовалъ отъ всѣхъ не присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ и отъ наиболѣе уважаемыхъ монаховъ письменного согласія съ обнародованными постановленіями. Не видно, чтобы въ средѣ мірского духовенства и высшихъ сановниковъ церкви нашелся хотя одинъ, отказавшійся послѣдовать приглашенію: «Всякая рука подписывала, и всяческія уста изрекали свое согласіе» (Житіе Стефана). Только среди монашества обнаружилась рѣзкая и упорная оппозиція; во главѣ ея очутился прославленный подвижникъ горы св. Авксентія. Вотъ какъ излагается ходъ дѣла въ самомъ Житіи³⁾. Зная дѣла и славу святого, его великое вліяніе на иноковъ и всѣхъ православныхъ, царь рѣшился привлечь его на свою сторону. Съ этою цѣлію онъ послалъ къ Стефану одного изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, патриція Каллиста, человѣка хитраго и весьма искуснаго въ преніяхъ: онъ долженъ былъ убѣдить под-

1) Mansi, XIII, 345 CD: Εἴ τις τὰς τῶν ἀπάντων ἀγίων ὸδέας ἐν εἰκόσιν ἀψύχοις καὶ ἀναῦδοις ἔξ υλικῶν χρωμάτων ἀναστηλοῦν ἐπιτηδεύοι, μηδεμίαν ὄνησιν φερούσας· ματαία γάρ ἐστιν ἡ ἐπίνοια καὶ διαβολικῆς μεθοδέας εὑρεσις· καὶ οὐχὶ δὴ μᾶλλον τὰς τούτων ἀρετὰς διὰ τῶν ἐν γραφαῖς περὶ αὐτῶν δηλουμένων οἵον τινας ἐμφύχους εἰκόνας ἐστι τῷ ἀναζωγραφεῖ καὶ πρὸς τὸν διμοιον αὐτοῖς ἐκ τούτου διεγείρεται ζῆλον, καθὼς καὶ ἐνθεοὶ ἡλῶν ἐφησαν πατέρες, ἀνάθεμα.

2) Ibid. col. 348 D: Εἴ τις οὐχ ὁμολογεῖ ἀπαντάς τοὺς ἀπ' αἰῶνας καὶ μέχρι τοῦ νῦν ἀγίους, πρὸ νόμου καὶ ἐν νόμῳ καὶ ἐν χάριτι τῷ Θεῷ εὐχρεστήταντας, τιμίους εἶναι ἐνώπιον αὐτοῦ ψυχῇ τε καὶ σώματι, καὶ τὰς τούτων οὐκ ἔξαιτεῖται προσευχὴς, ὡς παρρησίαν ἐχόντων ὑπὲρ τοῦ κόσμου πρεσβεύειν, κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν παράδοσιν, ἀνάθεμα.

3) *<Patr. gr. 100, 1121 D — 1125. >*

вижника подписьаться подъ определеніями собора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ своего особаго благоволенія, царь послалъ ему дары — не золото и серебро, которыхъ, какъ было известно, пустынникъ ни отъ кого не принималъ, но разные плоды: финики и миндаль (*σχάδας*), что составляло обычную пищу отшельника. Каллистъ встрѣтилъ самый рѣшительный отпоръ: сжавъ свои пальцы въ кулакъ, Стефанъ объявилъ, что, если у него останется хотя одна горсть крови, онъ и ее готовъ будетъ пролить за иконы, и отвергъ дары словами: «Елей грѣшнаго да 314 не намастить головы моей и пища отъ еретика да не насладить гортани моей». Каллистъ ушелъ со стыдомъ и донесъ о происшедшемъ царю. Тогда царь, воспылавъ гнѣвомъ, немедленно послалъ «архисатраповъ и щитоносцевъ», подъ предводительствомъ того же Каллиста, и приказалъ, чтобы они взяли Стефана изъ пещеры и держали его подъ стражею въ нижнемъ монастырѣ, пока не будетъ рѣшено, какъ съ нимъ поступить. Появленіе людей вооруженныхъ произвело смятеніе въ горѣ Авксентія; Стефанъ, который отъ поста и истощенія не могъ двигаться, перенесенъ былъ «щитоносцами» на ихъ плечахъ внизъ и былъ заключенъ вмѣстѣ съ другими монахами, находившимися при немъ, въ «усыпальницѣ» (*κομιγτήριον*) Авксентія, и при дверяхъ ея поставлена стража. Шесть дней заключенные провели безъ пищи; на седьмой пришло приказаніе освободить ихъ и оставить на свободѣ. Причиною тому былъ походъ противъ Скиевъ, то есть, Болгаръ, съ которыми Константінъ Копронимъ воевалъ и въ 755 году, и въ 759. Но первый изъ этихъ походовъ здѣсь не можетъ быть подразумѣваемъ, такъ какъ выше было указано, что до 756 года Стефанъ не былъ тревожимъ, а въ этомъ послѣднемъ году удалился въ свою верхнюю пещеру. Военный отрядъ, напугавшій обитателей горы, теперь, испросивъ себѣ благословеніе подвижника, воротился въ столицу и отправился вмѣстѣ съ царемъ походомъ въ провинцію Европу.

Между тѣмъ Каллистъ, злобствуя противъ Стефана — нужно думать вслѣдствіе понесенной неудачи въ исполненіи царскаго порученія — тайно призвалъ къ себѣ одного изъ учениковъ его, по имени Сергія, и склонилъ его, какъ новаго Гуду, предать

учителя. Сергій, оставивъ монастырь, сблизился съ однимъ чи-
новникомъ, завѣдывавшимъ сборомъ пошлинъ въ Никомидій-
скомъ заливѣ (τὸν ἀρχιτελωοῦντα κόπου τῆς Νικομηδείας φορο-
λόγου), и вотъ они вдвоемъ написали доносъ царю, въ которомъ
Стефанъ обвинялся въ томъ, что онъ называется царя еретикомъ,
предаетъ его анаемѣ, именуетъ позорными прозвищами (Συρο-
γενῆ τε καὶ Βιτάλην), и «сидя на горѣ, копаетъ противъ него
ямы» (βόφρους κατὰ σοῦ ὁρύσσει ἐν τῷ ὄρει καθήμενος): тутъ раз-
умѣется, повидимому, не въ переносномъ смыслѣ какое-либо
злоумышленіе, а суевѣрное символическое дѣйствіе, напоминаю-
щее выниманіе слѣда. Сверхъ того злоумышленники взводили на
отшельника много другихъ лживыхъ обвиненій, между прочимъ,
самую злую клевету, будто онъ находится въ преступной связѣ
съ тою знатною вдовою, которая была имъ пострижена въ мо-
нахини, и посѣщаетъ ее по ночамъ. (Здѣсь повѣствователь обра-
щается къ своимъ слушателямъ съ выраженіями своего него- 315
дованія). Для подкѣпленія послѣдней лжи клеветники угово-
рили служанку благочестивой Анны объявить себя свидѣтельни-
цей, обѣщаюшая доставить ей свободу (συνταξάμενοι ταύτην ἐλευθե-
ροῦν) и выдать ее за одного изъ придворныхъ служителей¹⁾.

Доносъ былъ отправленъ къ царю, находившемуся въ Бол-
гаріи, посредствомъ скорохода (*διὰ ταχυδρόμου*). Прочитавъ его,
Конронимъ ухватился за благовидный предлогъ къ возобновле-
нію преслѣдованія и тотчасъ же отправилъ курьера²⁾ къ своему
намѣстнику въ столицѣ (πρὸς τὸν ἀυτοῦ τὴν πόλιν κρατοῦντα),
патрицію Антесу. Въ письмѣ, которое сообщается какъ будто
въ подлинникѣ и въ самомъ дѣлѣ носить характеръ такой до-
стовѣрности, ему давалось порученіе отправиться въ мона-
стырь при подошвѣ холма Авксентіева, гдѣ живутъ блудницы,
прикрывающіяся видомъ благочестія, изъ разряда «неизрекае-
мыхъ», и схвативъ одну изъ нихъ, по имени Анну, съ тѣмъ же

1) *<Patr. gr., 100, 1125 B — 1128. >*

2) *Верѣдари, Veredarii, казенная почта и курьеры учреждены въ Римской имперіи еще Августомъ; Валентиніанъ I опредѣлилъ, чтобы въ ихъ повозки (въ которыхъ были запрягаемы лошади, смилившіяся на станціяхъ чрезъ 50 римскихъ миль) не садилось болѣе трехъ человѣкъ. Они упоминаются у Прокопія (de Bello Persico II 20, p. 241, 22 Haur.), а также разумѣются и въ на-
шемъ житіи.*

самымъ посланнымъ къ нему курьеромъ отправить ее въ лагерь. Епархъ явился съ толпою воиновъ и привель въ смятеніе монастырь: оно описывается довольно живыми чертами, равно какъ и сцена допроса въ военномъ лагерѣ. Анна и еще одна изъ монахинь, представленная императору, были имъ самимъ подвергнуты допросу. Пораженный смѣлымъ отвѣтомъ женщины, съ негодованіемъ свидѣтельствовавшей о святой жизни Стефана и собственной невиновности, тиранъ, погрузившись въ задумчивость, кусаль ногти на одной рукѣ, а другою крутиль по воздуху: это былъ его привычный жестъ. Затѣмъ онъ приказалъ Анну держать подъ стражей, а другую «изъ сестеръ», по имени Феофанѣ, отпустить обратно въ монастырь. По окончаніи похода оклеветанная женщина была заключена въ одной изъ константинопольскихъ темницъ, именно въ Фіалѣ, гдѣ она была подвергнута новому допросу и вслѣдъ затѣмъ жестокой пыткѣ, послѣ которой на время удалена была въ одинъ изъ столичныхъ монастырей¹⁾.

Истязаніе Анны было вызвано желаніемъ найти предлогъ къ посрамленію Стефана. Когда это не удалось, то преслѣдованиe противъ него снова было пріостановлено. Изъ этого прежде всего слѣдовало бы заключить о нѣкоторомъ великолѣпіи императора, побудившемъ его оставить безъ вниманія всѣ другіе пункты доноса, тогда какъ въ нихъ заключались совершенно достаточныя основанія судить Стефана, какъ повиннаго въ оскорблениі величества, не говоря ужъ объ ослушаніи и упорномъ противорѣчіи императорскимъ эдиктамъ и соборнымъ постановленіямъ. Вообще видно, что даже послѣ 754 года такъ называемое гоненіе состояло собственно въ исполненіи соборного рѣшенія по отношенію къ святымъ, но неодушевленнымъ предметамъ, то есть, въ удаленіи и уничтоженіи иконъ, а не въ преслѣдованіи и казняхъ живыхъ людей, хотя бы и высказывавшихъ рѣзкое противодѣйствіе церковнымъ стремленіямъ и планамъ императора. Хронологія въ Житіи Стефана Нового даетъ основаніе полагать, что прямое гоненіе иконопочитателей-монаховъ началось не ранѣе 761 года, чтѣ подтверждается и другими источниками.

1) *<Patr. gr., 100, 1128—1132. >*

Новы́мъ рѣшительнымъ поводомъ къ преслѣдованію Стефана послужило, повидимому, постриженіе въ монашество одного изъ близкихъ слугъ царскихъ, по имени Георгія. Авторъ Житія утверждаетъ, что его разсказъ объ этомъ событии основанъ на клятвенномъ показаніи главнаго дѣйствующаго лица въ дальнѣйшей исторіи, именно самого этого Георгія. Онъ во всемъ признался предъ своею смертю, и тѣ, которые отъ него слышали предсмертныя признанія, передали исторію нашему автору.

Итакъ, будто бы императоръ заставилъ одного молодого человѣка, служившаго при немъ, по имени Георгія, отправиться къ Стефану съ тѣмъ, чтобы онъ упросилъ преподобнаго постричь его въ монашество и принять въ число братіи. Когда это будетъ сдѣлано, Георгій долженъ быть убѣжать изъ монастыря и объявить царю о своемъ совращеніи. Георгій, прибывъ въ окрестности Авксентіева монастыря, скрывался до ночи среди пустынныхъ кустарниковъ, находившихся тутъ, а около полуночи явился предъ монастырскими воротами и просилъ себѣ пристанища, какъ заблудившійся путникъ, которому предстояла опасность или быть съѣденнымъ звѣрями, или же низвергнуться со скаль въ безду и разбиться. Впущенный Мариномъ, по приказанію Стефана, пришелъ обратилъ на себя вниманіе своею необычайною внѣшністю. Стефанъ смотрѣлъ на его одежду, лицо и бороду и съ огорченіемъ замѣтилъ, что предъ нимъ стоитъ человѣкъ съ лицомъ и бородою гладко обритыми. Здесь мы узнаемъ, что византійскій реформаторъ, Константина. Копронимъ, былъ приверженцемъ брадобритія и ввель этотъ обычай своимъ указомъ. «Богъ заповѣдалъ Евреямъ», разсу- 317 ждаетъ діаконъ Стефанъ: «не стригите головы вашей, и не порти края бороды твоей», а этотъ новый Амалекитъ, вопреки этой заповѣди, постановилъ, пусть всѣ, начиная отъ юныхъ отроковъ и кончая сѣдыми старцами, брѣютъ свои бороды на голо до самой кожи, чтобы имѣть видъ молодости и силы, подобясь жеребцамъ похотливымъ». И донынѣ, прибавляетъ онъ далѣе, — «въ нашъ дворъ приходятъ такие, которые хотя и отъ насъ, но не наши: по образу жизни они наши, а по внѣшнему виду чужие. Достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, они продолжаютъ дѣлать то же съ своею бородой, къ чему прежде при-

выкли: да исправить ихъ Богъ и да освободить отъ памяти о тиранѣ и отъ вѣры въ него, и да направить ихъ на путь истинный, прежде, чѣмъ они погубятъ вмѣстѣ съ тѣлами и свои души». Георгій, на вопросъ Стефана: «Не принадлежитъ ли онъ къ царскому двору?» — отвѣчалъ утвердительно и объяснилъ, что нечестивый царь заставилъ всѣхъ приближенныхъ принять такой же видъ и привелъ ихъ къ душевной гибели, и что онъ одинъ уклонился бѣгствомъ отъ его злыхъ обычаевъ и рѣшился спасти себя. Затѣмъ онъ сталъ просить Стефана, чтобы тотъ принялъ его въ свой монастырь и постригъ въ инока, и даже грозилъ, что онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за его душу, если не исполнить его требованія немедленно. Стефану было хорошо известно, что Конронимъ — врагъ монаховъ и особенно тѣхъ, которые принимаютъ въ иночество людей молодыхъ, но, обманутый притворною ревностію пришельца, онъ рѣшился послѣдовать слову Писанія: «Грядущаго ко мнѣ не изжено вонъ», и тутъ же снялъ съ него мірскую одежду, которую замѣнилъ «облаченіемъ послушанія», а чрезъ три дня постригъ его въ монахи и схиму¹⁾.

Между тѣмъ, «тиранъ» собралъ народъ въ ипподромѣ, въ отдѣленіи «красныхъ» (*ένθα ἐπιλέγεται τὰ τοῦ φουσίου*), и вставъ на верху скамеекъ, гдѣ расположилась толпа, сталъ громко жаловаться, что «ему нѣтъ жития отъ этой проклятой шайки неизрекаемыхъ». Народъ запутмѣлъ, раздались было голоса, «что и слѣда монашеского облаченія теперь нельзя увидѣть въ городе». Но императоръ продолжалъ: «Я не могу дольше выносить ихъ ковы: они отняли и предали «тымъ» всѣхъ моихъ служителей. Вотъ и теперь они похитили у меня возлюбленного души моей, Георгія, и сдѣлали изъ него авву. Но возложимъ на Господа печаль нашу, и онъ скоро явитъ себя въ силѣ: только со-
318 творимъ къ Нему молитву». Всѣ на это сказали: «Во истину, сердце твое въ рукѣ Божіей, и Господь услышитъ во всемъ молитву твою»²⁾.

Черезъ три дня послѣ постриженія Георгій бѣжалъ изъ монастыря и воротился въ царскій дворецъ; царь принялъ его съ

1) *<Patr. gr., 100, 1132 D — 1136,>*

2) *<Ibid., 1136 BC.>*

восторгомъ, радуясь, что теперь онъ нашелъ предлогъ убить Стефана. На слѣдующій затѣмъ день снова приказано было собраться жителямъ столицы, старцамъ, юношамъ и даже младенцамъ, не только мужчинамъ, но даже женщинамъ въ театръ ипподрома, гдѣ царь намѣренъ держать силенцій. Стеклось несмѣтное множество народа; императоръ Константинъ всталъ на прежнемъ мѣстѣ и опять началъ съ нимъ свою бесѣду. «Моя счастливая судьба побѣдила (*ἐνίκησέν μου ἡ τύχη*), и Господь услышалъ молитву мою». Народъ отвѣчалъ дружелюбно-насмѣшилыми восклицаніями: «Да когда же Богъ тебя не послушаетъ?» Это развеселило «тирана», и онъ, громко засмѣявшись, продолжалъ: «Господь открылъ мнѣ того, кого я искалъ, и если вы хотите, я покажу вамъ его». Толпа на это завопила: «Накажи его, убей, сожги огнемъ, потому что онъ нарушилъ твою заповѣдь». Когда же Георгій, въ своемъ монашескомъ одѣяніи, былъ выведенъ на сцену, то крики сдѣлались еще яростнѣе: «Злому — злая судьба (*κακὸν ἴδειν κακὰ τὰ ἔτη*): смерть ему, смерть ему! (*φονευθήτω, φονευθήτω*)». По знаку царя, съ Георгія сняли монашеское наплечіе и монашескій клубокъ (*χουκούλιον*) и бросили это въ толпу, которая тотчасъ же растоптала ногами ненавистные предметы. Затѣмъ очередь была за опоясаніемъ (*ἀνάλαβος*) въ формѣ креста; когда его сняли и хотѣли бросить въ толпу, самъ царь взялъ его въ свои руки и стала переворачивать такъ и сякъ, спрашивая: «Что бы это значило?» Тогда одинъ изъ сановниковъ (*ἀρχότων*), имя котораго авторъ Житія, очевидно, описывавшій всю сцену на основаніи живого представленія, еще твердо помнилъ, но по какимъ-то соображеніямъ счелъ неудобнымъ сообщить слушателямъ, крикнулъ: «Вели бросить и это, царь: пусть будетъ попранъ ногами сатанинскій узель». Когда желаніе было исполнено, то послѣдовала другого рода сцена. Четыре человѣка схватили разоблаченного монаха и сняли съ него остальную одежду. Затѣмъ принесены были большой сосудъ (кадка) съ водой, и стали обливать Георгія, начиная съ головы, чтобы смыть монашество, какъ какую-нибудь нечистоту. Представленіе, въ которомъ народная толпа принимала такое живое участіе, закончилось возстановленіемъ мнимаго измѣнника въ его прежнемъ званіи и видѣ. На него надѣли военную одежду

319 и шлемъ; самъ царь собственными руками повѣсили ему на плеча мечъ или шпагу (*στάθην*) и возвели его въ санъ конюшаго (*τῷ τοῦ στρατωρικοῦ ἀξίᾳ - ἐντάξας*). Гневъ толпы былъ направленъ въ другую сторону. Отрядъ вооруженныхъ людей, съ разрѣшенія императора, отправился на Авксентьеву гору, сожегъ монастырь и церковь, разогналъ монаховъ; а Стефана вытащилъ изъ пещеры и повлекъ съ собою въ столицу¹⁾.

Уже дорогою поборникъ иконопочитанія долженъ былъ вынести всяческія оскорблѣнія отъ мѣстной иконоборческой черни: ему плевали въ лицо, вонзали въ бедра терновникъ, сталкивали во рвы; одни хлопали у него надъ головой гибкими и сырыми прутьями, которые срѣзываютъ дѣти для своей забавы, и хохотали, когда ихъ свистъ пугалъ его; другіе шли впереди его въ видѣ торжественной процессіи съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ. Когда, наконецъ, отъ крайней слабости и утомленія Стефанъ не могъ болѣе продолжать такого тяжелаго пути, то его перевезли отъ близъ лежащаго морскаго берега водою въ Филиппиковъ монастырь, недалеко отъ Хрисополя (Скутары). Константий Копронимъ придавалъ такую важность противодѣйствію Стефана, что, какъ теперь оказалось, хотѣль не столько его смерти, сколько его присоединенія къ рѣшеніямъ собора 754 года и для убѣжденія его отправилъ епископовъ, наиболѣе извѣстныхъ своимъ богословскимъ образованіемъ: Феодосія Ефесскаго, Константина Никомидійскаго, Константина, епископа Наколіи, Синянія Пастиллу, Василія Трикакава и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыхъ придворныхъ сановниковъ — уже извѣстнаго намъ Каллиста и двухъ секретарей. Патріархъ же отказался отъ бесѣды и пренія съ игуменомъ Авксентіева монастыря. Свиданіе произошло въ церкви вышеупомянутой обители Филиппика. Феодосій Ефесскій, обратившійся къ Стефану первымъ, думалъ, очевидно, придать собесѣданію мягкий тонъ и кроткій характеръ: «Скажи намъ, человѣкъ Божій, почему ты возводишь на насъ подозрѣніе въ ереси и относишься съ презрѣніемъ къ царямъ, архиастырямъ, епископамъ и всѣмъ христіанамъ? Не можемъ же всѣ мы хлонотатъ о погибели душъ нашихъ!» Отвѣтъ Сте-

1) *<Patr. gr., 100, 1136 C — 1137. >*

фана, какъ онъ передается его біографомъ, отличался всею рѣзкостію и силою непреклоннаго убѣжденія. Онъ началъ словами пророка Илії къ Ахаву: «Не я развращаю, но ты и домъ отца твоего», и кончилъ слѣдующими измѣненными выраженіями псалма: «Цари земные и князи вмѣстѣ съ пастырями и предателями стада собирались противъ церкви Христовой, задумавъ суетное и ложное». Тогда одинъ изъ епископовъ, именно Константинъ Никомидійскій, еще молодой и болѣе пылкій, раздроженный титуломъ предателя, бросился на отягченнаго цѣпями и изможденнаго подвижника, который сидѣлъ на землѣ, и едва не сталъ его топтать ногами; оруженосецъ ($\tauὸν πιχρὸν τις - δορυφόρον$), заставившій подняться Стефана ударомъ въ бокъ, предупредилъ ярость епископа; а Каллистъ и его свѣтскіе спутники сочли болѣе приличнымъ совсѣмъ укротить ее. Однако, и они предложили на выборъ или признаніе постановленій собора, или же смерть. Стефанъ потребовалъ, чтобы ему прочитано было соборное опредѣленіе, и едва епископъ Наколійскій произнесъ заглавіе: «Опредѣленіе святаго вселенскаго собора», какъ Стефанъ прервалъ его, и снова посыпались рѣзкія обличенія и, наконецъ, проклятія: «Не имѣютъ права называть святымъ свой соборъ тѣ, которые попираютъ все святое, которые отняли это наименованіе у апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ и на вопросъ: куда идешь? — постановили отвѣтить: къ апостоламъ ($εἰς τοὺς ἀποστόλους$; вмѣсто къ святымъ апостоламъ), а на вопросъ, откуда идешь? — отъ сорока мучениковъ и т. д. Не можетъ быть вселенскимъ соборъ, на которомъ не участвовали и кого-либо не одобрили ни престоль Новаго Рима, ни остальные патріархи... Кто не поклоняется изображенію Господа на иконѣ, да будетъ анаѳема!» Когда Константинъ Копронимъ выслушалъ признаніе Каллиста, что побѣда въ словесномъ состязаніи осталась за Стефаномъ, онъ не приказалъ казнить его, какъ можно было бы ожидать на основаніи предыдущихъ сообщеній агиографа о намѣреніяхъ царя, а только отправилъ упорнаго монаха въ ссылку на островъ Проконнисъ¹⁾.

Тамъ, на островѣ, собирались вокругъ своего учителя его

1) *<Patr. gr., 100, 1137 D — 1145. >*

разсѣянные ученики изъ уничтоженнаго монастыря Авксентіева; недоставало только двоихъ — Сергія, который написалъ на Стефана первый доносъ, и другого его сообщника, который снялъ съ себя монашеское платье, явился съ раскаяніемъ ко двору императора и до такой степени угодилъ этимъ послѣднему, что сдѣланъ былъ участникомъ его «гнусныхъ торжествъ» (*μισταράς προποιητὰς*) въ палатахъ Софіанскихъ (*ἐν - Σοφιαναῖς*) и получилъ имя, повидимому, шутовское — папы или попа веселія (*τῆς χαρᾶς παπᾶ - ἐπωνόμασεν*). Всѣ остальные составили на островѣ новую обитель и, конечно, дѣйствовали въ пользу иконъ среди мѣстного населенія. Жизнеописатель нашего святого сообщаетъ рядъ чудесъ, сотворенныхъ имъ въ это время, въ отдаленіи отъ окрестностей Константина¹⁾). Какъ видно изъ послѣдняго, совершеннаго надъ однимъ изъ Армянъ, поселенныхъ недавно 321 въ Европѣ (*στρατιώτης τοῦ στίφους τῶν Ἀρμενῶν, ἐκ τῶν τῆς Εὐρώπης μερῶν*), чудесамъ иногда прямо помогали иконы. Армянинъ, служившій въ военномъ отрядѣ его земляковъ, сообщилъ своимъ товарищамъ о томъ, что онъ получилъ исцѣленіе отъ сухотки, поклонившись двумъ иконамъ, которыя поставилъ предъ нимъ Стефанъ. Такъ какъ въ армії особенно сильна была привязанность къ императору и ненависть къ «идолопоклонству», то сейчасъ же сдѣланъ былъ доносъ «архисатрапу Фракіи», а этотъ немедленно препроводилъ исцѣленнаго въ столицу. Допросъ, сдѣянный самимъ царемъ, указалъ опять на Стефана. «Онъ и въ изгнаніи не перестаетъ учить народъ идолопоклонству», сказалъ съ гневомъ Константинъ Копронимъ; приказано было схватить упорного монаха, посадить его въ Фіалу, то есть въ одну изъ столичныхъ темницъ, и заковать его въ колодки. Чрезъ нѣсколько дней, когда царь сидѣлъ на террасѣ Фара (*ἐν τῷ τοῦ Φάρου ἥλικῳ*) между двумя сановниками и творилъ здѣсь свой судъ, къ нему приведенъ былъ къ допросу главный предводитель ненавистныхъ «неизрекаемыхъ». Когда Стефанъ палъ лицомъ на землю, тиранъ, говорится въ Житіи, — взглянуль на него гневно, его налитые кровью глаза беспокойно забѣгали, рука замахала по воздуху, и вотъ онъ, запишивъ по змѣиному

1) *<Patr. gr., 100, 1148—1156. >*

(δραχοντιάτον τε συρεῖς), потребовалъ отвѣта. Отвѣты Стефана и на этотъ разъ дышали тѣмъ же духомъ и тѣмъ же тономъ, какъ и въ его преніи съ епископами, и наконецъ завершились дѣйствиемъ, напоминающимъ ревность мучениковъ первыхъ времень христіанства. Желая поразить врага его же собственнымъ оружiemъ, Стефанъ вынулъ изъ клубка монету съ изображеніемъ обоихъ императоровъ (Константина и Льва) и, показавъ ее предстоявшимъ, спросилъ: «Что было бы со мною, если бъ я бросилъ ее на землю и сталъ бы попирать ее ногами? Не заслужилъ ли бъ я казни?» «Конечно!» отвѣчали присутствующіе, — «потому что она носить начертаніе и имя непобѣдимыхъ императоровъ». «Если такъ, если за оскорблѣніе царя земного полагается тяжкое наказаніе», воскликнулъ Стефанъ, — «то какой же казни заслуживаетъ тотъ, кто попралъ и предалъ огню имя самого Христа и его матери на ихъ иконахъ!» И съ этими словами Стефанъ бросилъ монету на землю и сталъ топтать ее ногами. «Какъ дикіе звѣри», кинулись на него предстоявшіе и хотѣли его тутъ же низвергнуть съ высоты террасы. Но царь, который, какъ змѣя, умѣлъ мѣнять свой видъ (замѣчаніе діакона Стефана), остановилъ яростъ своихъ слугъ. По его приказанію, Стефанъ былъ отведенъ со связанными назадъ руками въ темницу, называвшуюся «священнымъ преториемъ», и теперь подлежалъ суду, какъ оскорбитель царскаго величества. Въ тюрьмѣ Стефанъ нашелъ триста сорокъ двухъ другихъ монаховъ изъ различныхъ областей: у однихъ были отрѣзаны уши или носъ, у другихъ отрублены руки, не захотѣвшія подписать осужденія иконамъ; многие были насильно обриты нечестивыми иконоборцами, или же имѣли лица опаленные отъ огня и смолы, при помоши которой подожжены были ихъ бороды. Подвижникъ Авксентіева холма былъ принятъ въ среду мучениковъ, какъ общій наставникъ и пастырь. Онъ скоро превратилъ темницу въ подобіе монастырской обители; онъ пѣлъ съ своими товарищами гимны и псалмы и исполнялъ все монашеское правило. Слава его святости и чудесъ возбудила къ нему участіе въ женѣ одного изъ темничныхъ стражей (*καπιτλάριος*), тайной читательницѣ иконъ; когда она вынула изъ запертаго на ключъ кивота (*κιβώτιον*) три иконы и, принеся ихъ въ темницу, поклонилась

передъ ними, то Стефанъ согласился принимать отъ нея хлѣбъ и воду: изъ рукъ еретическихъ онъ не согласился бы получить даже необходимое пропитаніе. Темничное заключеніе Стефана продолжалось одиннадцать мѣсяцевъ¹⁾.

Однажды, во время назидательного собесѣданія между узниками, зашла рѣчь о мученикахъ, пострадавшихъ ранѣе того въ разныхъ мѣстахъ отъ тѣхъ или другихъ областныхъ правителей. Антоній, съ острова Крита, рассказалъ о своемъ соотечественникѣ, Павлѣ Критскомъ, котораго сожегъ огнемъ «архисатрапъ» острова, по имени Феофанъ Лардотиръ. Феостирикъ, пресвитеръ монастыря Пелекиты, самъ пострадавший отъ иконоборцевъ (у него былъ отрѣзанъ носъ и сожжена борода), рассказалъ о томъ, какъ правитель Асійской земли, по имени Лаханодраконть, напалъ на его монастырь на самой Страстной недѣльѣ, съ большимъ отрядомъ войска вошелъ во храмъ, прекратилъ богослуженіе, захватилъ тридцать восемь избранныхъ иноковъ, остальныхъ же нанесъ побои или вымазалъ лицо и бороды смолой и опалилъ ихъ, или обрѣзалъ носы, и т. д., а въ довершеніе всего сожегъ весь монастырь, «начиная отъ конскихъ стойлъ до самыхъ церквей» (*ἀπὸ -ιπποφρεῖου μέχρι τῶν ἐκκλησιῶν*). Тридцать восемь иноковъ, уденные въ окрестности Ефеса и заключенные подъ сводами древнихъ бань, послѣ были засыпаны землею вслѣдствіе того, что злой гонитель ихъ велѣлъ подкопатьсосѣднюю гору²⁾. Самъ Стефанъ повѣдалъ о двухъ мученикахъ: о Петрѣ, заключенникѣ Влахернскомъ:

323 этотъ пострадалъ въ присутствіи самого императора, котораго онъ назвалъ Датіаномъ (?) и злодѣемъ (Датіакону καὶ παραβάτην),

и быть до смерти бычачими жилами, и обѣ Іоаннѣ, игуменѣ монастыря Монагрі: сей послѣдній также замученъ былъ по приказанію самого императора, именно былъ брошенъ въ море, послѣ того какъ отказался наступить ногами на икону Богородицы³⁾.

Бесѣда монаховъ, заключенныхъ вмѣсть со Стефаномъ въ

1) *<Patr. gr., 100, 1156—1164. >*

2) *<Ср. И. Д. Андреева, «Германъ и Тарасій, патріархи Константинополь-скіе», Сергіевъ Посадъ, 1907, стр. 861. >*

3) *<Patr. gr., 100, 1164—1168. >*

темницѣ преторія, сообщаетъ намъ такія свѣдѣнія объ иконо-
борческомъ гоненіи, которыя могутъ быть считаемы совершенно
точными; небольшое разногласіе съ однимъ изъ главнѣйшихъ
историческихъ сочиненій для данной эпохи происходитъ отъ
ошибки, которая должна быть отнесена не на счетъ нашего
житія. Феофанъ, подъ 6253 (= 761) годомъ говорить также
объ одномъ мученикѣ, пострадавшемъ за то, что онъ называлъ
царя новымъ Валентомъ и Гуліаномъ (= Δατιανὸν καὶ παρα-
βάτην): по мѣсту и роду жительства (καλυβίτης ἐν Βλαχέρναις =
ἐν Βλαχέρναις ἐγκεκλεισμένον), по способу мученія (διὰ μαστίγων =
βουνεύροις τιπτόμενος) это есть, очевидно, тотъ же самый Петръ
Влахернитъ, о которомъ рассказывалъ товарищамъ по заключе-
нію Стефанъ Новый. Между тѣмъ Феофанъ именуетъ его
Андреемъ, а о Петрѣ Столпникѣ говоритъ гораздо позже, уже
послѣ краткой повѣсти о мученіи Стефана Новаго, такъ что по-
слѣдній никакъ поэтому не могъ бы знать о позднѣйшей смерти
Влахернскаго отшельника. Въ настоящее время можно считать
вполнѣ доказаннымъ, что не діаконъ Стефанъ, писатель Житія,
а именно авторъ хроники допустилъ ошибку, которая, впрочемъ,
состоитъ только въ томъ, что онъ перемѣшалъ имена двухъ свя-
тыхъ. То, что у Феофана говорится объ Андреѣ, должно быть относимо къ
Петру, и то, что (подъ 6259—767 годомъ, *ср. 442, 19 sqq. de Boor.*) говорится о Петрѣ, должно быть относимо къ
Андрею Стилиту, то есть, къ тому святому, который въ гречес-
кихъ прологахъ называется св. Андреемъ иже въ Крисѣ (по
мѣсту погребенія), а въ славянскихъ, иже въ Критѣ (по мѣсту
происхожденія)¹⁾. Такимъ образомъ первою жертвою гоненія,
направленного противъ монаховъ, мы должны считать Петра
Влахернскаго и, согласно съ Феофаномъ, относить начало этого
преслѣдованія къ 761 году. Что же касается прочихъ мучени-
ковъ: Павла Критскаго (а не Кипрскаго), Феостирикта, инока 324
монастыря Пеликитскаго на Геллеспонтѣ около Прусы (см.
Полный мѣсяцесловъ Востока архим. Сергія II, примѣч., стр. 90),
Іоанна настоятеля монастыря Монагріи около Кизика, то о

1) Два греческія житія этого Андрея изданы теперь въ одномъ изъ но-
выхъ томовъ *Acta sanctorum* (*Octobr.*, t. VIII, 124 sq.); ср. также Сергія, Пол-
ный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2, II, стр. 429 сл.

нихъ существуютъ только скучныя извѣстія въ мѣсяцесловѣ (подъ 17-мъ марта), а Михаиль Лаханодраконтъ извѣстенъ изъ Феофана какъ стратигъ темы Фракісійской и одинъ изъ самыхъ ярыхъ исполнителей императорскихъ эдиктовъ противъ иконопочитанія. Поименованныя лица потерпѣли, вѣроятно, въ одно время съ Петромъ Влахернскимъ или нѣсколько позже его, но ранѣе 765 года¹⁾), котораго мы уже достигли въ нашемъ изложеніи житія Стефана Нового.

Заключеніе Стефана въ темницѣ было довольно продолжительно, какъ это можно заключать уже изъ того, что онъ, послѣ вышеизложенной бесѣды, еще сорокъ дней готовился къ смерти, которую заранѣе могъ предсказать себѣ. Наканунѣ рокового дня онъ возвратилъ женѣ тюремнаго прислужника принесенные ею образа, и та, завернувъ ихъ въ полотенце (ἐγχειρίδιφ εἰλέξασα), опять спрятала у себя въ домѣ, скрывая отъ глазъ нечестивыхъ «иконосожигателей» (εἰκονοκαυστῶν) ²⁾.

Между тѣмъ императоръ Константинъ Копронимъ, обвиняемый писателемъ Житія въ особой привязанности къ елинскому, то есть, языческимъ обрядамъ, совершалъ въ это время «демонскій праздникъ», называемый Брумаліями. По объясненію діакона Стефана, при этомъ совершалась хвала въ честь Діониса (Вакха) и Брума, какъ подателей сѣмянъ и вина, дѣмались возліянія (*σπουδῆ*) и т. д. Однако болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ языческомъ празднике, служащія также къ объясненію дальнѣйшаго разсказа въ самомъ Житіи, находимъ мы въ пасхальной хроникѣ (Chronicon Paschale I, 211, 21 sqq. ed. Bonn.). Здѣсь сообщается, что такъ называемыя Брумаліи учреждены при самомъ началѣ Римскаго государства Ромуломъ и состояли въ томъ, что зимию, когда прекращались военные дѣла, царь созывалъ у себя и кормиль во дворцѣ сенаторовъ и сановниковъ, впрочемъ, не всѣхъ вдругъ, а сначала тѣхъ, имена которыхъ начинались съ буквы А, далѣе тѣхъ, которые принадлежали къ слѣдующимъ буквамъ алфавита до омеги. То же самое должны были дѣлать знатные и богатые сановники въ отношеніи къ простому народу: «каждый кормиль, кого хотѣлъ». Съ

1) *<Но ср. И. Д. Андреева, Германъ и Тарасій, стр. 88.,>*

2) *<Patr. gr., 100, 1168 В — 1169.>*

своей стороны предводители (*πάνδοιροι*) каждого отдельного отряда (*ἐκάστου ἀριθμοῦ*) вечеромъ наканунѣ отправлялись къ домамъ такихъ обязавшихся къ гостепріимству лицъ и звуками трубы давали знать, что завтра они будутъ здѣсь обѣдать. «Этотъ обычай Брумалій удержался у Римлянъ донынѣ», прибавляетъ авторъ хроники, писавшій въ первой половинѣ VII вѣка¹⁾). Затѣмъ вмѣстѣ съ другими языческими обычаями, какъ-то: колядою (*καλάνδαι*), вогами, или праздникомъ въ честь Пана, какъ покровителя домашнихъ животныхъ, — Брумаліи были строго воспрещены 62-мъ канономъ Трулльского собора (692 года). Но, какъ мы видимъ изъ Житія Стефана, они были въ обычай и послѣ, притомъ даже при дворѣ императорскомъ, точно такъ какъ еще въ XII вѣкѣ удержались январскія коляды среди крестьянъ и Руссаліи, отправляемыя послѣ Пасхи «вовнѣшихъ странахъ»²⁾. Итакъ, императоръ утромъ (27-го ноября) засѣдалъ со своими единомышленниками въ помѣщении дворцовъхъ гвардейскихъ отрядовъ (*ἐπὶ τὰς τὸν σχολῶν στοάς*) и занять былъ совершеніемъ какого-то возліянія, въ которомъ выпала пятая буква алфавита, соотвѣтствующая имени его третьей жены Евдокіи³⁾). Въ это время ему донесено было, что предводитель «неизрекаемыхъ» Стефанъ съ холма Авксентіева превратилъ свою тюрьму въ монастырь, совершая въ ней всенощныя пѣснопѣнія, и что къ нему постоянно стекаются толпы городскаго населенія, наставляемыя имъ въ идолопоклонствѣ. Раздраженный этимъ извѣстіемъ, тиранъ сейчасъ же позвалъ одного изъ своихъ слугъ, который носилъ титулъ «ближняго человѣка»⁴⁾, и приказалъ отправить Стефана за городъ, где прежде находился храмъ мученицы Мавры, а теперь мѣсто казни осужденныхъ на смерть (*φουειτήριον*). Здѣсь, по словамъ діакона Стефана, Константинъ Копронимъ, виновникъ разрушенія храма,

1) Любопытно, что онъ ссылается при этомъ на древняго римскаго историка, Лицинія Малера.

2) См. соборное правило и объясненія къ нему Валсамона и другихъ; Rhally et Potly, Syntagma, II, 450.

3) Patr. gr., 100, 1169 BC: μελέτην ἐποιεῖτο ἀσημον καὶ Θεοῦ ἐχθρώδη πρὸς τὴν παροῦσαν σπουδὴν, ἐν ἡ τὸ στοιχεῖον τοῦ πέμπτου γράμματος ἐπεφθάκει, δούμα φέρον τῆς αὐτοῦ τρίτης μοιχαλδός γυναικός Εὔδοκίας.

4) Ibid.: τῇ τοῦ προξ̄ιμου ἀξίᾳ καταλεγόμενον.

заключилъ нѣкогда договоръ съ демонами, доказательствомъ чего служитъ принесеніе въ жертву одного дитяти (*τοῦ Σοιφλαμίου παιδάριον*): намекъ на какую-то темную исторію, распущенную, конечно, врагами императора. Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о преданіи на казнь Стефана, предписано было въ тотъ же день произвести розыски и допросы по всему городу: и вотъ всякий, у кого находили монаха или же просто носящаго черное платье 326 человѣка, будь то родственникъ или другъ его, самъ подвергался жестокой пыткѣ и потомъ быть отправляемъ въ изгнаніе. Многіе дурные люди пользовались этимъ случаемъ, чтобы избавиться посредствомъ доноса отъ своихъ недруговъ; рабы также клеветали на своихъ господъ. Во всей столицѣ стоялъ плачъ и рыданіе, какъ будто возобновились времена Гуліана и Валента.¹⁾.

Когда ближній царскій человѣкъ, заклепавъ шею и руки Стефана въ колодки, готовился исполнить надъ нимъ смертный приговоръ, самъ императоръ между тѣмъ оставилъ дворецъ и явился на публичной площади, которая называлась Миліемъ (*τὸ Μύλιον*)²⁾. Здѣсь находилось великолѣпное зданіе съ проходными галлереями, украшенное впослѣдствіи многими статуями. По свидѣтельству автора Житія, Константинъ Копронимъ наложилъ свою иконоборческую руку на украшенія этого зданія: большія картины, изображавшія шесть вселенскихъ соборовъ, были замазаны или стерты и замѣнены сценами коннаго ристанія; любимецъ царя, возница, прозванный «ураникомъ» (небеснымъ), занималъ самое видное мѣсто на новыхъ картинахъ. Народъ, находившійся на площади, привѣтствовалъ императора радостными восклицаніями; но Копронимъ опять жаловался на монаховъ: «Нѣть утѣшенія душѣ моей по причинѣ этой заразы неизрекаемыхъ». Одинъ изъ соучастниковъ ереси замѣтилъ на это, что теперь ни слѣда ни памяти не осталось отъ этихъ ненавистныхъ людей, что онъ самъ сегодня встрѣтилъ послѣдняго

1) *<Patr. gr., 100, 1169 B — 1172.;*

2) *Milium, miliare augeum*, зданіе, отъ котораго въ Константинополь, подобно тому какъ и въ старомъ Римѣ, начинался счетъ милямъ на императорскихъ военныхъ дорогахъ, а также площадь, на которой находилось зданіе: все это неподалеку отъ главнаго императорскаго дворца и Софійскаго храма.

изъ нихъ и видѣль, что его ведутъ на казнь мечемъ. Это напоминаніе послужило только къ тому, что императоръ отмѣнилъ свое первое распоряженіе и велѣль отвести Стефана обратно въ темницу. Онъ объяснилъ, что обыкновенная смерть не будетъ для упорного монаха дѣйствительнымъ наказаніемъ, потому что и самъ онъ ничего другого не желаетъ, а сверхъ того и царица будетъ съ своей стороны недовольна, если ея день въ празднествахъ Брумалій будетъ запятнанъ убийствомъ¹⁾.

Однако Константинъ Копронимъ въ тотъ же день — правда, вечеромъ — все-таки посыпалъ въ темницу двухъ придворныхъ съ такимъ наказомъ, чтобы они еще разъ попытались склонить Стефана къ послушанію, а затѣмъ, въ случаѣ отказа, били его до тѣхъ поръ, пока онъ не разстанется съ жизнью. Двое родныхъ братьевъ, избранные для исполненія царскаго повелѣнія, не нашли въ себѣ достаточно жестокости, чтобы поднять руку на святого мужа; напротивъ того, глубоко тронутые его непреклонною твердостію, они целовали его слѣды и просили его молитвъ. Воротившись къ царю, они объявили, что Стефанъ по прежнему стоитъ на своемъ и на увѣщанія отвѣчаетъ анаѳемой, но зато подвергся такимъ истязаніямъ, что остался въ темницѣ почти бездыханнымъ и къ завтрашнему дню, конечно, перестанетъ жить. Ночью императоръ узналъ (отъ полуночного демона, по выражению Житія), что онъ былъ обманутъ, и вслѣдствіе того утромъ, во второмъ часу дня (около восьми часовъ по нашему), только что поднявшись съ постели, «выскочилъ» въ передніе покой дворца (*τὰ βασιλικὰ προαύλια*) и поднялъ здѣсь вопль, на который явились его приближеніи и тѣлохранители. Константинъ Копронимъ обратился къ нимъ съ горькими жалобами: «Я вамъ не царь; вашъ царь тотъ, у кого вы валяетесь въ ногахъ, чьимъ слѣдамъ поклоняетесь, чьихъ молитвъ просите. Нѣть никого, кто покончилъ бы съ этимъ человѣкомъ и даль покой моей жизни». Такія слова должны были послужить окончательнымъ смертнымъ приговоромъ для Стефана. Толпа царскихъ тѣлохранителей бросилась къ темницѣ, схватила закованнаго въ кандалы узника и вытащила его на улицу, осыпая ударами во-

1) *<Patr. gr., 100, 1172 AD.>*

лочимое по землѣ тѣло. У часовни (*εὐχτήριον*) великомуученика Феодора, находившейся вблизи воротъ преторія, онъ уже былъ пораженъ смертельнымъ ударомъ. Однако неистовства, въ которыхъ приняла участіе столичная иконооборческая чернь, еще долго продолжались надъ бездыханнымъ трупомъ. Не только мужчины и женщины, но даже дѣти бѣжали позади съ каменьями; ради этого, замѣчаетъ нашъ авторъ, — были прекращены, по приказанію царя, школьнія занятія (*παῖδες τὰς διατριβὰς κελεύσει τοῦ τυράννου καταλείψαντες*). Притомъ, если кто, встрѣтившись съ бѣснующею толпой, не принималъ участія въ ея позорномъ торжествѣ, тотчасъ былъ подвергаемъ наказанію, какъ врагъ императоровъ. Тѣмъ не менѣе, очевидно изъ самаго разсказа, что многіе дѣлали это по собственному побужденію. На такъ называемой Воловьей площади (*τὸν τοῦ Βοὸς τόπον*) рыбный торговецъ, жарившій рыбу на сковородѣ, схватилъ изъ-подъ нея голову и своимъ ударомъ раздробилъ черепъ мученика. Послѣ этого толпа направилась къ женскому монастырю Монокіонія (*τοῦ Μονοκιονίου*), въ которомъ жила одна изъ сестеръ Стефана. Намѣреніе при этомъ было такое, чтобы и ее принудить къ участію въ побіеніи брата каменьями; но, къ счастію, она успѣла скрыться въ одной темной гробницѣ. Наконецъ трупъ поверженъ былъ на такъ называемомъ Пелагіевомъ кладбищѣ (*τὰ Πελαγίου*); здѣсь прежде была церковь мученика Пелагія (*τοῦ μάρτυρος Πελαγίου*), а когда она пришла въ ветхость и упала, то Константій Копронімъ учредилъ здѣсь място погребенія, «яму» (*τὸν βόθυνον*) для казненныхъ преступниковъ и для невѣрныхъ язычниковъ (*έθνικῶν*)¹. Все это видѣлъ одинъ благочестивый человѣкъ, почитатель иконъ и Стефана: слѣдя осторожно за влачимымъ и терзаемымъ трупомъ, онъ незамѣтно собирая въ полотенце (*έγχειριον*) частицы, которыя оставались на мястѣ²).

Мученическая смерть Стефана послѣдовала 22-го дня ноября, на пятидесятомъ году его жизни, то есть, въ 765 году³). Именно

1) *<Patr. gr., 100, 1172 D — 1177 D>*

2) *Cp. Zonar. XV, 7, vol. III, p. 351 ed. Dindorf. и примѣч. Дюканжа vol. IV, p. 106 sq.*

3) Въ Бенедиктинскомъ изданіи Житія *(col. 1177 D)* читается пятьдесятъ третій годъ; но внизу текста отмѣчено другое чтеніе рукописей Парижской

подъ этимъ годомъ говорится о ней у Феофана, а также въ хроникѣ патріарха Никифора. Оба хронографа свидѣтельствуютъ, что обвиненія противъ Стефана состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) онъ совращалъ многихъ въ монашество, 2) училъ пренебрѣгать царскій дворъ, придворную службу и вообще всякой сань и достоинство, даваемые царемъ, и 3) разрушалъ семейныя связи и семейные союзы. Частное обвиненіе въ оскорблениі величества они опускаютъ.

Житіе не говоритъ о какихъ-либо другихъ лицахъ, пострадавшихъ въ одно время со Стефаномъ Новымъ. Оно сообщаетъ только послѣдующую исторію благочестиваго Феодора, который принесъ собранныя имъ частицы мощей игумену Діева монастыря (*μουνὶ τοῦ ἀστέρος ἡγιᾶν Δίου*) и былъ потомъ отправленъ, какъ почитатель иконъ, въ ссылку на островъ Сицилію. На самого игумена былъ сдѣланъ доносъ, что онъ тайно почитаетъ кости людей, признанныхъ врагами императора, называетъ ихъ святыми, а царя именуетъ тираномъ и новымъ Гуліаномъ и ока- 329 зывается въ этомъ сообщникомъ изгнаннаго Феодора. Оба они еще разъ были позваны на судъ, но такъ какъ улика, доказавшая оправдать доносъ (то есть, ящичекъ—*λαρυκίδιον*—съ частицами мощей Стефана), чудеснымъ образомъ исчезла, то оба обвиненные были возвращены на свои мѣста¹⁾. По свидѣтельству Феофана и Никифора, вслѣдъ за Стефаномъ пострадали многія другія лица, принадлежавшія къ военному и служилому сословію (*ἄρχοντες καὶ στρατιῶται*). Позднѣйшіе греческіе мінологіи, кромѣ известной намъ Анны, Петра и Андрея, подъ тѣмъ же самимъ днемъ (28-го сентября) помѣщаютъ память и этихъ

Библиотеки, въ которомъ нѣть второй цифры. Такъ какъ Стефанъ родился въ 715 году и, по свидѣтельству Феофана и Никифора, умеръ въ 765 году, то и нужно принять это второе чтеніе. Прибавка трехъ годовъ, вѣроятно, сдѣлана на основаніи какого-либо ошибочнаго представленія объ одновременности мученической смерти Стефана съ кончиною другихъ святыхъ, пострадавшихъ за иконы дѣйствительно въ 768 году, какъ это спять отмѣчено въ хроникахъ. Феофанъ не только помѣщаетъ годъ смерти Стефана подъ 6257 годомъ и четвертымъ годомъ индикта (= 765), но сверхъ того прибавляетъ, что святой провелъ въ уединенномъ заключеніи 60 лѣтъ: хотя эта цифра и ошибочна, но происхожденіе ея снова указываетъ на круглый счетъ пятидесяти лѣтъ жизни.

1) *<Patr. gr., 100, 1180 sq. >*

многихъ воиновъ и сановниковъ, принявшихъ монашество, и нѣкоторыхъ изъ нихъ называютъ по имени. Къ сообщеніямъ минологія мы еще должны будемъ воротиться, такъ какъ здѣсь встрѣчается и Стефанъ, сосланный въ Сугдію, то есть, въ Сурожъ.

VII.

ЖИТИЕ ІОАННА ГОТСКАГО¹⁾.

1.

Введеніе. Готскіе морскіе походы. Поселеніе Готовъ въ Крыму и начало христіанства.

О Крымскихъ Готахъ, память о которыхъ не умерла на полуостровѣ даже и въ настоящее время, и о Готской епархіи въ Крыму, начало существованія которой возводится ко временамъ Константина Равноапостольного и епископа Вульфили, а конецъ относится уже къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II, въ русской ученой литературѣ было писано, сравнительно говоря, довольно много²⁾). Намѣреваясь сдѣлать болѣе доступнымъ для изученія одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ, касающихся исторіи этой замѣчательной церкви, мы ограни-

1) «Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 195 (январь 1878 г.), отд. II, стр. 86—154.»

2) Кромѣ стариннаго, всѣмъ извѣстнаго и почтеннаго изслѣдованія «О древностяхъ южнаго берега Крыма», принадлежащаго П. И. Кеппену и изданнаго подъ заглавіемъ «Крымскаго Сборника» (С.-Пб., 1837), назовемъ изслѣдованіе Ф. К. Бруна: «Черноморскіе Готы и слѣды долговременнаго ихъ пребыванія въ южной Россіи», съ дополненіями А. А. Куника, въ Запискахъ Академіи Наукъ 1874 г. (и въ книгѣ Бруна «Черноморье», II, 189—241), а также обширную и ученую статью архимандрита Арсенія въ Ж. М. Н. Просв. 1873 г., № 1: «Готская епархія въ Крыму»; сверхъ того, сюда относится не мало статей по отдельнымъ вопросамъ въ Запискахъ Одесского общества исторіи и древностей гг. Мурзакевича, Карапулова и др. (Ср. W. Tomaschek, Die Goten in Taurien, Wien, 1881; Ю. А. Кулаковскій, «Прошлое Тавриды», Киевъ, 1906, стр. 49—72.)

чимся разсмотрѣніемъ, въ нѣсколькихъ вводныхъ главахъ, только тѣхъ вопросовъ, которые относятся къ древнѣйшимъ судьбамъ ея и представляются намъ менѣе разъясненными. Нашъ памятникъ, то есть, Житіе Іоанна Готскаго, давно напечатанный въ драгоцѣнномъ изданіи Болландистовъ (*Acta Sanctorum, Junii 26*) въ сопровождѣніи обширнаго и ученаго, но теперь совершенно 87 устарѣвшаго комментарія, относится по содержанію къ концу VIII вѣка, а по времени написанія къ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія: здѣсь и будетъ находиться одинъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Естественнымъ образомъ оно должно начаться отвѣтомъ на вопросы о происхожденіи готскаго поселенія въ Крыму и о времени основанія православной Готской епархіи на южномъ берегу полуострова. Но именно эти-то вопросы и представляютъ наибольшую трудность для разрѣшенія. Мы должны обратиться къ исторіи переселенія народовъ, къ исторіи борьбы между варварскимъ и римскимъ мірами, чтобы получить приблизительно вѣрные отвѣты на оба вопроса.

Въ половинѣ III столѣтія Готы, давно поселившіеся въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи, а вслѣдъ за ними и подъ ихъ руководствомъ также и другіе сосѣдніе народы — начинаютъ громить ужъ азіатскіе берега Чернаго моря и совершаютъ цѣлый рядъ смѣлыхъ и удалыхъ набѣговъ, напоминающихъ намъ многими чертами и позднѣйшиє походы Руссовъ, и еще болѣе — казацкіе походы XVII вѣка, когда изъ устьевъ Дона отправлялись ладьи, приводившія въ трепетъ Константинополь, достигавшія Трапезунта и Синопа. Исторія этихъ готскихъ морскихъ предпріятій, интересная сама по себѣ и по своей аналогичности съ позднѣйшими явленіями на Черномъ морѣ, заключаетъ въ себѣ въ то же время отвѣтъ на вопросъ о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ Готы могли проникнуть въ Тавриду и утвердиться въ ней на жительство. Къ величайшему несчастію, сочиненіе Дексиппа, который самъ прославилъ себя защитою родныхъ Аѳинъ отъ готскаго нашествія (267 г.) и по-тому описалъ свой подвигъ и вообще скиѳскія войны, для нась потеряно за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ, и мы должны черпать свои свѣдѣнія у позднѣйшихъ компиляторовъ и сокращателей, не всегда отчетливыхъ и точныхъ и рѣдко подробнѣ.

ныхъ, — у Зосима, Синкелла, писателей *Historiae Augustae* и проч.

Первый морской походъ Готовъ, въ которомъ важную роль играли нѣсколько загадочные Вораны (*Воракои*), относится къ 255 году. Видно, что ужъ и ранѣе эти Вораны и Готы дѣлали попытку пробраться отъ устьевъ Дона чрезъ Азовское море и Керченскій проливъ къ Черноморскимъ берегамъ. Но — говорить историкъ Зосимъ, выписзывающій часто буквально, хотя не всегда толково слова Дексиппа, — до тѣхъ поръ, пока въ фамиліи Воспорскихъ царей соблюдался правильный порядокъ наслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ держалась дружба съ Римлянами, и оставалось сознаніе торговыхъ выгодъ, до тѣхъ поръ по- 88 пытки Скиевъ перейти въ Азію встрѣчали отпоръ. Но вотъ въ государствѣ, владѣвшемъ обоими берегами Воспера Киммерійскаго, произошла революція; прежняя династія была низвергнута; власть досталась въ руки людей недостойныхъ, которые, изъ опасенія за свои собственные интересы, не только дали свободный пропускъ Скиямъ, или — что на языкѣ нашего писателя равносильно — Готамъ, но даже перевезли ихъ на собственныхъ судахъ, куда имъ было желательно¹⁾). Такъ какъ монеты Воспорскихъ царей непрерывно существуютъ за все третье столѣтіе и еще далѣе, то слова Зосима объ истребленіи царскаго рода мы должны признать неточными, а только допустить внутреннія смуты и борьбу разныхъ претендентовъ, какъ это подтверждается существованіемъ монетъ съ именами двухъ разноименныхъ царей за один и тѣ же годы въ пятомъ и шестомъ десятилѣтіи III вѣка²⁾). Какъ бы то ни было, Готы про-

1) *Zosim.*, I, 31 sq. Здѣсь мы должны замѣтить, что еще ранѣе того въ главахъ 27-й и 28-й Зосимъ говоритъ два раза о скиескихъ набѣгахъ, какъ будто относящихся къ правлѣнію Галла. Въ первомъ случаѣ упоминаются Готы, Вораны, Уругунды и Карпы, опустошившіе города Европы; во второмъ говорится о Скиеахъ (то есть, Готахъ), переходившихъ въ Азію, разорившихъ Каппадокію, Ефесъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, первымъ морскимъ походомъ Готовъ слѣдуетъ считать все-таки походъ 255 года (гл. 31-я), который считается такимъ у самого Зосима, а все предыдущее принимать за предварительную общую характеристику периода, заимствованную у Дексиппа.

2) Записки Одесскаго общества исторіи и древн., V, 14; *Sabatier, Souvenirs de Kertsch*, pp. 78 sq.; *Koehne, Musée de feu le prince B. Kotschoubeï*, II, 353; *B. B. Григорьевъ*, Цари Воспера Киммерійскаго (Россія и

ники на восточный берегъ Чернаго моря и бросились на городъ Питіунтъ (теперь Пицунда); но благодаря крѣпкимъ стѣнамъ и римскому гарнизону, тамъ стоявшему, а всего болѣе благодаря энергіи Сукцессіана, его начальника, нападеніе варваровъ было отбито съ большимъ урономъ, и они, захвативъ уже мѣстныя суда въ замѣнъ воротившихся назадъ тотчасъ послѣ перевоза кораблей воспорскихъ, торопливо оставили берегъ. Вѣроятно, въ числѣ этихъ мѣстныхъ судовъ находились и тѣ «камары», которыя издавна служили для плаванія и морскаго разбоя нѣкоторымъ прикаизскимъ туземцамъ, а время отъ времени были видимы и въ воспорскихъ пристаняхъ, куда они прѣѣзжали съ добычею, выгодно покупаемою гражданами Пантиапеи и Фанагоріи. Эти камары, описанныя Страбономъ¹⁾ и 89 Тацитомъ²⁾, могли послужить первообразомъ для тѣхъ «однодеревокъ», которыя потомъ появились у Готовъ. Всѣ думали, что дерзкіе варвары, потерпѣвъ неудачу, не осмѣлятся вновь по-тревожить предѣловъ Римской имперіи, но надежда эта не оправдалась. Достойный защитникъ Питіунта, бдительный Сукцес-сіанъ, былъ скоро (въ 256 году) отозванъ императоромъ Валеріаномъ для болѣе высокаго сана и болѣе почетнаго порученія, именно — для возстановленія и устройства Антіохіи, которая въ 255 году сильно пострадала отъ Персовъ³⁾; а вслѣдъ затѣмъ Готы появились уже въ виду города Фазиса (близъ нынѣшняго Поти) опять на воспорскихъ судахъ, которымъ они теперь уже не позволили уплыть обратно. Однако они не могли захватить храма Артемиды, богатства котораго ихъ привлекали; тогда они въ другой разъ направили свое нападеніе на Питіунтъ и на сей разъ легко завладѣли укрѣпленіемъ и стоявшимъ тамъ гарнизономъ; потомъ, обративъ плѣнниковъ въ

Азія, стр. 402); <В. В. Латышевъ, *Inscriptiones ant. orae sept. Ponti Euxini*, II, р. LI = ПОНТИКА, стр. 119>.

1) XI, 495 sq.

2) Histor., III, с. 47.

3) Zosim., I, 32. Это упоминаніе о возстановленіи (*οἰκισμός*) Антіохіи и служить къ болѣе точному определенію хронологіи, такъ какъ у Малалы (р. 296), хотя и съ ошибкою, но очень явно и легко поправимою, отмѣченъ годъ (перваго) разоренія Антіохіи Сапоромъ. Ср. Theod. Bernhardt, Gesch. Roms, стр. 272.

гребцовъ и пользуясь морскимъ затишьемъ, они приплыли къ Трапезунту на каппадокійскомъ берегу Понта. Городъ, со времени Адріана сдѣлавшійся центромъ провинціального управлѣнія и получившій хорошо устроенную гавань, былъ охраняемъ значительнымъ по числу гарнизономъ, но крайне распущеннымъ и беспечнымъ. Готы успѣли приблизиться незамѣтно и небольшими отрядами во время ночи взобрались на городскія стѣны; гарнизонъ и жители не сдѣлали даже попытки къ сопротивленію. Множество плѣнныхъ, богатая добыча, всякаго рода сокровища достались варварамъ, которые и воротились домой, вполнѣ довольные результатомъ своего дерзкаго предпріятія. Развалины храмовъ и другихъ наиболѣе богатыхъ зданій долго напоминали жителямъ Трапезунта о посѣщеніи сѣверныхъ бѣлокурыхъ пришлецовъ. Такъ кончился походъ, который въ источникахъ считается первымъ морскимъ походомъ Готовъ¹⁾.

Повтореніе не заставило себя долго ожидать. Но только во второй экспедиціи главными героями были уже другіе, хотя совсѣмъ, но болѣе западные Готы, чѣмъ вполнѣ соответствуетъ и направленію новаго похода, падающаго, кажется, на 259 годъ. Важно притомъ то, что на сей разъ, при помощи плѣнныхъ и 90 пришлыхъ торговыхъ людей, уже были построены Готами собственныя суда — вѣроятно, на Днѣпрѣ или же Днѣстрѣ. Рѣшено было избрать не тотъ путь, которымъ ходили Вораны (*τὸν αὐτὸν δὲ τοῖς Βοραγοῖς τρόπον ποιήσασθαι τὸν ἔκπλουν σὺν ἔγγυωσαν*), а болѣе западный, и двинутясь въ одно время сухимъ путемъ и моремъ. Мимо Истра, Томи (Кюстенджи) и Ахіала (Ахіоло) готская флотилія, держась берега и не удаляясь отъ сухопутнаго отряда, достигла Филеатской бухты, къ сѣверо-западу отъ города Византіи (будущаго Константина). Здесь Готы узнали, что мѣстные рыбаки скрываются съ своими лодками въ тонкихъ и болотистыхъ пространствахъ, прилегающихъ къ бухтѣ, и вошли съ ними въ сношенія, которыя привели къ выгодному для обѣихъ сторонъ соглашенію; Готы получили рыбачьи суда въ свое распоряженіе, посадили свою пѣхоту и уже

1) Потому что слѣдующій, о которомъ у Зосима рѣчь идетъ въ 35-й главѣ, названъ вторымъ.

всёми силами устремились въ узкий проливъ между Европой и Азией, называвшійся тогда Боспоромъ Фракійскимъ. Халкидонъ, старая и цвѣтущая торговая колонія Мегарцевъ, была первою жертвою варварскаго нашествія; затѣмъ пострадали еще болѣе богатая и зажиточная Никомедія и соперничествующая съ нею по значенію Никея, а также Кій, Апамея, Пруссакъ; только разлитіе рѣки Риндака спасло Кизикъ; но за то, принужденные воротиться назадъ, Готы вновь выместили свою досаду на жителяхъ Никеи и Никомедіи, уже ранѣе ограбленныхъ, а теперь подвергшихся избѣженію. Императоръ Валеріанъ, занятый войною съ Сассанидскою Персіей, узналъ объ этихъ событияхъ въ Антиохіи и рѣшился самъ выступить противъ Готовъ; дѣйствительно, онъ появился въ Каппадокіи, но уже было поздно, и самою полезною его мѣрою было отправление надежнаго человѣка для охраны Византіи отъ возвращавшихся домой съ богатою добычею Германцевъ. Тѣмъ и кончился второй морской походъ Готовъ¹⁾.

Черезъ три года (именно въ 262 и 263 гг.), когда Валеріанъ былъ уже въ плену, Готы одновременно посѣтили и юго-восточные страны Европы, и соседнюю территорію Малой Азіи. Въ этой послѣдней они ограбили многіе города и разрушили знаменитый храмъ Ефесской Артемиды. Однако этотъ походъ кончился для нихъ несчастливо: они были побѣждены и вынуждены къ отступленію. Около того же самаго времени другіе Готы дѣйствовали во Фракіи и Македоніи и между прочимъ долго оставались около Анхіала, гдѣ Теплые воды доставили имъ такое же удовольствіе, какъ послѣ женамъ Аварскаго хагана. Всльдѣ затѣмъ они напали на Никополь, осаждали Солунь и вторгались въ Ахаю, гдѣ однако тоже потерпѣли пораженіе²⁾.

1) Zosim., I, 34: τοῦτο τῆς δευτέρας ἑφθόου ποιησάμενοι τέλος. Ср. Script. Hist. Aug., XXIII: Gallien., cap. 4; Syncell. Chronogr., I, p. 716. Нужно только имѣть въ виду, что Синкеллъ за одинъ разъ обозрѣваетъ всѣ походы до 267 года: сюда, то есть, къ 259 и 260 годамъ, относится только то, что оканчивается Никомедіей.

2) Script. histor. Aug., XXIII: Gallien., cap. 5: Gallieno et Faustiniano consulibus -- (Gothi) occupatis Thraciis Macedoniam vastaverunt, Thessalonicam obsederunt. Cap. 6: Pugnatum est in Achaia -- contra eosdem Gothos, unde victi per Achaeos recesserunt. Scytha autem, hoc est pars Gothorum, Asiam vasta-

Въ слѣдующемъ 264 году Готы снова хозлйничали въ Малой Азіи; мы находимъ ихъ въ Каппадокіи, откуда они направляютъ свой путь въ Виенію, очевидно, ужъ освоившись съ мѣстностю и обстановкой, и спокойно, никѣмъ не тревожимые, возвращаются назадъ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ они появляются на самодѣльныхъ судахъ въ виду Гераклеи Понтійской, при чемъ получили урокъ и отъ римской морской силы, и отъ страшной бури²⁾.

Къ 267 году относится новое, болѣе обширное и грозное движение. Готы, которые въ немъ участвовали, были, безъ со- мнѣнія, восточные, такъ какъ на ряду съ ними или даже на первомъ планѣ являются Герулы, помѣщаемые около Мэотій-скихъ болотъ; на пяти стахъ судахъ они вышли изъ Азов- скаго моря въ Евксинскій Понтъ, прошли въ устья Дуная и 92 опустошили прибрежья этой рѣки. Императоръ Галліенъ опа-сался за Византію и спѣшилъ принять мѣры для возстановленія поврежденныхъ укрѣпленій, запирающихъ проходъ въ Босфорѣ Фракійскомъ; опасенія его оправдались, и дѣло дошло до борьбы съ Готами на водѣ и сушѣ близъ самыхъ устій пролива въ Про- понтиду; не смотря на понесенное пораженіе, Готы прорвались въ эту послѣднюю, высадились въ окрестностяхъ Кизика на азіатскомъ берегу, ограбили и разорили все, что попалось подъ руку, и не пощадили острововъ Лемноса и Скироса. Затѣмъ —

bant. etiam templum Lunae Ephesiae -- incensum est. Cap. 7: Scythae in Asia Ro- manorum ducum virtute ac ductu vastati ad propria recesserunt. Cp. Iordan., Get., c. 20.

1) Script. Histor. August.: Gallien., cap. 11: Scythae in Cappadociam pervaserunt illic captis civitatibus, bello etiam vario diu acto, se ad Bithyniam contulerunt. Выше — въ началѣ 10-й главы (Gallieno et Saturnino consulibus) — заключается точка опоры для хронологіи. Зосимъ тоже говоритъ о посѣщеніи Каппадокіи Готами, но точно такъ же, какъ о разореніи Ефеса, въ томъ запутанномъ и неотчетливомъ отрывкѣ, который онъ, очевидно, взялъ изъ общій характеристики періода у Дексиппа, но щеловко связавъ съ правде- ниемъ Галла (до 253 г.). Синкеллъ (р. 716), обозрѣвающій всѣ морскіе по- ходы варваровъ за одинъ разъ, упоминаетъ о Каппадокіи и Галатіи послѣ описанія Виенскаго похода 259—260 годовъ. Разореніе Пессинунта (Zosim.), находившагося въ Галатіи, можетъ относиться именно къ 264 году.

2) Script. histor. August.: Gallien., cap. 12 въ концѣ: Scythae navibus factis Heracleam pervenerunt и т. д. Синкеллъ (р. 716) говоритъ объ убий- ніи Одената во время движенія чрезъ Каппадокію къ Гераклеѣ Понтійской, съ цѣлью захватить тамъ Скиросъ, которые однако заблаговременно удалились моремъ.

неизвестно, тѣ же ли самые, или какие другіе готскіе отряды — посѣтили Грецію, напали на Аттику, ограбили и выжгли Аѳину, Коринѳ, Спарту и Аргосъ. При этомъ случаѣ Аѳиняне еще разъ поднялись и напомнили прежніе свои подвиги, подъ предводительствомъ историка Дексиппа разбивъ отряды варваровъ и очистивъ отъ нихъ священную почву Аттики; но разсѣянныя готскія шайки надѣлали еще много хлопотъ императору Галліену и его вождямъ и все-таки ускользнули отъ полнаго истребленія, хотя имъ и отрѣзанъ былъ путь отступленія — уже въ Родопскихъ горахъ¹⁾.

Въ источникахъ прямо сказано, что движение слѣдующаго года было вызвано Готами, уцѣльвшими отъ пораженій, напесенныхъ имъ въ Элладѣ и Фракіи, слѣдовательно, какъ бы имѣло видъ мести. Не удивительно поэтому, что походъ 268 года во многомъ представляетъ повтореніе предыдущаго. Въ немъ участвуютъ опять Герулы, сверхъ того, Остро-готы или Грутунги, Визи-готы или Тервинги, Гепиды, близко родственные Готамъ, и какіе-то Кельты, подъ которыми, всего скорѣе, скрываются Славяне²⁾. Сборный пунктъ и точка отправленія были избраны при устьяхъ рѣки Днѣстра, гдѣ варвары построили уже шесть тысячъ судовъ³⁾. Такъ какъ суда, приготовленныя въ

1) Объ этомъ походѣ довольно подробно и отчетливо разсказано въ биографіи Галліена (*Script. hist. Aug.*), принадлежащей Требеллю Полліону (с. 13), гдѣ говорится просто о Скиахъ, то есть, Готахъ (*Scythaes per Euxinum navi-gantes Histrum ingressi multa gravia in solo Romano fecerunt и т. д.*), и весьма короче, но схоже у Синкелла (р. 717), у которого въ началѣ говорится объ однихъ Герулахъ (*Αἰρουλοῖς*) и въ концѣ Навловать называется вождемъ Геруловъ. Такъ какъ эти Герулы отправились отъ Мэотиды, то они тожественны съ тою ихъ вѣтвию, которая, вѣроятно, вмѣстѣ съ Готами передвинулась въ южную Россію отъ Балтійского побережья и была известна Гордану (*Get.*, с. 23: *Herulorum — gens iuxta Maeotida palude inhabitans*). Далѣе Зосимъ (I, 39) сообщаетъ краткія свѣдѣнія, а Зонара (XII, 26, р. 150 Dind.) — одинъ анекдотъ относительно сожженія библіотеки въ Аѳинахъ, поставленный не на мѣстѣ.

2) Полное перечисленіе у Требелля Полліона въ биографіи Клавдія (*Script. histor. Aug.*, XXV), с. 6: *Scytharum diversi populi, Peuci, Grutungi Austrogoti, Tervingi Visi, Gipedes, Celtae etiam et Eruli.* Удачное и несомнѣнное исправленіе текста (вмѣсто *trutungi* и *nirtinguisigpedes*) принадлежитъ Мюлленгофу: см. *Zeitschr. f. deutsch. Alterth.*, IX (1853), 134 слл. Зосимъ (I, 42) говоритъ о Скиахъ, Герулахъ и Готахъ; Синкелль (р. 720) объ однихъ Герулахъ. О Кельтахъ см. ниже.

3) Zosim., I. c. <r. 30, 5 Mendelss.:> περὶ τὸν Τύραννον ποταμὸν — υχιπηγῆ μένοι πλοῖα ἔξαχισχλια. <Ср. примѣчаніе Мендельссона>.

весьма короткий срокъ въ устьяхъ Днѣстра, должны быть представлены по образу позднѣйшихъ однодеревокъ русскихъ и никакъ не вмѣщали въ себѣ болѣе 25 или 30 человѣкъ, по аналогіи съ цонтійскими «камарами», о которыхъ было выше упомянуто, то все-таки шесть тысячъ такихъ судовъ не могли вмѣстить 300,000 или 320,000 человѣкъ — цифры, сообщаемой хорошими источниками¹⁾. Нужно думать, что въ самомъ дѣлѣ морская экспедиція сопровождалась сухопутнымъ движениемъ, и что дѣло шло даже не о простомъ набѣгѣ, а о переселеніи: большой обозъ, который потомъ является у варваровъ, едва ли могъ прибыть на судахъ и, вѣроятно, заключалъ въ себѣ женъ и дѣтей²⁾. Прибрежья Чернаго моря около Кюстенджи и Варны, Пропонтида или Мраморное море, Кизикъ, Геллеспонтъ или Дарданеллы, Аeonскій полуостровъ, Солунь — видѣли предъ собою эту флотилію; сухопутная сила готская прошла къ рѣкѣ Савѣ, къ городу Софіи и была окончательно разбита императоромъ Клавдіемъ близъ Ниша; остатки же морской эскадры еще и послѣ того грабили на берегахъ Греціи и Малой Азіи³⁾.

Еще разъ, именно въ 275 году, Готы съ береговъ Мэотиды наводнили своими толпами противоположные берега Малой Азіи и сейчасъ же пробрались до самой южной ея оконечности, до Киликіи; но на сей разъ они уже являлись подъ предлогомъ дружбы къ Римлянамъ и союза, будто бы заключеннаго 94 съ только что умершимъ императоромъ Авреліаномъ противъ Персовъ. Преемникъ Авреліана, Тацитъ, принужденъ былъ

1) Цифра 320 одинаково читается у Зосима (I. c.) и у Требеллія Полліона (сар. 6): это приводило бы насъ къ общему ихъ источнику Дексиппу, который, впрочемъ, заставляетъ Авреліана, позднѣйшаго императора, участовавшаго въ борьбѣ 269 года, говорить только о 300,000 (см. Hist. gr. min. ed. Dindorf., vol. I, p. 195, 7). Но всего важнѣе, что цифра 320000 принадлежитъ самому Клавдію: «delevimus trecenta viginti milia Gothorum» — мы истребили 320000 и потопили двѣ тысячи кораблей (см. письмо его у Полліона, сар. 8).

2) Cp. Bernhardt, Gesch. Roms, стр. 130; Alb. Dunker, Claudius Gothicus, стр. 32*; Hertzberg, Der Unterg. des Hellen., стр. 184, и друг.

3) Всѣхъ темныхъ и трудныхъ пунктовъ въ исторіи этого похода мы не думаемъ разъяснять: для подробностей отсылаемъ къ вышеозначеннымъ сочиненіямъ.

отдѣльваться отъ непріятныхъ и крайне необузданыхъ гостей не одними только переговорами, но и оружіемъ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ мы не слышимъ болѣе о морскихъ подвигахъ Готскаго племени. Внутрення мяждоусобія, среди которыхъ Готы истребляли Бургундовъ, широкій просторъ, открытый имъ на лѣвомъ берегу Дуная послѣ очищенія Авреліаномъ Да-кіи, походы Константина Великаго въ этомъ направленіи, — все это можетъ служить объясненіемъ, почему такое блистательное начало, обнаружившее вполнѣ способность Готовъ къ мореходству, не сопровождалось основаніемъ настоящей морской силы. Послѣ страшнаго погрома гуннскаго уже не могло быть о томъ и рѣчи, тѣмъ болѣе, что масса Готскаго племени принуждена была покинуть припонтійскія области. Однако, когда Грѣтунги или Гроѳунги, то есть, Восточные Готы, изъ среды которыхъ главнымъ образомъ исходилъ починъ въ морскихъ предпріятіяхъ, приблизились послѣ къ Дунаю, они сейчасъ же припомнили свои старинныя привычки. Клавдіанъ описывается, какъ они валили лѣсъ, сейчасъ же дѣлали изъ деревьевъ лодки, въ короткое время приготовили ихъ три тысячи и, посадивъ на нихъ свои отряды, дали Римлянамъ морскую битву въ Дунайскихъ гирлахъ:

Ausi Danuvium quondam transnare Gruthungi
In lintres fregere nemus; ter mille ruebant
Per fluvium plenaе cuneis inmanibus alni²⁾.

Вообще полагаютъ, и совершенно основательно, что утвержденіе Готовъ на Таврическомъ полуостровѣ должно находиться въ связи съ ихъ времененнымъ господствомъ на Черномъ морѣ. Съ самаго начала своихъ предпріятій на этомъ морѣ они нуждались въ содѣйствіи Воспорскихъ владѣтелей, господствовавшихъ

1) Zosim., I, 63; Scriptor. Histor. Aug., XXVII: Tacit, c. 13 (а Maeotide multi barbari eruperant -- Maeotidae -- se gregabant); Zonar., XII, 28 (здесь говорится о нашествіи на Понтъ, Галатію и Каппадокію, чтѣ, конечно, возможно, однако, если не путаница, то взято неизвѣстно откуда).

2) De IV cons. Honor., v. 623 sqq. Это относится къ 386 году. Ср. Fasti Hydatiani <Mommsen, Chronica min., I, p. 244> и Zosim., IV, 38; Sievers, Studien, стр. 302 сл.

по обеимъ сторонамъ Керченского пролива, и конечно, должны были прибыть или въ Пантикею (Керчь), или на Таманский полуостровъ, чтобы сесть на мѣстныя суда. Когда дорога такимъ образомъ была открыта, то, какъ и во всѣхъ подобныхъ 95 случаяхъ, дѣло должно было кончиться покоренiemъ Таврическаго полуострова подъ власть пришельцевъ. Зосимъ (I 64, р. 46, 7 Mendelss.), говоря о пораженіи Готовъ, проникшихъ при Тацитѣ до Тарса, прямо называетъ ихъ «Воспорскими Скиѳами» (*κατὰ τῶν ἐν τῷ Βοσπόρῳ Σκυθῶν*): если бы мы были увѣрены, что онъ заимствовалъ это выражение у современного события Дексиппа, которому онъ обыкновенно слѣдовалъ даже въ самой фразеологии, то мы имѣли бы самое положительное свидѣтельство въ пользу нашего предположенія. Изъ разсказовъ нѣсколько легендарныхъ у Константина Багрянородного видно, что во времена Діоклетіана и Константина Великаго варварскій — сарматскій, то есть, готскій элементъ, пришедши отъ Мэотиды, здѣсь преобладаетъ; во главѣ его Воспорскіе владѣтели ведутъ ожесточенную борьбу съ вѣрнымъ имперіи Херсономъ; во всякомъ случаѣ онъ ясно отличается отъ стариннаго мѣстнаго населенія.

Прежде чѣмъ идти дальше, мы должны еще нѣсколько остановиться на одномъ въ высшей степени любопытномъ документѣ, написанномъ по поводу готскихъ вторженій въ провинціи Понти и Каппадокію. Мы разумѣемъ каноническую статью, вошедшія въ сборники церковнаго права и въ нашу Кормчую и принадлежащія епископу Неокесарійскому Григорію, ученику Оригена. Св. Григорій, умершій около 270 года, отвѣчаетъ на запросы, сдѣланнныя ему какимъ-то важнымъ духовнымъ лицомъ относительно нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, смущавшихъ христіанскую совѣсть.

Прежде всего св. Григорій отвѣчаетъ на вопросъ, тревожившій тогда многихъ, именно — какъ слѣдуетъ смотрѣть на тѣхъ христіанъ, которые во время плѣна и невольнаго пребыванія съ варварами вкушали вмѣстѣ съ ними пищу. «Такъ какъ», отвѣчаетъ Григорій, — «всѣ говорять въ одно слово, что варвары, вторгавшіеся въ наши предѣлы, не жертвуютъ идоламъ (*εἰδώλοις μὴ τεθυγέναι*), то не слѣдуетъ ихъ считать

96 оскверненiemъ, губительнымъ для души¹⁾). Относительно же женщинъ, подвергшихся насилию во время плѣна, нужно обращать внимание на прежнюю жизнь ихъ и считать ихъ не виновными, если прежнее поведение ихъ было цѣломудренно. Изъ дальнѣйшихъ статей обнаруживаются весьма печальные явленія среди самаго провинціального населенія, страдавшаго отъ варваровъ. Не говоря о томъ, что прежде захваченные Готами плѣнники явились теперь участниками и даже руководителями набѣга, такъ какъ они указывали дорогу и сами принимали участіе въ грабежѣ, — тотчасъ послѣ удаленія враговъ многіе хотѣли воспользоваться бѣдствіемъ близкихъ и сестрѣй въ интересахъ самаго гнуснаго корыстолюбія, многіе прямымъ насилиемъ удерживали въ неволѣ спасшихся изъ плѣна единоплеменниковъ и согражданъ, другіе наглымъ образомъ захватили чужое имущество на томъ основаніи, что они потеряли свое во время нашествія. О лицахъ этого послѣдняго разряда Неокесарійскій епископъ говоритъ, что они «отъ Ворадъ и Гоэй пострадавше Вораде и Гоэи быша другомъ своимъ» (какъ переведено въ нашей Кормчей²⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что какъ у другаго писателя (Зосима) нѣсколько разъ ставятся рядомъ Вораны и Готы, точно такъ здѣсь, въ современномъ источнике, поставлены нераздѣльно Ворады и Готы. На основаніяхъ, твердость которыхъ подлежитъ большому сомнѣнію, ученые хотятъ видѣть въ этихъ Воранахъ или Ворадахъ славянскій народецъ, подъ руководствомъ Готовъ пріучавшійся разѣзжать по морямъ, подобно будущимъ Варягамъ, съ которыми даже они предполагаются въ прямомъ родствѣ (И. Е. Забѣлинъ, «Исторія русской

1) Rhally et Potly, *Syntagma*, IV, 45. Изъ приведенныхъ Григоріемъ случаевъ еще не слѣдуетъ, что Готы въ самомъ дѣлѣ не приносили кровавыхъ жертвъ своимъ идоламъ. Слова св. Аѳанасія, которыя будутъ приведены ниже, и еще болѣе ясныя показанія въ Актахъ мученія Саввы Готскаго говорять противное. Выраженіе *sauths*, которымъ Вульфиллъ переводитъ слово *θυσία*, и которое означаетъ принесеніе въ жертву убитаго и сваренного животнаго, — очевидно, народное Готское (см. Dahl, *Die K鰎nige*, VI, 37). Еще менѣе слѣдуетъ отсюда, что варвары, о которыхъ здѣсь говорится, были христіане, какъ за старикомъ Маску повторяется Палльманъ, самъ, очевидно, не знакомый съ содержаніемъ отрывка (*Gesch. der Völkerwander.*, I, 65).

2) Rhally et Potly, IV, 58: ἵνα ἐπειδὴ αὐτοὺς Βοράδοι καὶ Γότθοι τὰ τῶν πολεμίων εργάσαντο, αὐτοὶ ἀλλοὶ Βοράδοι καὶ Γότθοι γίνονται.

жизни). Отъ себя мы должны замѣтить, что сопоставленіе Ворановъ съ Вуланами (*Βούλωνες*) Птолемея въ настоящее время ничего не можетъ объяснить, такъ какъ болѣе правильнымъ члененіемъ имени соотвѣтствующаго народа, обитавшаго гдѣ-то около Вислы, оказывается то, которое не отзывается созвучіемъ съ Ворадами (*Σούλωνες*)¹). Сверхъ того нужно прибавить, что, вѣроятно, тотъ же самый народъ разумѣется подъ тѣми 97 Ворадами (*Βοράδες*), которые два раза упомянуты въ Пасхальной хроникѣ въ перечисленіи народовъ, образовавшихся послѣ столпотворенія и смѣщенія языковъ: одинъ разъ здѣсь *ср. 57, 13* отмѣчено, что Ворады то же, что и Макоры (*Μάκορες*), а въ другой *ср. 47, 3* — родоначальникомъ ихъ названъ Форгарма (*Φόργαρμα εξ οὐ Βοράδες*). Отсюда полезнаго и точнаго можно извлечь не особенно много. Machara, или Macara, а также Machare встрѣчается въ числѣ городовъ воспорскихъ у географа Равенскаго на ряду съ Малороссой и Мурмикіемъ (*Murmicon*). Всего же болѣе подходящимъ объясненіемъ намъ кажутся Гуда-Макары армянской географіи VII вѣка, приписывавшейся прежде Моисею Хоренскому²), такъ какъ они тоже стоятъ среди народовъ Сарматскихъ на ряду съ Воспурами и др. Однимъ словомъ,

1) См. Müllenhoff, *Germania Antiqua*, p. 136, гдѣ приведено мѣсто Птолемея съ указаніемъ варіантовъ. *См. Claudi Ptolemaei Geographia*, гес. C. Müllerus, lib. III, c. 5, § 8>. Впрочемъ и въ изданіи Вильберга читалось уже по рукописямъ *Σούλωνες*. Членія *Βούλωνες* держался еще М. С. Дриновъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи (*Заселеніе Балканского полуострова Славянами*, стр. 60 и сл.), гдѣ онъ отвергаетъ мнѣніе Шафарика, уступавшаго Ворановъ Нѣмцамъ, и одобряетъ Цейсса, вычеркнувшаго ихъ изъ списка Германскихъ народовъ. Вопроса о Уругуидахъ, которые два раза названы Зосимою на ряду съ Готами и Воранами, мы не касаемся, такъ какъ не видно, чтобы они участвовали въ морскихъ походахъ Готовъ, а съ другой стороны этотъ вопросъ весьма обстоятельно изслѣдованъ въ сочиненіи М. С. Дринова. Мы вѣримъ, что они одинъ и тотъ же народъ съ Бургундами Мамертина (*XII Panegyrici latini*, ed. Baehrens, p. 114), упомянутыми у насть выше. *Ср. Θ. А. Брауна, Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній*, I, 51 и 314 сл.».

2) См. К. П. Паткановъ, *Армянская Географія VII вѣка*, стр. 37. Уважаемый издатель, перевѣодчикъ и kommentаторъ этого любопытнаго и важнаго памятника признаетъ возможность видѣть въ словѣ Гудамакары сложное слово и въ первой половинѣ находить Готовъ. Бореады, то есть, дѣти Борея, обитавшіе въ Гиперборейской Скиїи, даже около Дона, гдѣ была Бореева пещера, здѣсь могутъ быть только упомянуты. См. о нихъ изслѣдованіе акад. Стефани: «Борей и Бореады» въ *Извѣстіяхъ Имп. русскаго археолог. общ.*, т. VII, выпускъ 4.

мы склоняемся къ убѣждению, что Ворады представляли одинъ изъ меньшихъ отдельовъ Готскаго племени, хотя совсѣмъ не думаемъ отвергать возможности совокупнаго дѣйствія Готовъ и со Славянами. Мы даже убѣждены, что подъ тѣми до сихъ поръ загадочными Кельтами (*Celtae*), которые вмѣстѣ съ Грейтунгами и Тервингами (Остъ-Готами и Вестъ-Готами) вторгались за Дунай при императорѣ Клавдіи, именно въ описываемое здѣсь время, и которые названы у Требеллія Полліона (*Script. Histor. Aug., XXV: Claudius, cap. 6*), слѣдуетъ видѣть именно Славяпъ, согласно съ объясненіемъ Пасхальной хроники (р. 57, 14), что Келтионы суть то же, что Спорады (*Κελτίονες οἱ καὶ Σποράδες*), то есть, Славяне. Во всякомъ случаѣ, кто пожелаетъ стоять за славячество Ворановъ, тотъ теперь долженъ сопоставлять ихъ не съ Вуланами = Сулонами, а съ Аваринами (*Αὐαρίνοι*) того же Птолемея, тѣмъ болѣе, что и упоминаются сіи послѣдніе 98 тутъ же не далеко отъ Сулоновъ, а по мѣсту жительства суть обитатели верховьевъ Вислы.

Столѣтіе спустя послѣ вышеописанныхъ нашествій Готовъ епископъ Кесаріи Каппадокійской Василій Великій писалъ въ Римъ папѣ Дамазу уже о новыхъ, современныхъ ему бѣдствіяхъ востока, но при этомъ случаѣ припоминаль, что предшественникъ Дамаза, епископъ Діонісій, славный прямотою вѣры и дѣлами добродѣтели, во времена прошлыхъ бѣдствій Кесарійской церкви принималъ въ ней участіе, помогаль ей не только духовными утѣшеніями, но, какъ было видно изъ сохранившихся въ архивѣ каѳедры Кесарійской грамотъ, присыпалъ довѣренныхъ лицъ съ деньгами для выкупа плѣнныхъ¹⁾). Такъ какъ епископъ Діонісій занималъ престолъ Римской церкви отъ 259 года по 270, то плѣнниками будуть все тѣ же современники Григорія Неокесарійскаго, пострадавшіе въ 264 и 267 годахъ. Къ числу ихъ долженъ принадлежать и тотъ Евтихъ, о которомъ съ удовольствіемъ и гордостію пишетъ Василій Великій въ другомъ своемъ письмѣ, адресованномъ митрополиту Софунскому Асхолію:

1) *Migne, Patr. gr., 32, 436: καὶ πέμπειν τοὺς ἀπολυτρουμένους ἐκ τῆς αἰχμαλωσίας τὴν ἀδελφότητα.* Писано въ 370 году.

«Ты привель намъ на память этого блаженнаго мужа Евтиха и возвеличиль наше отечество за то, что оно доставило съмена благочестія: ты насть обрадовалъ напоминаніемъ о древномъ быломъ, но опечалиль обличеніемъ настоящаго. Теперь уже нѣть никого близкаго Евтиху по добродѣтели; мы на столько далеки отъ того, чтобы укрощать (дикость) варваровъ, что даже и тѣхъ, которые смирились, способны по множеству грѣховъ нашихъ обратить къ прежней свирѣпости»¹⁾.

Такимъ образомъ исторія готскихъ набѣговъ и готскихъ плѣнниковъ 264 года, къ которымъ всего скорѣе относятся разсужденія Григорія Неокесарійскаго и воспоминанія Василія Великаго, приводить настъ къ исторіи основанія христіанской церкви, представителемъ которой въ VIII вѣкѣ былъ Іоаннъ Готскій. Къ несчастію, и здѣсь мы должны довольствоваться 99 общими и довольно неопределеными свѣдѣніями, такъ какъ нѣть почти никакой возможности изъ значительной массы данныхъ, сообщаемыхъ источниками о готскомъ христіанствѣ, выдѣлить тѣ, которые специально могли бъ относиться къ Таврическимъ Готамъ.

Церковные историки Созоменъ и Филосторгій прямо утверждаютъ, что именно кappадокійскими и другими плѣнниками положено начало распространенію христіанства между Готами. Въ исторіи Созомена (II, 6) читаемъ: «Почти для всѣхъ варваровъ поводомъ къ принятію христіанскаго ученія были войны съ Римлянами въ правленіе Галліена и его преемниковъ. Когда въ то время несказанное множество смѣшанныхъ народовъ ($\mu\gamma\delta\omegaν \epsilonθνῶν$), переправившись изъ Фракіи, опустошало Азію, а другіе варвары дѣлали то же самое въ другихъ мѣстахъ противъ пограничныхъ Римлянъ, то при этомъ многіе священники были уведены въ плѣнъ и стали жить между ними. Такъ какъ плѣнники исцѣляли тамъ больныхъ и очищали (отъ злыхъ ду-

1) Ibid., col. 636 С. Письмо (№ 164, al. 338) писано въ отвѣтъ на посланіе Асколія, сопровождавшееся присылкою мощей — нужно думать и считать почти несомнѣннымъ — Готскаго мученика Саввы. Такимъ образомъ понятно, что Асколій долженъ былъ говорить о прежнихъ проповѣдникахъ христіанства въ Готіи, и что все отвѣтное посланіе Василія не выходить изъ круга соотвѣтственныхъ идей мученичества за вѣру, распространенія истиннаго ученія между варварами.

ховъ) бѣсноватыхъ, призывая имя Христа и называя его Сыномъ Божімъ, а притомъ вели безпорочную, жизнь и своими добродѣтелями побѣждали всякое злорѣчіе, то варвары, удивляясь ихъ жизни и страннымъ дѣяніямъ, пришли къ сознанію, что будетъ дѣломъ разумнымъ и обѣщающимъ Божескую милость, если они станутъ подражать людямъ, оказавшимся лучшими ихъ самихъ, и будутъ служить Высшему (Существу) подобно имъ. Избравъ ихъ руководителями въ томъ, что слѣдовало дѣлать, они получали наставленіе, принимали крещеніе и начинали посѣщать церкви».

Болѣе точныя и частныя извѣстія сообщаетъ намъ сохранившееся Фотиемъ извлеченіе изъ Церковной исторіи Филосторгія. Этотъ писатель (около 425 года) самъ былъ родомъ Каппадокіянинъ, притомъ принадлежалъ къ аріанскому толку, такъ что, съ одной стороны, имѣлъ возможность получить доступъ къ тѣмъ же самымъ документамъ, какіе были въ рукахъ Василія Великаго, а съ другой — имѣлъ особыя побужденія собирать всякаго рода свѣдѣнія о началѣ христіанства у Готовъ, среди которыхъ аріанская церковь сдѣлалась какъ бы національною. Онъ пишетъ¹⁾: «Въ царствованіе Валеріана и Галліена громадные толпы Задунайскихъ Скиѳовъ вступили въ римскіе предѣлы и прошли по значительной части Европы. Потомъ, переправившись въ Азію, Галатію и Каппадокію, они взяли много плѣнныхъ, а въ числѣ ихъ и такихъ, которые принадлежали къ клиру. Благочестивые плѣнники, попавши въ среду варваровъ, обратили немалое число ихъ къ благочестію и склонили къ христіанскимъ вѣрованіямъ вместо эллинскихъ. Къ этому плѣнению принадлежали и предки Урфила (*οἱ Οὐρφίλα πρόγονοι*), родомъ Каппадокіане, изъ окрестностей города Парнасса, изъ села, называемаго Сагадолеинѣ (*Σαγαδολεινά*)».

На сколько извѣстія о каппадокійскихъ и галатскихъ плѣнникахъ-миссіонерахъ относятся къ Крымскимъ Готамъ, — решить трудно. Новѣйшіе ученые (Бессель, Вайцъ, Пальманъ, Брунъ и т. д.) полагаютъ, что, во-первыхъ, эти извѣстія относятся только къ Крымскимъ Готамъ и что, во-вторыхъ, Вуль-

1) Migne, Patr. gr., 65, 468 B.

fila, который, виѣ всяко го сомнѣнія, не принадлежалъ Крымскимъ Готамъ и не среди ихъ дѣйствовалъ, не быль на самомъ дѣлѣ переселенцемъ съ того берега и выдается Филосторгіемъ за соотечественника по разнымъ тенденціознымъ побужденіямъ. Основанія, на которыхъ утверждается первое положеніе, заключаются: во-первыхъ, въ исторіи готскихъ морскихъ походовъ, изъ которой съ достаточнотою ясностію обнаруживается, что, на сколько они касались Каппадокіи, Понта и Галатіи, они исходили отъ береговъ Мэотиды; а также, во-вторыхъ, въ послѣдующей исторіи христіанства у Готовъ. Аeanасій Великій въ сочиненіи, писанномъ между 319—321 г., упоминаетъ о Готахъ (*Гόθους*) въ числѣ народовъ, къ которымъ уже достигла проповѣдь христіанства, и когда онъ описываетъ ея дѣйствіе на дикую и грубую натуру варваровъ, какъ они, принося жертвы своимъ идоламъ¹⁾), яростно враждуютъ другъ противъ друга и даже одного часа не могутъ остаться безъ оружія, а внявъ учению Христа, тотчасъ вмѣсто войны обращаются къ земледѣлію (*εἰς γεωργίαν τρέπονται*)²⁾), — то изображеніе это всего скорѣе имѣеть въ виду выше имѣн названныхъ Готовъ. Вслѣдъ затѣмъ на первомъ вселенскомъ соборѣ является уже епископъ Готскій, имѣющій мѣстопребываніе въ Воспорской области, то есть, конечно, въ Крыму. Наконецъ, во времена Иоанна Златоуста, въ концѣ IV вѣка, когда масса Готского племени обратилась уже давно въ арианство, все-таки оставались православные Готы, для которыхъ Златоустъ ставилъ епископовъ, и епархія сихъ епископовъ находилась, по всѣмъ признакамъ, въ Тавридѣ. Въ этихъ данныхъ содержится исторія православной Готской церкви, которая должна имѣть свое тоже 101 православное начало: каппадокійские плѣнники III вѣка именно здесь являются наилучшимъ объясненіемъ. Что же касается до Вульфилы, изобрѣтателя готскихъ письменъ, переводомъ Священнаго Писанія положившаго начало національной письменности германской, то предполагается, что одно ужъ имя его доказываетъ его негреческое происхожденіе, и что всѣ извѣстія

1) ἔτι μὲν θύοντες παρ' αὐτοῖς εἰδόλοις.

2) Orat. de incarnatione Verbi: Migne, Patr. gr., 25, 188 sq.

греческихъ церковныхъ историковъ объ отношеніяхъ Вульфилы къ православному епископу Готскому Феофилу представляютъ либо тенденціозную выдумку, либо недоразумѣніе.

Одна изъ счастливѣйшихъ историческихъ находокъ, когда-либо сдѣланныхъ, именно открытое Вайцемъ краткое жизнеописаніе Вульфилы, написанное ученикомъ готскаго просвѣтителя Авксентіемъ Доростольскимъ, несомнѣнно доказываетъ, что церковные историки V вѣка, и особенно православные — Созоменъ и Сократъ, во многомъ представляютъ исторію Вульфилы невѣрно и во всѣхъ отношеніяхъ запутанно и сбивчиво. Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что нѣтъ никакихъ основаній отвергать весьма опредѣленныя и точныя извѣстія Филосторгія о происхожденіи готскаго просвѣтителя, такъ какъ и вообще Филосторгій, даже въ извлеченіи Фотія, оказывается въ существенныхъ пунктахъ наиболѣе согласнымъ съ Авксентіемъ. Одно имя Вульфилы не можетъ служить непрекаемымъ доказательствомъ того, что ни по отцу, ни по матери онъ никакъ не могъ имѣть греческихъ или кappадокійскихъ предковъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, что уже родители Вульфилы, живя среди варваровъ, усвоили ихъ языкъ, или что онъ былъ смѣшанного происхожденія, что мать его была уже готскаго языка, и что именно она дала ему готское имя. Извѣстныя слова завѣщанія Вульфилы: «*Ego Ulfila semper sic credidi*» не могутъ быть употребляемы въ доказательство того, что онъ никогда не былъ православнымъ и обратился въ аrianство прямо изъ язычества. Они значатъ только то, что Вульфилы стала аrianиномъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, — другими словами; съ тѣхъ поръ, какъ послѣ прибытія въ Константинополь, что случилось на восемнадцатомъ году его жизни или немного позже (328 и 332 гг.), — онъ сблизился съ полуарianскимъ кругомъ Евсевія Никомидійскаго, отъ котораго и получилъ посвященіе въ первыя духовныя должности и затѣмъ въ епископы (341 г.). Мы не имѣемъ даже нужды предполагать какое-либо самообольщеніе въ выше приведенныхъ словахъ Вульфилы, столь однако обычное въ вос-
102 поминаніяхъ, оставляемыхъ историческими дѣятелями, которымъ приходилось менять свои убѣжденія. Послѣ болѣе чѣмъ сорока-

лѣтняго служенія своему народу и своей аріанской общинѣ, Вульфила († 381 г.) могъ сказать: «semper sic credidi» даже и въ томъ случаѣ, если бы для этого ему нужно было позабыть, какъ онъ четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ сопровождалъ православнаго Готскаго епископа на соборъ Никейскій (325 г.)^{1).}

Что Вульфила, дѣйствовавшій среди Готовъ западныхъ, съ которыми онъ и переселился (въ 348 году) въ Мезію, въ окрестности Балканъ и Никополя на рекѣ Янтрѣ (теперь Никупъ), не могъ имѣть никакого отношенія къ епископу Феофилу, это пришлось бы скорѣе признать въ томъ случаѣ, если бы Феофиль въ самомъ дѣлѣ, какъ это полагаютъ, былъ епископомъ Таврическихъ или только Воспорскихъ Готовъ. Но хотя это и обращается въ ущербъ нашей темѣ, мы въ этомъ усомнимся. Подпись Готскаго епископа, стоящая на предпослѣднемъ мѣстѣ въ актахъ Никейскаго собора, читается вмѣстѣ съ послѣднею подписью двояко:

По списку Кольбертинскому.
De Gothis
Theophilus Bosphoritanus
Domnus Bosphorensis.

По другимъ спискамъ.
Provinciae Gothiae
Theophilus Gothiae metropolis.
Provinciae Bosphori
Domnus Bosphorensis^{2).}

Ясное дѣло, что болѣе краткая подпись, въ которой Феофиль является Воспорскимъ епископомъ, а въ то же время вдвоеемъ съ Домномъ—Готскимъ, произошла только вслѣдствіе пропуска, сдѣланнаго невнимательнымъ переписчикомъ: Theophilus (Gothiae metropolis. Provinciae) Bosphori, Domnus Bosphorensis.

Чтѣ именно слѣдуетъ разумѣть полъ метрополіей Готіи, мы теперь не будемъ этого подробно разсматривать. Припомнимъ только, что бывъ городъ Мутрополіс, поставленный рядомъ съ

1) Socrat., II, 41, 22: ἐπόμενος Θεοφίλῳ, ὃς τῶν Γρέτθων ἐπίσκοπος ὢν ἐν τῇ Νικαίᾳ συνέδρῳ παρὼν καθιυπέγραψε. Впрочемъ, «слѣдованіе» (ἐπόμενος), можетъ быть, разумѣется только нравственное или умственное.

2) Ср. Patrum Nicaenorum nomina -- ediderunt H. Gelzer, H. Hilgenfeld, O. Cuntz, р. 57 и В. Н. Бенешевичъ, Синайскій списокъ отцовъ Никейскаго первого вселенскаго собора (Изв. Имп. Акад. Н., 1908 г.), №№ 66 и 154—155.

Ольвіей у Птоломея (III, 5, 14, p. 433, ed. Müll.), что городъ Томи въ древнихъ надписяхъ¹⁾ носить титулъ μητρόπολις (или ματρόπολις Εὐξείνου), что и позднѣе (въ 520 году), пока держалась 103 Скиѳская епархія въ городѣ Томи (близъ Кюстенджи), ея епископы подписывались подобнымъ образомъ: *Paternus episcopus provinciae Scythiae metropolitanus*, и что сверхъ того, по неоднократному заявлению Созомена, митрополія Томи (μητρόπολις Τόμις) была единственою православною епископіей у Готовъ²⁾. Это приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что въ лицѣ Теофила мы, во всякомъ случаѣ, не имѣемъ еще дѣйствительно и специальнѣ таврическо-готскаго епископа. Чтобы найти такого, мы должны обратиться ко временамъ Златоуста. Изъ писемъ этого отца церкви мы узнаемъ, что ранѣе изгнанія своего (397 г.) онъ посвятилъ Готамъ епископа Унилу, и что когда этотъ послѣдній умеръ, то пришло въ Константинополь посольство отъ князя Готскаго съ просьбой о посвященіи ему преемника. Златоусть, находившійся уже въ изгнаніи и не желавшій, чтобы враги его разорвали его душевную связь съ юною готскою общиной, просилъ своихъ друзей, чтобы они всячески задерживали это дѣло, и, между прочимъ, самъ указывалъ одинъ удобный предлогъ проволочки — опасность плаванія въ Воспоръ. Слѣдовательно, здѣсь ужъ идетъ рѣчь о нашихъ Готахъ, Готахъ Таврическихъ.

2.

Вопросъ о тождествѣ или различіи между Крымскими Готами и Готами Тетракситами.

Въ русской ученой литературѣ уже высказано Ф. К. Брунномъ положеніе, что не слѣдуетъ смѣшивать Готовъ Таврическихъ съ Готами Тетракситами; но такъ какъ до сихъ поръ нѣкоторые весьма почтенные русские ученые (Д. И. Иловайскій,

1) Marquardt, Römische Staatsverwalt., I², 305₂ (Marquardt-Mommsen, Handbuch der römisch. Alterth., B. IV).

2) Sozom., VI, 21. VII, 26. Изъ словъ Евсевія Кесарійскаго (*Vita Constant.*, III, 7, p. 80, 14 Heikel.) слѣдуетъ, что на соборѣ Никейскомъ было только одинъ Скиѳский епископъ.

И. Е. Забѣлинъ) не хотятъ разстаться съ прежними возврѣніями, то мы считаемъ необходимымъ разобрать этотъ вопросъ. О Крымскихъ Готахъ Прокопій говоритъ въ сочиненіи «О постройкахъ Юстиніана»¹⁾: «Когда Юстиніанъ узналъ, что стѣны Воспора (Керчи) и Херсона, приморскихъ городовъ, лежащихъ на берегу за Мэотійскимъ озеромъ, за Таврами и Тавроскиюми, па крайнихъ предѣлахъ Римской имперіи, совершенно пришли въ упадокъ, то онъ привель ихъ снова въ прекрасный и прочный видъ. Тамъ же онъ построилъ два сторожевые укрѣпленія: такъ называемый Алустонъ и укрѣпленіе въ Горзувитахъ. Въ особенности же онъ упрочилъ за собою посредствомъ крѣпости городъ Воспоръ, который ужъ издавна сдѣлался было 104 варварскимъ городомъ и находился подъ властію Гунновъ, и только при немъ опять возвращенъ былъ Римской державѣ. Есть тамъ одна страна на морскомъ побережье, называемая Дори (*χώρα κατὰ τὴν παραλίαν*, Дори ѿօօца); въ ней издавна живутъ Готы, которые не были увлечены Теодериемъ въ Италію, а добровольно остались здѣсь, и еще при мнѣ продолжаютъ быть союзниками Римлянъ, вмѣстѣ съ ними ходятъ на войну противъ ихъ враговъ, когда этого пожелаетъ императоръ. Число ихъ простирается до 3,000; они прекрасные воины, а также дѣятельные, искусные земледѣльцы, и отличаются наибольшимъ гостепріимствомъ между всѣми людьми. Самая область Дори (*ἡ χώρα τὸ Δόρι*) лежить высоко, однако она не слишкомъ дика и сурова, напротивъ, пріятна и богата прекрасными плодами. Въ этой странѣ императоръ нигдѣ не строилъ ни города, ни крѣпости, потому что тамошніе жители не терпятъ, чтобъ ихъ запирали въ стѣнахъ, но всего болѣе любятъ жить въ поляхъ; только въ тѣхъ пунктахъ, которые казались легко доступными для непріятелей, онъ заградилъ входы длинными стѣнами и освободилъ Готовъ отъ всякихъ опасностей относительно на-шествія».

Географическое положеніе страны Дори, населенной Готами, обозначено здѣсь довольно опредѣлительно. При помощи довольно большаго числа указаній, встрѣчающихся въ позднѣй-

1) III, 7, p. 261 sq. Bonn.

шихъ источникахъ, новѣйшими изслѣдованіями Кѣппена, Бруна и другихъ ученыхъ вполнѣ разъяснено, что страна, именовавшаяся Готіей, Готскими Климатами, а также Дори, вѣроятно— по готскому выговору слова Таврія — простиралась по южному берегу Крыма отъ Балаклавы до Сурожа, или Судака, а внутри полуострова ограничивалась Чатырдагомъ и другими горами, окаймляющими южные берега полуострова.

Что же касается страны Тетракситовъ, то вопросъ о ея положеніи, за неимѣніемъ какихъ-либо другихъ источниковъ, въ которыхъ встрѣчалось бы это имя, долженъ быть решаемъ тѣмъ болѣе внимательнымъ изученіемъ показаній Прокопія.

Въ сочиненіи о Готской войнѣ (IV 4—5, р. 500, 17 sqq. Haur.) Прокопій дѣлаетъ географическій обзоръ восточныхъ береговъ Чернаго моря и сообщаетъ характеристику населеній, тамъ обитавшихъ въ его времія:

«За Абхазами и Зикхами живутъ Сагиды (по другому чтенію Сагины), приморская часть которыхъ издревле принадлежала Римлянамъ. Построивъ здѣсь два приморскія укрѣпленія, Севастополь и Питонъ, находящіяся на разстояніи одно отъ другаго на два дни пути, Римляне издавна держали въ нихъ свои военные гарнизоны. Въ прежнее время, какъ я уже сказаль выше, отряды римскихъ воиновъ находились во всѣхъ прибрежныхъ областяхъ, начиная отъ предѣловъ Трапезундскихъ до этихъ Сагидовъ (Сагиновъ). А теперь за ними остались только два эти сторожевые пункта, гдѣ они держать охранніе отряды до моего времени...» (Далѣе говорится о разореніи ихъ въ войнѣ съ Хозроемъ).

«Выше Сагидовъ (Сагиновъ) обитають многіе Гуннскіе народы. А страна, которая, начинаясь отсюда, простирается до Мэотійского болота и реки Танаиса, владающей въ это болото, называется Евлисіей и населена по берегамъ и внутри варварами. Жители, здѣсь обитающіе, въ древности именовались Киммеріями, а теперь называются Утургурами. Выше ихъ въ сѣверномъ направлѣніи расположены безчисленные народы Антовъ. А подлѣ (параллельно) этой страны, тамъ гдѣ начинается изливаніе озера, поселились Готы Тетракситы. Хотя они не многолюдны, но не хуже другихъ хранять свои христіанскіе

уставы, которымъ слѣдуютъ. Танаисомъ туземцы называютъ также и тотъ рукавъ, который ведетъ отъ Мэотійского озера до Евксинского Понта, простираясь, какъ говорятъ, на двадцать дней пути; точно такъ же и вѣтеръ, который оттуда дуетъ, называется Танайскимъ. Были ли упомянутые Готы когда-нибудь арианами, подобно другимъ Готскимъ племенамъ, и вообще какая другая религія была у нихъ прежде—этого я не могу сказать, да и сами они не знаютъ. Извѣстно только, что теперь они съ большимъ простодушiemъ и довѣрчивостью преданы христіанству. Незадолго предъ симъ (я разумѣю двадцать-первый годъ правленія Юстиніана) они присылали въ Византію четырехъ пословъ съ просьбою дать имъ епископа, такъ какъ бывшій у нихъ до этого священникъ умеръ; а съ другой стороны—они узнали, что и Абхазамъ императоръ послалъ отъ себя (арх)іерея. Императоръ Юстиніанъ съ величайшею готовностью исполнилъ ихъ просьбу и отпустилъ пословъ домой. При публичномъ приемѣ, когда присутствовало много слушателей, послы эти, объясняя причину своего прибытія, не заявили ничего другаго, кроме дѣла объ (арх)іереѣ—изъ страха предъ Гуннами Утургурами; но въ тайномъ свиданіи объяснили всѣ выгоды, которыя имперія могла получить, возбуждая столкновенія среди сосѣднихъ варваровъ. Теперь я скажу о томъ, откуда переселились сюда Тетракситы и какимъ образомъ здѣсь утвердились.

«Прежде эти области были занимаемы большими толпами Гунновъ, называвшихся тогда Киммеріцами и уже упомяну- 106 тыхъ мною; они всѣ находились подъ властію одного государя. У одного изъ этихъ государей родилось два сына, изъ коихъ одинъ назывался Утургуръ, а другой Кутургуръ. По смерти своего отца, сыновья раздѣлили между собою власть и сообщили свои прозванія управляемымъ ими народамъ: и до сего времени одни называются Утургурами, а другіе Кутургурами. Всѣ они жили здѣсь вмѣстѣ, имѣя одни и тѣ же учрежденія, но не вступая въ сношенія съ другими людьми, обитавшими на другой сторонѣ Мэотійского болота и вытекающаго изъ него рукава. Они никогда не переступали за эти воды и не подозрѣвали, что переходъ черезъ нихъ возможенъ; они страшились того, что было совершенно удободоступнымъ. А послѣ перехода

Мэотиды и вытекающего изъ нея пролива тотчасъ на самомъ берегу его жили прежде такъ называемые Готы Тетракситы, о которыхъ я ужъ упоминалъ. Гораздо дальше были расположены Готы (то есть, Остъ-Готы) и Визиготы, Вандалы и другіе Готскіе народы». (Далѣе идетъ рѣчь объ известной сказочной лани, которая указала Гуннамъ переходъ черезъ воды Мэотиды). — «Напавъ (послѣ перехода чрезъ Мэотиду) на Готовъ, тамъ обитавшихъ, Гунны однихъ перебили, другихъ заставили выселиться и овладѣли территоріей. Изъ нихъ Кутургуры вызвали къ себѣ дѣтей и женъ и основались тамъ, гдѣ живутъ и въ мое время. Они каждый годъ получаютъ большиe дары отъ императора и, переходя рѣку Истръ (Дунай), дѣлаютъ набѣги на Римскія владѣнія, бывая въ одно и то же время и врагами, и союзниками Римлянъ. А Утургуры съ своимъ предводителемъ собрались въ обратный путь домой, гдѣ они стали бы теперь жить одни. Когда они очутились вблизи Мэотійского болота, то встрѣтились съ Готами Тетракситами. Готы сначала, оградившись щитами, стали насупротивъ наступающимъ, какъ бы намѣреваясь защищаться, въ надеждѣ на свою силу и крѣпость самой позиціи. Они могутъ счи-
таться самыми мужественными изъ тамошнихъ варваровъ; а рукаль, идущій изъ Мэотиды, въ самомъ началѣ (своемъ), гдѣ тогда жили Готы Тетракситы, образуя лунообразный заливъ, ограждалъ ихъ наилучшимъ образомъ, оставляя для нападающихъ только одинъ и притомъ не очень широкій входъ. Но потомъ (такъ какъ ни Гунны не желали терять здѣсь времени, ни Готы не могли ни въ какомъ случаѣ расчитывать на возможность противостоять на долгое время такому множеству враговъ) они вошли между собою въ такое соглашеніе, чтобы соединившись сдѣлать переходъ сообща и вмѣстѣ, а чтобы затѣмъ Готамъ поселиться на противоположномъ материкѣ на самомъ берегу рукава (то есть, пролива), гдѣ они и теперь еще сидятъ, и чтобы, сдѣлавшись на будущее время друзьями и союзниками Утургuroвъ, жить съ ними впередь на вѣчныя времена на однихъ и тѣхъ же взаимныхъ правахъ. Такимъ-то образомъ эти Готы основались здѣсь».

Сколько-нибудь внимательное чтеніе приведенныхъ отрыв-

ковъ изъ географического очерка, принадлежащаго Прокопію, не оставить ни малѣшаго сомнѣнія въ томъ, что, по его представлению, Готы Тетракситы жили сначала, то есть, до гуннскаго нашествія 376 года, на западной сторонѣ Азовскаго моря и Керченскаго пролива, можетъ быть — по сосѣдству съ Воспоромъ, гдѣ они по нѣкоторымъ соображеніямъ должны были находиться съ 275 года по Р. Хр., и что только впослѣдствіи они вмѣстѣ съ одною вѣтвью Гунновъ, возвращавшихся въ первобытную свою родину, перешли проливъ Керченскій и утвердились, какъ прямо и рѣшительно выражается нашъ текстъ, — на материкѣ (р. 506, 22: ἐν τῇ ἀντιτέρᾳ ἡπείρῳ), на противолежащемъ его берегу, гдѣ они и оставались во времена писателя. Согласно съ этимъ, продолжая свой географическій обзоръ далѣе, Прокопій снова говорить, что нужно перейти Мэотиду и рѣку Таваисъ, чтобы вступить во владѣнія Гунновъ Кутургировъ, въ страну Тавровъ и Скиевъ, то есть, въ Крымъ, гдѣ находится и приморскій городъ Воспоръ, а затѣмъ Херсонъ и т. д. (см. р. 507, 9 sq.). Согласно съ этимъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 18) говорится, что когда Юстиніанъ коварными внушеніями и подарками склонилъ Утургировъ напасть съ тылу на соплеменныхъ имъ Кутургировъ, вторгнувшихся въ 551 году въ Римскія владѣнія за Дунаемъ, тѣ какъ Утургуры, такъ и сосѣди, а равно союзники ихъ и участники въ походѣ Готы Тетракситы должны были прежде всего перейти Донъ (р. 583, 19 sq. διέβησαν πανδημεὶ ποταμὸν Τάναιν), чтобы привести въ исполненіе полезную Византію диверсію.

Географическій очеркъ черноморскихъ странъ, находящійся въ Исторіи Готской войны Прокопія, весьма во многомъ, а главное — и въ интересующемъ насъ вопросѣ разъясняется недавно открытою и напечатанною (Fragm. histor. Graec., V, р. 179 sqq.), прежде неизвѣстною частію Перипла Чернаго моря, принадлежащаго анониму. Свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь, тѣмъ болѣе для насъ имѣютъ цѣны, что ови принадлежатъ почти современному Прокопію. Вотъ что мы находимъ здѣсь относительно описанныхъ Прокопіемъ побережій Чернаго моря выше Абазій:

§ 15 sq. «Рѣка Ахэунть иначе называется Васисъ и раздѣ-

ляеть Зикховъ и Саниховъ. Отъ Ахэунта рѣки до Аvasка рѣки живутъ Санихій»: Οὗτος δὲ ποταμὸς Ἀχαιοῦς [λέγεται Βάσις καὶ] διορίζει Ζιχοὺς καὶ Σανίχας. Ἀπὸ οὖν Ἀχαιοῦντος ποταμοῦ ἔως Ἀβάσκου ποταμοῦ Σάνιχες σίκοιστιν.

Замѣтимъ, что Санихи, безъ сомнѣнія, болѣе правильное название, чѣмъ Сагиды или Сагины Прокопія, такъ какъ у Арріана (*Peripl. Ponti Eux.*, 15: *Geographi graeci minores*, I, p. 379), а равно у историка Мемнона (*Fragm. histor. graec.*, III, 555) тоже читается Σανίγαι, Σάνηγας (въ accusat.); наоборотъ, уже самое присутствіе варіантовъ подвергаетъ подозрѣнію исправность текста у Прокопія.

§ 20. «Отъ гавани Пагры до древней Ахайи прежде жили такъ называемые Ахейцы, а теперь живутъ Зихи (*Ziχοί* == Джигеты)».

Гавань Пагра (*Πάγρας λιμήν, Pagrae portus*), о которой выше (§ 19) было сказано, что она «нынѣ» называется Эпталовою (*τὸν νῦν λεγόμενον Ἐπτάλου λιμένα*), теперь, то есть, уже въ XIX столѣтіи, носить имя Геленджика.

§ 21. «Отъ пристани Эптала до Священной пристани, нынѣ называемой Никакси, стадій 180, миль 24. Отъ Священной пристани до Синдики (или Синдикійской пристани нынѣ называемой Евдусіей) стадій 290, миль 40»: Ἀπὸ δὲ Ἐπτάλου λιμένος εἰς τὸν Ἱερὸν λιμένα (τὸν νῦν λεγόμενον Ἱερίσι ἥτοι τὸ Νίκαξιν) στάδιοι ρπ̄, μίλια νδ̄. Ἀπὸ δὲ Ἱεροῦ λιμένος ἥτοι Νίκαξιν εἰς Σινδικὴν (ἥτοι Σινδικὴν λιμένα, νῦν δὲ λεγόμενον Εύδουσταν] στάδιοι ση̄, μίλια μ̄).

Священная пристань есть Суджакъ около Новороссійска подлѣ Мишкакки (== *Níκαξιν*), а пристань Синдики есть несомнѣнно Анапа съ своимъ портомъ. Итакъ, въ VI вѣкѣ Евдусіей называлась теперешняя Анапа. Такъ какъ у Прокопія и здѣсь рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то сама собою представляется догадка, что Евлісія въ довольно неисправномъ текстѣ Прокопія находится въ близкомъ родствѣ съ Евдусіей Анонима. Пойдемъ, однако, далѣе.

§ 22. «Отъ Синдики до Пагры прежде жили народы, называемые Керкетами (== Черкесами) или Ториками, а теперь живутъ такъ называемые Евдусіане, которые говорять гот-

скимъ и таврскимъ языкомъ»: Ἀπὸ οὖν Σινδικοῦ λιμένος ἔως
Πάγρας λιμένος πρώην φύου ἔθνη οἱ λεγόμενοι Κερκέται ἦτοι Το-¹⁰⁹
ρίται, οὓν δὲ οἰκοῦσιν Εὐδοσιτανοὶ λεγόμενοι, τῇ Γοτθικῇ καὶ Ταυ-
ρικῇ χρώμενοι γλώττῃ.

Итакъ, Евдусієй, то есть, страною, въ которой жили Евдусіане, могла называться не только Анапа, но и все пространство отъ Геленджика до Анапы. Весьма любопытны жители этой области, говорившіе, повидимому, какимъ то смѣшаннымъ языкомъ — гототаврскимъ¹⁾). Второй, менѣе известный составной элементъ такого нарѣчія ближе опредѣляется въ другомъ (уже прежде изданномъ и давно известномъ) мѣстѣ того же анонимаго писателя-географа. По его словамъ, городъ Феодосія (въ Тавридѣ) въ его время называлась на языкѣ аланскомъ или таврическомъ Аврада, что значило «семибожная». Аланскій языкъ, какъ извѣстно, есть языкъ Ясовъ или Осетинцевъ, принадлежащий къ семье языковъ Иранской вѣтви. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ одинъ частный фактъ, указывающій на возможность сожительства и даже сливанія между Германскими или точнѣе Готскими элементами и разными отдѣлами большой иранской народности Аланъ, и такимъ образомъ объясняющій многое, что до сихъ поръ кажется загадочнымъ въ исторіи переселенія народовъ. Евдусіане, говорящіе языкомъ готскимъ и таврскимъ, аланскимъ — тоже, не суть ли тѣ загадочные Валаготы, Валан-Готы, которые встрѣчаются въ средневѣковыхъ родословіяхъ VI вѣка по Р. Х.²⁾, или же тѣ Гот-аланы, о которыхъ какіе-то темные слухи дошли даже до временъ Іосафата Барбаро³⁾? И не родственны ли они, съ дру-

1) *Anonymi periplus Ponti Eux.* § 51 (Geogr. gr. min., I, p. 415 Mull.): Νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἦτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδάρδω, τοιτέστιν ἐπτάθεος. Мюлленгофъ *Deutsche Altertumskunde*, III (1892), 114) объясняетъ это такъ: ἀρδα—zendск. *hapta*=греч. ἐπτά, санскр. *saptan*, αρδ=zendск. *eredhwa*, высокий, персидск. *arda*, лат. *arduus*, и находитъ, что лучше читать: "Αρδάρδω или Ἀβδάρδω. *Ср.* В. Ф. Миллеръ, Осетинские этюды, III (въ Уч. Зап. Имп. Моск. Унив., отд. ист.-филол., вып. 8), стр. 76 сл. — Tomaschek въ Pauly-Wissowa Real-Encyclop. подъ сл. *Abdarda*.

2) Въ такъ называемомъ «*Generatio regum et gentium*», составленномъ въ Галліи около 520 года (см. Müllehoff, *Germania ant.*, p. 163 sq.), читается: *Ermilius genuit Gotos [Walagotus] Wandalus Gepedes* и т. д. Или по другимъ спискамъ: *Gothos Walagothos* и т. д.; и: *Butes Gualangutos* и т. п.

3) Путешествие Іосафата Барбаро въ Библіотекѣ иностранныхъ

гой стороны, нашимъ прежнимъ знакомцамъ, Ворадамъ и Воранамъ, такъ какъ гора Варадасъ, облегающая Геленджикскую бухту, и текущая неподалеку быстрая рѣчка Вуланъ невольно заставляютъ о нихъ вспомнить¹⁾.

110 Возвращаемся къ своему предмету, то есть, къ Евлисіи Прокопія. Она, также какъ и Евдусія Анонима, начинается выше Сагидовъ-Саниховъ, но доходитъ не до Анапы только, а до самыхъ устьевъ Дона въ Азовское море, гдѣ живутъ Утургурь. Подлѣ ($\piαρά$), то есть, съ боку и параллельно этой Евлисіи, у самаго пролива, соединяющаго Мэотійское болото съ Чернымъ моремъ, живутъ Готы Тетракситы. Суть ли Готы Тетракситы Прокопія одно и то же съ Гот-Аланами и Валан-Готами Анонима, мы не можемъ сказать рѣшительно; мы скорѣе склонны думать, что это два разные отпрыска Готскаго племени, хотя и соседніе и близкіе другъ къ другу. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что ~~ожилище~~ Готовъ Тетракситовъ находилось, по Прокопію, нѣсколько выше Анапы и ближе къ Керченскому проливу, другими словами — къ Таманскому полуострову, гдѣ впослѣдствіи сдѣлалась знаменитою Тмутаракань, любимое мѣсто убѣжища русскихъ князей-изгоевъ.

Послѣ этого самъ собою представляется вопросъ, нѣть ли какой связи между двумя столь близкими по звукамъ названіями, относящимися притомъ къ одной и той же мѣстности, то есть, не произошло ли названіе Тмутаракані отъ населявшихъ ее Тетракситовъ, или лучше: не ведутъ ли оба названія свое происхожденіе отъ одного общаго корня? Такъ какъ до Прокопія новыя названія Черноморскихъ странъ и народовъ вообще дошли, повидимому, посредствомъ чужихъ ушей и устъ, то всего скорѣе можно предположить, что именно въ его книгѣ находится искаженіе, если искаженіемъ позволительно назвать превращеніе неблагозвучнаго и непонятнаго «Тметракситы» въ болѣе погречески звучащее и болѣе осмысленное «Тетракситы». Позднѣйшимъ Грекамъ, уже прислушавшимся къ названію малень-

писателей о Россіи В. Семенова, I, стр. 55 и 94: Da questa vicinità de' Gothi con Alani credo, che sia derivato il nome di Gothalani.

1) Ф. К. Брунъ, *Черноморье*, II, стр. 265.>

кой Готской области неподалеку отъ ихъ Херсона, оно все-таки казалось страннымъ, и они то раздѣляли, разлагали его на двѣ части: тѣ Матраха, тѡи Матрѣю, откуда произошли латинскія Matrica, Matercha и т. п., то опять принимали за одно цѣльное слово (тѣ Таматараха, у Константина Багрянороднаго).

Новѣйшія филологическія объясненія имени Тетракситовъ, а равно и слова «Тмутаракань», никакъ нельзя считать удачными и прочными. Въ объяснительномъ гlosсаріи Гуга Гроція, напечатанномъ при изданіи Іорнанда (Іордана) въ первомъ томѣ Му-
раторіева собранія, читается слѣдующее любопытное tolкованіе: «Tetraxitae, Tetraugsitten, sub induciis sedentes, quod nomen
greca voce ἐκεχειρεῖς reddidit, additque Scylaci, ut multa alia, 111
exscriptor aliquis. Gothica gens quietis amans ad Pontum Euxi-
num. Sic dicti ab Uturguris». Объясненіе должно быть названо
весъма остроумнымъ, если только отбросимъ предположеніе, что
название дано Утургурами. Тетракситы значило бы «мирные»
(έυσπουδαι), происходило бы отъ готскаго: du (= zu), triggua
(= treuga) и sitan (sitzen), притомъ соотвѣтствовало бы по зна-
ченію греческому ἐκεχειρεῖς. Впрочемъ, Гуга Гроцій совершенно
ошибался относительно послѣдняго пункта. «Екехирій» ('Εκεχειρεῖς
у Скилака и Мениппа) существовали на самомъ дѣлѣ и незави-
симо отъ Тетракситовъ; ихъ жилища приходятся совершенно на
другое мѣсто и никакъ не совпадаютъ съ тетракситскими: именно
они живутъ въ Лазистанѣ, на югъ отъ рѣки Чороха (Anonymi
Peripl., Frigm. histor. graec., V, 1, р. 174, гдѣ указаны со-
отвѣтствующія мѣста у Мениппа и Скилака). Производство отъ
тетракхис, котораго держатся Массманъ (въ изданіи Вульфили),
А. А. Куницѣ и Н. П. Ламбінь, также весъма сомнително и въ
филологическомъ, и въ историческомъ отношеніи. Оно основано
на томъ предположеніи, что четыре посла, отправленные Тетра-
кситами къ Юстиніану (см. выше текстъ Прокопія), соотвѣт-
ствовали четыремъ отдѣльнымъ областямъ Готской тетрархіи,
хотя на это нигдѣ нѣть никакого намека, хотя странно такое
мелкое дѣленіе и безъ того не крупнаго государства, хотя, нако-
нецъ, выходило бы, что Готы назывались греческимъ именемъ.

Что касается названія Тмутаракани, то наиболѣе подходя-
щимъ tolкованіемъ до сихъ поръ было то, которое находило

тутъ сложное: Таматарханъ, сжатое Византійцами въ Таматарха и потомъ по певѣдѣнію выражаемое на письмѣ чрезъ тѣ *Μάταρχα*, а оттуда Тамань.

Утверждая тожество Тмутаракани и земли Тетракситовъ, мы не пускаемся въ дальнѣйшее словоизвѣдство и довольствуемся замѣчаніемъ, что для обоихъ этихъ словъ достаточно будетъ одного объясненія, хотя бы изъ вышеприведенныхъ¹⁾.

Тожество земли Тетракситовъ съ Тмутараканью, если оно будетъ признано несомнѣннымъ, послужить не только къ объясненію «Готскихъ дѣвицъ на берегу Синяго моря», о которыхъ говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ, но и къ разъясненію другихъ весьма важныхъ и загадочныхъ пунктовъ въ древнейшей русской исторіи, особенно если мы признаемъ уже защищаемую другими дальнѣйшую тожественность Тмутараканской Руси съ Азовско-Черноморскою Русью Арабовъ, и будемъ къ ней относить извѣстія Ибн-Даста и Мукадесси о Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и нездоровомъ островѣ²⁾), такъ какъ и въ русскихъ источникахъ Тамань называется Тымутороканскимъ островомъ³⁾). А Черные Болгары, которые упоминаются у Константина Багрянородного и въ русскихъ договорахъ съ Греками, будуть остатками тѣхъ Утургировъ, которые жили въ дружбѣ и сосѣдствѣ съ Готами-Тетракситами. Другая недалекая «Росія», упоминаемая на ряду съ Тмутараканью въ византійской грамотѣ XII вѣка (*ἄνευ τῆς Ρωσίας καὶ Ματράχου*), то есть, извѣстный также и Арабамъ городъ *Rūsia* на Азовскомъ морѣ, неподалеку отъ лѣваго берега Дона (Тана), можетъ точно такъ же считаться отголоскомъ еще Готской старины, когда здѣсь была восточная граница Остъ-Готовъ, или, какъ они себя называли, Грейтунговъ, Гроениговъ (*Hrōdhgöt* — овъ?).

1) Что касается «Тмутараканского болвана», то къ разъясненію послѣдняго слова можетъ служить слѣдующее никѣмъ не замѣченное мѣсто въ грамотѣ короля Коломана Венгерскаго Бециримскому монастырю (1108 года). Опредѣляются границы монастырской земли: *deinde vadit ad monticulum, et ibi stat meta lapidea, quae balvan vocatur*. G. Fejér, Cod. diplomat. Hung., II, p. 48. Ср. также средневѣковое *Bolvan*, теперь развалина и село *Bôian* близь Делиграда въ Сербіи: *Jireček*, die Heerstrasse, p. 20.

2) См. Д. И. Иловайскаго, Разысканія, изд. 2, стр. 55.

3) См. Патерикъ Печерскій въ изд. В. А. Яковлева: Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, стр. XVIII.

3.

Судьбы Таврическихъ Готовъ до конца VIII вѣка.

Сообразя свидѣтельства писателей и всѣ другія данныя, которыми мы располагаемъ, и которыя были приведены или указаны въ предшествующемъ изложеніи, мы должны прійти къ такому заключенію, что Готскія племена, утвердившись въ Тавридѣ еще въ III столѣтіи, — не позднѣе первой половины слѣдующаго вѣка, а именно около 336 года, когда прекращаются монеты Воспорскихъ царей, захватили въ свои руки всѣ владѣнія этихъ династовъ на полуостровѣ и разрушили ихъ государство, оставивъ свободнымъ развѣ только самый городъ Пантиакею¹⁾. Затѣмъ, когда сюда проникли гунно-болгарскія полчища, Готы принуждены были очистить предъ ихъ напоромъ все пространство между Воспоромъ и Херсономъ и, съ одной стороны, перешли на другую сторону Киммерийскаго пролива, а съ другой — удержались на самомъ югѣ полуострова, подъ прикрытиемъ горныхъ кряжей. Они были такимъ образомъ отрезаны не только отъ Вест-Готовъ, которые въ 376 году, спасаясь отъ тѣхъ же самыхъ Гунновъ, ушли за Дунай въ предѣлы Римской имперіи, но и отъ ближайшихъ своихъ сородичей, Грейтунговъ: когда эти послѣдніе, уже по распаденіи державы Аттиловой, переселились изъ Припонтійскихъ областей въ Паннонию, Крымскіе Готы не послѣдовали за ними, а остались въ своихъ отдаленныхъ двухъ углахъ²⁾. Отчасти благодаря своему отчужденію отъ остальныхъ вѣтвей Готскаго племени, они удержали также и ту первоначальную форму христіанскаго исповѣданія, которая перепесена была на сѣверные берега Чернаго моря благочестивыми плѣнниками изъ Каппадокіи и Галатіи. Въ концѣ IV вѣка Готы, обитавшіе около Воспора Киммерийскаго (Керченского пролива), имѣли своего епископа; они поддерживали связи съ Константинополемъ и патріархомъ. Зна-

1) Эту послѣднюю оговорку относительно Пантиакеи заставляетъ сдѣлать буквальный смыслъ словъ Прокопія.

2) Прокопій выражается не совсѣмъ точно, что Таврические Готы не послѣдовали за Теодорихомъ Ост-Готскимъ.

менитый учитель восточной церкви, Иоаннъ Златоустъ, принявший особенное участіе въ православной общинѣ Готовъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ выслушивалъ готскихъ проповѣдниковъ, говорившихъ на своемъ языке, а иногда и самъ обращался къ чужеплеменникамъ съ проповѣдью (черезъ переводчиковъ)¹⁾, точно такъ же считалъ близкимъ дѣломъ души своей вопросы, касающіеся судебнъ отдаленной церкви германской въ Тавридѣ, для которой онъ посвятилъ епископа Унилу. Имя заставляетъ предполагать природнаго Гота, и если мы возьмемъ во вниманіе постоянную и въ высшей степени гуманную практику восточной церкви въ отношеніи къ народнымъ языкамъ и, сверхъ того, самое положеніе вещей, которое заставляло заботиться о томъ, чтобы аріанская готская церковь не имѣла особыхъ преимуществъ и привлекательности предъ православною,— то придемъ къ заключенію, что Воспорскіе Готы также отправляли богослуженіе на своемъ языке и читали Священное Писаніе въ переводѣ Вульфилы, заключавшемъ въ себѣ развѣ только одно неправославное мѣсто, подлежавшее исправленію. Въ позднѣйшія времена мы встрѣчаемъ готскій языкъ въ числѣ имѣющихъ книги, когда уже нигдѣ, кроме Крыма и, быть можетъ, Малой Скиѳии, или Добруджи, съя тоже православными преданіями, не было слышно готской рѣчи. Многое заставляетъ думать, что «руссکія письмена», которыми были написаны отысканные св. Кирилломъ въ Херсонѣ Евангелие и Псалтырь, были именно готскія письмена, что здѣсь слово «русскій» замѣнило эпитетъ «готскій», точно такъ же, какъ это можетъ быть замѣчено и въ другихъ случаяхъ.

Въ первой половинѣ VI вѣка на Таврическомъ полуостровѣ и по сосѣдству съ нимъ господствуютъ всесцѣло гунно-болгарскія племена, которыхъ овладѣли было и городомъ Пантиапеей, теперь называемою по имени прежняго государства Воспоромъ (Керчью). Однако, уже при Юстинѣ I Воспоръ сдѣлся снова свободнымъ и, признавъ покровительство римскаго императора, все еще остается очагомъ цивилизациіи и просвѣщенія для поселившихся по сосѣдству на полуостровѣ гуннскихъ пле-

1) См. Migne, Patr. gr., 53, 501.

менъ¹⁾). Здѣсь производилась мирная торговая мѣна между варварами и мѣстными купцами изъ Грековъ или же Евреевъ, такъ какъ эти послѣдніе тоже распространялись здѣсь съ самыхъ древнихъ временъ; отсюда шли вліянія, которыя, въ правленіе Юстиніана, заставили одного гуннскаго князя, именуемаго Гродомъ, собраться въ Константинополь для принятія крещенія. Вскорѣ затѣмъ на рынкѣ воспорскомъ явился новый видъ товара: перелитые въ слитки изображенія идоловъ были размѣнены на византійскую серебряную монету. Однако, старые боги, хотя и разбиты въ куски, нашли за себя мстителей: произошла реакція, возбужденная жрецами. Гродъ былъ убитъ. Такъ можно было опасаться, что изъ Воспора послѣдуетъ наказаніе за убийство императорскаго крестника, то Гуны бросились на слабо охраняемый городъ, произвели въ немъ рѣзню и овладѣли имъ, впрочемъ не на долго. Юстиніанъ принялъ свои мѣры: отправлена была съ начала готская помощь, затѣмъ послѣдовали большія войска сушей и моремъ, и Воспоръ былъ возвращенъ²⁾. Извѣстно, что потомъ городъ получилъ новыя укрѣпления и упроченъ былъ за имперіей надолго. Вообще, какъ уже мы знаемъ изъ Прокопія, Юстиніанъ, не смотря на громадныя и сложныя задачи, преслѣдуемыя на западѣ, не выпускалъ изъ виду сѣверо-восточныхъ предѣловъ своей имперіи, гдѣ шла борьба съ Персами. Подчинивъ своей власти всю прибрежную полосу Чернаго моря, съ прилежащими горными провинціями,

1) Procop. de bello Persico, I. I с. 12, p. 57, 4 Нагг. Ср. Г. С. Дестуниса Комментаріи къ русскому переводу «Прокопія Кесарійскаго», стр. 144. Почтенный комментаторъ, оказавшій своимъ трудомъ такую большую услугу русской наукѣ, на этотъ разъ упустилъ изъ вниманія разсказъ Малалы о Гродѣ (слѣдующій здѣсь ниже), который вполнѣ разъясняетъ всѣ противорѣчія.

2) Ioannis Malalae Chronograph., I. 18, p. 431 sq. Bonn.; Theoph. Chronograph., p. 175 sq. de Boor.; Historia Miscella: Migratori, Script. ger. Italic., t. I, p. 104. Въ передачѣ именъ и фактъ мы держимся болѣе первоначального источника, то есть, Малалы. У него князь Гуиновъ, принявший крещеніе, называется Гробъ, а братъ его Мобуелъ; у Теофана: Гердѣс и Мозагуерис; въ Histor. Miscella: Rex Hunnorum nomine Gorda и т. д. Скиеская помощь у Теофана, изъ которой безъ всякой нужды дѣлаются славянскую, въ наиболѣе древнемъ источнике названа готскою: μετὰ βουβεῖς Γοτθικῆς. Ср. Д. И. Иловайского, Разысканія, стр. 234 втор. изд., и Забѣлина, Исторія русской жизни, стр. 444 сл. втор. изд. Въ одномъ изъ этихъ сочиненій Гордъ посредствомъ «или» превращается въ Гордаго и въ обоихъ, конечно, считается Славяниномъ.

почти до течения реки Кубани, Юстинианъ старался упрочить господство христианства между Лазами и Абхазами. Для того онъ основалъ епархію и церковь лазо-абхазскую, центромъ и кафедрою которой долженъ быть сдѣлаться великолѣпный храмъ Богородицы, выстроенный имъ на берегу Чернаго моря, въ городѣ Пицундѣ или Никопсіи, и теперь называемый Битчвнтскимъ¹⁾. Вотъ именно это учрежденіе новой (Никопсійской) духовной провинціи въ землѣ Абхазовъ и подало поводъ Готамъ Тетракситамъ, закубанскимъ ихъ сосѣдямъ, заявить и съ своей стороны желаніе о полученіи епископа отъ руки императорской. Не трудно догадаться, что рѣчь шла о замѣщении Фанагорійской кафедры, существованіе которой обнаруживается разъ въ 519 году, а затѣмъ продолжается впослѣдствіи уже подъ именемъ Тмутараканской (*τῶν Ματάρχων*), то есть, что тоже, Тетракситской²⁾. Издавна вѣрные союзники и хорошие христиане, Готы Таврические также входили въ общую систему заботливаго охраненія границъ имперіи: горные проходы, ведущіе на ихъ территорію, именуемую Дори, были, какъ мы уже знаемъ, заграждены особаго рода засѣками или преградами.

Вскорѣ затѣмъ, еще при жизни Юстиніана, на восточной сторонѣ Азовскаго и Чернаго морей, между Дономъ и Волгой, обнаружилось новое движение финско-турецкихъ племенъ. Аварская орда, оставившая такую тяжелую память въ славянской исторіи, придинулась, въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ, къ Киммерийскому проливу³⁾. Въ 558 году, когда Юстинианъ при-

1) Procop. de bello Goth., IV, 3, p. 500, 4 Haur. То же самое въ Церковной исторіи Евагрія (IV, 22). Cp. Brossset, Histoire de la Géorgie, I, 213; Гобронъ Сабининъ, Исторія грузинской церкви, стр. 107 сл. (В. В. Латышевъ, Къ исторіи христианства на Кавказѣ (отд. отт. изъ Сборника въ честь гр. А. А. Бобринского), стр. 4 сл. и 8). Вопросъ объ архитектурѣ и времени основанія теперешняго Битчвнтского или Пицундского храма, древностію котораго, хотя и реставрированою, гордится Кавказъ, разбирается въ ученымъ изслѣдованіи Н. П. Кондакова: Древняя архитектура Грузіи. Москва, 1876.

2) Фанагорійскій епископъ Иоаннъ подписался подъ опредѣленіемъ Шаре-градскаго собора 519 года. Le Quien, Oriens christianus, I, 1328; Макарій, Исторія христианства въ Россіи до равноап. князя Владимира, стр. 80 втор. изд.

3) Euagrii Histor. eccles., I, V, cap. 1: ἐπὶ τὸν Βόσπορον ἀφίκοντο· καὶ τὴν ἡγένα τοῦ Εὐζείνου καλουμένου Πόντου καταλιπόντες -- τὴν πόρευσιν ἐποιοῦτο -- μέχρις οὗ τὰς ἡγένας τοῦ Ἰστρου κατειλήφασι. То же самое въ прославленной

нималъ въ первый разъ посольство аварскаго кагана, искавшаго дружбы и союза, а также и земли для поселенія въ предѣлахъ имперіи, весь городъ сбѣжался смотрѣть на новый образчикъ варварства, способный удивить давно привыкшую ко всякимъ такого рода зрѣлищамъ столицу. «Были Обры тѣломъ высоки и умомъ горды». Когда ихъ «громадные члены» наполняли императорскій дворецъ, и ихъ косматыя головы повергались ницъ на постланыхъ предъ трономъ коврахъ, тогда видно было только первое:

in facies cecidere suas, stratosque tapetas
fronte terunt, longisque implent spatiose capillis
atria et Augustam membris immanibus aulam¹⁾.

Но вскорѣ Греки познакомились какъ съ коварствомъ, такъ съ высокомѣрiemъ и дерзостью своихъ новыхъ союзниковъ, а равно и съ ихъ хвастливостью (*ventosis inflata superbia verbis*). Считаясь союзниками имперіи, получая ежегодные подарки, впрочемъ, болѣе скромные, чѣмъ другіе мнимые друзья Византіи, Авары оставались въ своихъ припонтийскихъ жилищахъ только до временъ Юстина II (565 г.). Двигаясь отъ Воспора Киммерійскаго, они покорили Антовъ, поработили другихъ Славянъ, усилились присоединеніемъ родственныхъ племенъ и ушли далѣе на югъ и на западъ.

Турецко-хазарскій каганъ, считавшій Аваровъ своими бѣглыми рабами, говорилъ, что если онъ пошлетъ свою лошадиную плеть, то при видѣ ея они готовы будуть бѣжать на край свѣта²⁾. Авары были поводомъ къ первому знакомству и къ первой обсыпкѣ посольствами между такъ называемыми «восточными Турками», позднѣйшими Хазарами, и Византійцами³⁾. Вскорѣ затѣмъ Турко-Хазары начинаютъ распространять свои завоеванія на западъ отъ Каспійскаго моря и угрожаютъ за-

Фальмерайеромъ Монемвасинской хроникѣ: Γένος οἱ Ἀβαρες ἔθνος Ούνικῶν καὶ Βουλγάρων - τὸν αἰγαλὸν τοῦ Εὔξεινου διαβάντες ἀφίκοντο ἐπὶ τὸν Βόσπορον. Pasini, Codic. manuscript. Biblioth. Taurinensis, p. 417. *(Λάμπρος, Ἰστορία Μελετήματα, p. 98.)*

1) Corippi in laud. Iustini minor., III, v. 261—263. 317.

2) Menandri fragm. (Histor. gr. min. ed. Dindorf, vol. II, p. 87).

3) Theophan. Byzant. fragm. (ibid. vol. I, p. 447).

хватомъ греческихъ владѣній па берегахъ Босфора Киммерійскаго и въ Тавридѣ. Уже при Тиверіи, преемнике Юстина II, имперія вступаетъ съ ними въ дружелюбныя сношения съ цѣллю найти въ нихъ союзниковъ противъ Персовъ. Одно изъ такихъ посольствъ прибыло въ 579 г. изъ Синопа въ городъ Херсонъ, чтобы южнымъ берегомъ и чрезъ городъ Фуллы, вѣроятно, уже тогда принадлежавшій Готамъ, отправиться далѣе по направлению къ Воспору¹⁾). Но именно въ то время, какъ посольство, долженствовавшее обеспечить имперскія границы, вело переговоры съ турецкимъ властителемъ Турксаноемъ, онъ отправилъ своихъ подручниковъ и воеводъ для завоеванія города Воспора (Керчи)²⁾, который и взять былъ въ скоромъ времени³⁾. Мы узнаемъ изъ переговоровъ римско-византійскаго кесаря съ аварскимъ каганомъ, что черезъ годъ Турко-Хазары уже грозили Херсону и стояли лагеремъ въ виду этого богатаго и почитнаго своею древностію города (581 г.)⁴⁾, хотя и не успѣли взять его.

Извѣстно, что въ слѣдующемъ столѣтіи, во время борьбы императора Ираклія съ Персами и Аварами, Хазары были лучшими союзниками византійскаго императора. По армянскимъ древнимъ историкамъ, еще во-очію знакомымъ съ позднѣйшими ихъ потомками, можно судить о томъ, какое впечатлѣніе произвели Хазары своимъ появлениемъ по ту сторону Кавказа. «Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безрѣсничной (?) толпы, которая въ образѣ женщинъ съ распущенными волосами устремилась на нихъ, жители пришли въ содроганіе; особенно при видѣ мѣткихъ и сильныхъ стрѣлковъ, которые какъ бы сильнымъ градомъ одождили ихъ и,

1) Menandri fragm. (l. l. vol. II, p. 85, 5): διὰ τε Σινάπης καὶ Χερσόνους -- ἔτι: δὲ διὰ φύλων, κατὰ δὴ τὸ ψαμμώδες τῆς . . . παρέθει τὰ δρη τῆς Ταυρικῆς. Въ этомъ испорченномъ мыстѣ настѣ болѣе всего интересуетъ фѣлѡн; полагаемъ, что мы не ошибаемся, читая вмѣсто того Фоўллѡн.—Діѧ Σινᾶ, какъ предлагаєтъ Мюллеръ, было бы слишкомъ далеко отъ существующаго написанія, а безъ исправленія не будетъ никакого смысла.

2) Id. (ibid. p. 89): Осаждали Воспоръ турецкій вождь Воханъ (Βόχανος) и Анагей, князь гунно-болгарского племени Утигуровъ (= Утригуровъ).

3) Id. (ibid. p. 90): ἡ πόλις ὁ Βόσπορος; ἦλω.

4) Id. (ibid. p. 125, 28).

какъ хищные волки, потерявшіе стыдъ, бросились на нихъ» и т. д.¹⁾.

Такими Хазары казались во время войны; а вотъ въ какомъ видѣ они изображаются при мирныхъ переговорахъ, когда дѣло шло о принятіи выкупа и подарковъ: «Тамъ мы видѣли ихъ сидящими, поджавши колѣна, какъ фаланги тяжело навьюченныхъ верблюдовъ; каждый имѣлъ при себѣ тазъ, наполненный нечистымъ мясомъ; при нихъ же сосуды съ соленою водой, куда они обмакивали мясо, когда ъли. - - Тѣми же нечистыми, неумытыми, жирными (деревянными) ковшами торопливо изъ одной и изъ той же чаши двое или трое изъ нихъ выливали въ ненасытные желудки свои, какъ въ надутые бурдюки, чистое вино или молоко верблюдовъ и лошадей»²⁾.

Съ того времени, какъ около половины VII вѣка персидское царство Сассанидовъ смѣнилось арабскимъ халифатомъ, Хазары тотчасъ вступили въ ожесточенную борьбу съ мусульманскою державой и по прежнему оставались естественными союзниками Византіи. Въ 651 году полководецъ халифа Османа разбилъ на берегахъ Евфрата соединенные ополченія Алановъ, Абхазовъ и Хазаровъ; но въ то же самое время другой мусульманскій вождь, проникшій въ глубь Прикавказья, встрѣтилъ за Дербентскимъ проходомъ при Беленджерѣ войско хазарское, подъ предводительствомъ самого хагана, и не только былъ разбитъ на голову, но и сложилъ тамъ свою голову вмѣстѣ съ 4,000 мусульманъ³⁾. Въ 683 году, во время арабскихъ междуусобій, бывшихъ послѣдствіемъ перенесенія столицы изъ Мекки въ Дамаскъ, Хазары воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы совершить вторженіе въ закавказскія страны; они разорили Арменію, Грузію и Албанію, увѣли громадное количество плѣнныхъ, убили армянского намѣстника Григорія, который правилъ отчизной отъ имени халифа, и князей двухъ другихъ вышеозначенныхъ земель⁴⁾. Въ 693 году Хазары предприняли новую

1) Исторія Агванъ Мойсея Каганкатваци, въ переводѣ К. П. Патканова, стр. 105.

2) Тамъ же, стр. 125 сл.

3) D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 49 сл. В. В. Григорьевъ, Обзоръ политич. исторіи Хазаровъ въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 53.

4) Исторія халифовъ Гевонда, въ переводѣ К. П. Патканова, стр. 10;

экспедицію, но были разбиты братомъ халифа Абд-ель-Малека.

О положеніи дѣль на западъ хазарской державы мы имѣемъ крайне скучныя извѣстія за все это время. Видно только, что Хазары прочно утвердились на обѣихъ сторонахъ Керченского пролива и стояли твердою ногой на полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ независимою пока Готіей и вольнымъ греческимъ городомъ Херсономъ. Въ половинѣ VII столѣтія (въ 654 г.) умеръ въ этомъ послѣднемъ римскій папа Мартинъ, отправленный сюда въ ссылку императоромъ. Судя по его письмамъ, въ которыхъ онъ — можетъ быть, и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ — жаловался на свое печальное положеніе, Херсонъ находился тогда въ крайне стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи. Что для нась еще любопытнѣе, но также и не совсѣмъ понятно, папа Мартинъ сообщаетъ намъ, что «въ этой области обитали все язычники и люди, перешедшіе къ языческимъ обычаямъ»¹⁾; подразумѣваются ли тутъ и сосѣдніе Готы, сохранившіе еще суевѣрное почитаніе священныхъ деревьевъ, какъ это было въ Фульлскомъ языцѣ, сказать трудно. Исторія Юстиніана II Ринотмита, также сосланного въ херсонское изгнаніе, заключаетъ въ себѣ нѣсколько ближайшихъ указаній на отношенія крымско-хазарскія. Увидѣвъ, что положеніе его въ Херсонѣ не безопасно, Юстиніанъ бѣжалъ въ городъ Доросъ, то есть, въ сосѣднюю Готію²⁾.

Отсюда съ нейтральной какъ бы территоріи, на которой онъ былъ не досягаемъ для прямыхъ покушеній со стороны византійскихъ властей, а въ то же время еще не находился во власти хазарского хагана, Юстиніанъ обратился съ своими просьбами

Асохикъ въ переводѣ Эмина, стр. 72. Cp. Brosset, *Histoire de la Géorgie*, I, 250.

1) Migne, Patr. lat., t. 87, col. 207, epist. XVII: *Siquidem hi qui in hac regione habitant omnes gentiles existunt et gentiles mores acceperunt.* Послѣ св. Константина, на вопросъ о мѣстѣ нахожденія мощей св. Клиmentа въ Херсонѣ, говорили, что «вслѣдствіе вторженій варваровъ то мѣсто опустѣло, храмъ оставленъ безъ вниманія, разрушенъ, большая часть той страны опустошена, необитаема». См. В. А. Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій, II, стр. 170.

2) Theophan., p. 372, 30 de Boor.: εἰς τὸ Δαρᾶς καταδραμόν ἡτήσατο τῷ τῶν Χαζάρων χαγάνῳ συνοψισθῆναι. Niceph., Breviar., p. 40, 22 de Boor.: εἰς τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γετθικῇ κείμενον χώρᾳ ἀπέδρασεν.

къ этому послѣднему. Согласно съ собственнымъ желаніемъ и полученнымъ приглашеніемъ, низвергненый императоръ прибыль къ «царю сѣвера» и былъ принять съ большою благосклонностю. Онъ женился на родной сестрѣ хагана, которая ради того крестилась и стала называться Феодорою: любопытный, но не единственный фактъ, говорящій о хазарской вѣротерпимости и даже расположеннosti къ христіанству. Новобрачные поселились въ старииномъ христіанскомъ городѣ, въ той самой Фанагоріи, которая была какъ бы столицею земли Тетракитской, или Тмутараканской, и мѣстопребываніемъ епископа Таматархейскаго. Однако, хазарскій хаганъ не устоялъ противъ искушенній, просьбъ и обѣщаній, которыми его осаждали изъ Византіи, и не смотря на родство, продалъ своего гостя сопернику, занявшему его тронъ, даже самъ взялъ на себя обязанность устроить его смерть. Порученіе въ этомъ смыслѣ возложено было на хазарскаго правителя въ городѣ Воспорѣ, вмѣстѣ съ личнымъ уполномоченнымъ хагана, который находился въ Фанагоріи и носилъ, повидимому, греческое имя¹⁾; оно не было приведено въ исполненіе, такъ какъ Феодора чрезъ одного изъ близкихъ слугъ хагана узнала объ опасности, угрожавшей ея мужу, и вѣ время предупредила его. Юстиніанъ, какъ извѣстно, въ 705 году воротилъ себѣ царство при помощи болгарской орды, кочевавшей тогда на Дунай подъ предводительствомъ князя Тервела²⁾. Отношенія между хага-

1) Онъ назывался Папацемъ: *Theophan.*, p. 373, 8 de Boog.: τὸν Παπάτζυν, τὸν ἑκ προσφότου αὗτοῦ ἔχειτε δύτα. Онъ ли былъ начальникомъ стражи, присланной въ Фанагорію якобы для охраненія Юстиніана отъ «его собственныхъ единоплеменниковъ» (ὑπὸ τῶν ὁδίων ὄμφύλων; но чьихъ именно?), — изъ Феофана нельзя понять. Болѣе краткій разсказъ патріарха Никифора (*Breviar.*, p. 41) тоже не во всемъ ясенъ; несомнѣнно только то, что оба они имѣли предъ глазами одинъ и тотъ же источникъ. У Никифора Папацъ по имени не названъ, но за то обозначается выраженіями «близкаго (Юстиніану) человѣка и начальника единоплеменниковъ»: τὸν ἄρχοντα τῶν ὄμφεφῶν. Не слѣдуетъ ли объяснить это извѣстнымъ принципомъ хазарского управления, по которому для каждого народа назначались особые суды? Тогда Папацъ былъ бы княземъ или судьею Грековъ. Правитель Босфора (ἄρχων Βοσφόρου) носилъ имя Балгица (*Theophan.*, p. 373, 13: Βαλγύτζιν). Никифоръ, опять пропуская имя, дѣлаетъ (p. 41, 9), можетъ быть, не лишенную значенія прибавку къ слову Воспоръ въ видѣ эпитета «Скиескій»: τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ.

2) Кромѣ Феофана, Никифора и латинской обработки Феофана, о Тервелѣ, или Тервегѣ, упоминаетъ еще армянская Исторія халифовъ Гевонда

номъ и византійскимъ императоромъ, между тестемъ и зятемъ нѣкоторое время были не вполнѣ дружественны. Не извѣстно, по желанію ли самихъ Херсонцевъ, или же съ приложеніемъ такого или другаго насилия и давленія, только городъ Херсонъ, все еще сохранявшій свою автономію подъ верховнымъ покровительствомъ императоровъ, поступилъ теперь подъ протекто-ратъ хазарскаго хагана. По истеченіи пяти лѣтъ послѣ возвра-щенія къ власти (въ 710 году) Юстиніанъ II отправилъ огром-ный флотъ для покоренія Херсона, или, какъ говорятъ наши источники, для того, чтобы отомстить тамошнимъ гражданамъ за прежнюю непочтительность. Въ городѣ, какъ оказалось, на-
ходился уже намѣстникъ хагана, или тудунъ, взятый въ пленъ Византійцами, послѣ возвращенній съ извинительными объяс-неніями въ Херсонъ, а отсюда къ хагану, но па дорогѣ умер-шій. Херсонцы обращались къ хагану съ требованіями о при-сылкѣ хазарскаго гарнизона въ ихъ городъ для защиты его противъ греческихъ силъ; хазарское войско дѣйствительно яви-лось потомъ подъ стѣнами города и тѣмъ прекратило осадный дѣйствія Юстиніановой арміи. Все это показываетъ, что Хазары могли бъ окончательно завладѣть Херсономъ, если бы къ тому настойчиво стремились. Но, повидимому, хаганъ предпочиталъ всякимъ такого рода пріобрѣтеніямъ дружественныя отношенія къ имперіи, съ которой онъ имѣлъ одного и того же главнаго врага — въ лицѣ халифа мусульманскаго.

Союзъ съ Византіей, скрѣпленный въ 732 году выдачею замужъ собственной дочери хагана за византійскаго наслѣдника, а потомъ императора — Константина, давалъ возможность обратить все вниманіе на борьбу съ Аравитянами, стремившимися съ своей стороны утвердиться на Кавказѣ. Мы не будемъ перечи-слять всѣхъ кровавыхъ столкновеній по ту или другую сторону Дербентскаго прохода, чрезъ который то Хазары проникали въ Арменію, то мусульмане вторгались въ землю Хазарскую. Такъ это продолжалось при халифахъ Езидѣ, Гишамѣ и Абдул-мансурѣ. Въ 730 году войска халифа Гишама потерпѣли наи-

(стр. 11), гдѣ, однако, онъ самъ и Болгары представляются еще подданными хазарскаго хагана.

болѣе страшное пораженіе. Собственный сынъ хагана, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, прошелъ чрезъ Дербентъ, вторгнулся въ Адербайджанъ и разбилъ на голову спѣшившую ему на встрѣчу сильную мусульманскую армію. Предводитель ея Джаррахъ палъ въ битвѣ, а семейство его досталось въ руки побѣдителей. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Хазары опустошили Адербайджанъ и взяли Ардебиль; разъезды ихъ появились въ окрестностяхъ Мосула. Въ 737 году Мерванъ, дядя халифа Гишама, отправился со 100.000 войскомъ для наказанія Хазаръ и, дѣйствительно, нанесъ имъ несолько чувствительныхъ пораженій; арабскіе историки даже утверждаютъ, что въ 737 году Хазары принуждены были принять магометанскую вѣру, чтѣ однако или совсѣмъ невѣро, или же осталось однимъ обѣщаніемъ побѣженныхъ¹⁾). Арабскія извѣстія говорятъ о новомъ столкновеніи около 764 года, когда Хазары взяли Тифлісъ и опустошили Арменію. Современныи почти армянскій писатель 122 исторіи халифовъ повѣствуетъ, что война открылась по слѣдующему поводу: назначенный халифомъ правитель Арmenii Езидъ отправилъ депутацию къ царю сѣвера, котораго звали Хаганомъ, съ цѣлью породниться съ нимъ, чтобы чрезъ то соблюсти миръ съ нимъ и съ войсками хазарскими. Царь хазарскій согласился выдать за него дочь свою Хатунъ и вмѣстѣ съ нею отправилъ большое число слугъ, служанокъ и рабынь. Но Хатунъ чрезъ несолько времени умерла, и этимъ нарушилось мирное согласіе между ними, потому что смерть ея приписали коварству. Собравъ сильное войско, Хаганъ поручилъ его полководцу своему Ражу-Тархану изъ поколѣнія Хатирлитбера и отправилъ на страну, находившуюся подъ управлениемъ Езida, то есть, Арменію. Разсыпавшись по сѣверной сторонѣ рѣки Куры, Хазары овладѣли областями агванскими, покорили семь областей царства грузинскаго и, набравъ много добычи и плѣнныхъ, возвратились въ жилища свои²⁾.

Наконецъ, особенное значеніе имѣть для насъ закавказскій походъ Хазаръ, совершившійся въ 799 году. Если бы

1) В. В. Григорьевъ, Обз. полит. исторіи Хазаровъ, въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 54—57; D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 54—66.

2) Исторія халифовъ Гевонда въ переводѣ К. П. Патканова, стр. 92.

можно было признать вѣрнымъ указаніе, находимое нами у Вейля, что этому походу предшествовало убіеніе царствовавшаго доселѣ хазарскаго хагана, то мы могли бы на этомъ точно опредѣленномъ хронологически фактѣ основать весьма важные выводы, прямо касающіеся нашей темы. Къ сожалѣнію, мы всего скорѣе должны предполагать ошибку, какъ это обнаруживается изъ слѣдующихъ строкъ, подлинно принадлежащихъ арабскимъ историкамъ¹⁾. Подъ 182 (798) годомъ у Ибн-ал-Асира читается:

123 «Въ этомъ году была отправлена къ ал-Фадлу Ибн-Яхъя (Бармехиду, визирю халифа) дочь Хагана, царя Хазарь, но она умерла въ Бердаа, и сопровождавшіе ее вернулись къ ея отцу и рассказали ему, что она была умерщвлена измѣннически. Вслѣдствіе того онъ сталъ готовиться къ походу противъ мусульманскихъ странъ».

А подъ 183 годомъ гиждры (799 г.) продолжается начатый разсказъ въ такомъ видѣ:

«Въ этомъ году выступили Хазары изъ-за дочери Хагана изъ Баб-ал-абваба (Дербента), произвели нападеніе на мусульманъ и ихъ союзниковъ, взяли въ плѣнь болѣе 100,000 человѣкъ и произвели страшный переполохъ, о подобіи котораго никогда не слыхивали на землѣ. Тогда ал-Рашидъ назначилъ Язида, сына Мазъяда, правителемъ Арmenіи сверхъ Адербайджана (которымъ онъ ужъ управлялъ), и назначилъ Хузеймана, сына Ха-

1) За сообщеніе намъ выписокъ изъ двухъ печатныхъ арабскихъ историковъ и одного рукописнаго мы приносимъ глубокую благодарность барону В. Р. Розену. Поводъ, по которому мы обратились къ его неизмѣнной любезности и готовности помочь другимъ своими специальными знаніями, заключался въ словахъ Вейля, *Gesch. der Chalifen*, II, 158, примѣч. 1: «Nach Andern ward der Chakan von einem Araber erschlagen, der den Tod seines Vaters rächen wollte, den der Statthalter von Armenien hinrichten liess». Такъ какъ и въ Житіи Иоанна Готскаго, дѣйствовавшаго въ концѣ VIII вѣка, говорится о смерти хагана хазарскаго, за которую вскорѣ послѣдовала и кончина преподобнаго, то, очевидно, для настъ важно было провѣрить степень достовѣрности тѣхъ другихъ источниковъ арабскихъ, которые причиной похода Хазарь считали не смерть дочери, а убийство самого хагана. Вейль ссылается на Ибн-ал-Асира, Ибн-Халдуна и Яфен. Имѣя теперь предъ глазами этихъ писателей, внимательный читатель увидѣть, что ни одинъ изъ нихъ не говорить о смерти хагана, и что показаніе «другихъ» находится у того же самаго Ибн-ал-Асира только нѣсколько въ другомъ видѣ. Подчеркнутыя нами въ разсказѣ Ибн-ал-Асира слова, повидимому, объясняютъ ошибку Вейля.

зима, въ Нисибинъ, въ помощь жителямъ Арменії. Другіе говорять, что причиною выступленія Хазаръ было то, что Сайдъ Ибн-Сальмъ убилъ ал-Мунедждима ас-Сулами, вслѣдствіе чего его сынъ ушелъ къ Хазарамъ и побудилъ ихъ къ войнѣ съ Сайдомъ. Тогда они выступили и ворвались въ Арmenію чрезъ проходъ. Сайдъ былъ обращенъ въ бѣгство, а они (Хазары) оставались (въ Арmenіи) около 70 дней. Тогда ал-Рашидъ отправилъ противъ нихъ Хуэйму, сына Хазима, и Язида, сына Мазъяда, и они оба исправили то, чтò испортилъ Сайдъ, выгнали Хазаръ и укрѣпили проходъ».

Разказъ Ибн-Халдуна ничѣмъ не разнится отъ сейчасъ приведеннаго. Даже ал-Яфеи, располагавшій въ иныхъ случаяхъ своими особыми источниками, здѣсь нисколько не расходится съ Ибн-ал-Асиромъ: «Въ этомъ (183) году выступили враги божіи, Хазары. Дѣло въ томъ, что за Суб-тъ (или С-бу-тъ: чтеніе по неразборчивости рукописи весьма сомнительно), дочь Хагана, царя тюркскаго, сватался визирь ал-Фади-Яхъя-Бармекидъ, и она къ нему была отправлена въ 182 году; но она умерла въ дорогѣ, и бывшія съ нею войска вернулись и сказали Хагану, что она была измѣннически убита. Тогда онъ сильно разсердился и собрался на войну. И выступилъ онъ со своими войсками чрезъ Желѣзные ворота и напалъ на мусульманъ и ихъ союзниковъ: убивалъ, безчинствовалъ; число полоненныхъ 124 имъ дошло до 100,000 человѣкъ, и бѣдствіе мусульманъ было очень велико. — — Гарунъ-ал-Рашидъ испугался и былъ этимъ сильно озабоченъ. И отправилъ онъ войска, и собрались мусульмане и выгнали врага изъ Арmenіи; затѣмъ укрѣпили ворота, чрезъ которые онъ ворвался».

Предоставляя другимъ решать вопросъ, откуда происходитъ сходство армянского рассказа о судьбѣ дочери хазарского хагана, выданной за армянского намѣстника, съ повѣствованіемъ арабскимъ о такой же судьбѣ другой хазарской княжны, жившей нѣсколько позднѣе, мы должны удовольствоваться тѣмъ отрицательнымъ результатомъ, что хаганъ, который упоминается въ Житіи Іоанна Готскаго, не былъ убитъ какимъ-то Арабомъ около 799 года.

О положеніи христіанскаго населенія, находившагося подъ

властію Хазаръ, помимо другихъ отдаленныхъ фактовъ и извѣстій, мы можемъ судить на основаніи любопытнаго разсказа объ одномъ обратившемся въ христіанство мусульманѣ¹⁾). Мы разумѣемъ грузинскаго мученика Або, котораго судьба тѣмъ болѣе для наась интересна, что онъ провелъ нѣкоторое время именно въ Крыму и былъ современникомъ Иоанна Готскаго, тоже имѣвшаго отношеніе къ Грузіи.

Въ то время какъ поклонники Магомета простили свое владычество до предѣловъ Персіи, и вся Грузія стенала подъ тяжкимъ игомъ мусульманъ, эриставъ Карталинскій, по имени Нерсесъ, по доносу злыхъ людей былъ вытребованъ въ землю вавилонскую. Заключенный въ темницу эмир-ал-мумининомъ Абдаллою, онъ былъ освобожденъ по смерти гонителя его сыномъ <?> и наследникомъ Махдіемъ.

Во время пребыванія въ Багдадѣ (Вавилонѣ) грузинскій князь познакомился съ восьмнадцатилѣтнимъ юношою свободнаго сословія, по имени Або. Онъ исповѣдовавъ магометанскую вѣру, былъ большими знатокомъ магометанскихъ книгъ и въ то же время искуснымъ составителемъ благовонныхъ мастей. Оставилъ отца и мать, Або послѣдовалъ за Нерсесомъ въ Карталинію, научился грузинскому языку, сталъ посещать храмъ Божій и отрекся отъ Магомета. До времени онъ не объявлялъ себя христіаниномъ, но искалъ удобнаго мѣста, где бы принять святое крещеніе, потому что боялся магометанъ, которые снова возстали на Нерсеса и принудили его удалиться изъ Карталиніи...

Господь однако сохранилъ Карталинскаго эристава отъ 125 руки враговъ. Нерсесъ благополучно пропелъ врата Осетіи, называемыя Дарі-эль, съ тремя стами человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и благочестивый Або. Но, боясь преслѣдованія, Нерсесъ не остался въ землѣ осетинской, а направилъ свой путь въ сѣверную страну, где жили Хазары, народъ дикій и свирѣпый, употреблявшій въ пищу кровь и не имѣвшій никакой религії, хотя признававшій бытіе одного

1) М. Сабининъ, Полное жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви, I, стр. 166 сл.; Brosset, Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie, p. 133 sqq.

Бога¹⁾. Царь хазарскій принялъ Нерсеса, какъ странника и преслѣдуемаго врагами; напиталъ его и его спутниковъ и снабдилъ одеждою. Блаженный Або, увидѣвъ себя въ безопасности отъ магометанъ, поспѣшилъ принять крещеніе отъ благочестиваго іерея. Въ этой странѣ, благодаря дѣйствію св. Духа, были города, въ которыхъ христіане безбоязненно служили Христу: повидимому, эти слова относятся именно къ Таврическому полуострову, который въ нѣкоторыхъ грузинскихъ источникахъ прямо названъ мѣстомъ убѣжища Нерсеса²⁾. По прошествіи нѣкотораго времени Нерсесъ просилъ хазарскаго царя отпустить его въ Абхазію, куда онъ отправилъ мать, жену и дѣтей своихъ, такъ какъ земля абхазская была совершенно безопасна отъ магометанъ. Получивъ позволеніе и отправившись въ путь, Нерсесъ чрезъ три мѣсяца вступилъ въ предѣлы абхазскаго владѣтеля. Або, прославившійся уже святою жизнью, былъ также принятъ благосклонно какъ мѣстнымъ епископомъ, такъ и самимъ княземъ. Между тѣмъ племянникъ Нерсеса, получившій послѣ удаленія его еще въ 786 году фирмантъ на управление Карталиніей, выхлопоталъ теперь для своего дяди позволеніе воротиться на родину. Не смотря на всѣ предостереженія, Або послѣдовалъ за своимъ покровителемъ въ Грузію, въ которой, какъ природный магометанинъ, долженъ былъ ожидать злаго гоненія со стороны Сарацинъ, владѣвшихъ страною. Однако, цѣлые три года Або провелъ въ Тифлісѣ никѣмъ не тревожимый, и только тогда на него обратили вниманіе. Послѣ двукратнаго тюремнаго заключенія онъ былъ приговоренъ къ смерти, и предъ церковью 40 мучениковъ ему отрубили голову. Событие относится къ 790 году по Р. Хр. и къ десятому послѣ воцаренія Константина.

126

1) Brosset, op. c. p. 183 sq.: «Il arriva dans le pays du Nord, où demeurent et campent les fils de Magog, c'est à dire les Khazars, gens sauvages, d'aspect terrible, de caractère féroce, buveurs de sang, peuple sans religion, si ce n'est qu'il connaît un Dieu créateur».

2) Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 262.

4.

Житіе Іоанна Готськаго.

1. Преподобный отецъ нашъ Іоанъ былъ епископомъ Готії при императорахъ Константинѣ и Львѣ. Онъ происходилъ изъ расположенной на той сторонѣ земли Тавроскиевъ, подчиненной власти Готовъ, именно изъ торжища, называемаго Пареениты, и былъ сыномъ Льва и Фотины. Отецъ этого Льва, родомъ изъ такъ называемаго Вона, лежащаго въ Полемоніевомъ Понтѣ, былъ кандофоромъ въ области (темѣ) Арменіаковъ. Сей преподобный Іоанъ, подобно Іеремії и Самуилу, изъ дѣтства вполнѣ былъ посвященъ Богу, потому что Фотина, мать преподобнаго, молила Бога, чтобъ онъ далъ ей плодъ, который она могла бы посвятить на служеніе Господу, и послѣ этого понесла во чревѣ. Родившись и возросши, онъ выбралъ себѣ жизнь подвижническую съ самой почти колыбели, словомъ и дѣломъ совершивъ всякую добродѣтель.

При императорѣ Константинѣ тогдашній епископъ Готії, вызванный на собранный противъ святыхъ иконъ соборъ, склонился и подписалъ (то есть, постановленія иконоборческаго собора), и за то былъ поставленъ отъ царя митрополитомъ Фракійской Гераклеи.

2. Поэтому православные въ Готії, не принимая участія въ новшествахъ беззаконнаго собранія, но оставшись притомъ безъ пастыря, предложили въ пастыри сего преподобнаго. Онъ же, отправившись сначала во святой городъ, провелъ тамъ три года и, поклонившись всѣмъ святымъ мѣстамъ, означенованнымъ стопами божественными, воротился домой. Потомъ обитатели Готії послали его въ Грузію (Иверію) къ каѳолическому престолу (къ католикосу). Рукоположенный тамъ во епископа, онъ неприкосновенно сохранилъ догматы каѳолической церкви и правую вѣру. Онъ отправляеть съ діакономъ своимъ Лонгиномъ посланіе патріарху Іерусалимскому, чтобъ онъ созвалъ соборъ и прислалъ къ нему изложеніе вѣры. Тотъ исполнилъ это: собравъ изречения изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и всѣхъ избранныхъ отцовъ о святыхъ иконахъ, честныхъ мощахъ и заступленіи святыхъ,

они (то есть, члены собора) отослали это къ вышереченному преподобному.

3. Послѣ смерти императоровъ Константина и Льва и послѣ воцаренія Ирины и ея сына Ioаннъ послалъ этотъ самый свитокъ (тотъ) тогдашнему патріарху Павлу и, получивъ разрѣшеніе отъ августы Ирины, явился самъ въ царствующій градъ; здѣсь онъ всѣмъ говорилъ со свободой и дерзновеніемъ о принятіи святыхъ иконъ во святой каѳолической церкви и затѣмъ снова воротился восвояси. А святѣйшій патріархъ Павелъ, приближаясь къ кончинѣ и имѣя въ виду преподобнаго, удалился изъ патріархіи, сдѣлался монахомъ въ монастырѣ св. Богородицы Флора и заклиналь государыню отмѣнить заблужденіе.

4. Послѣ успенія блаженнаго патріарха Павла предложеній былъprotoасиクリтъ Тарасій, мужъ благочестивый и добродѣтельный, въ пользу котораго было и свидѣтельство Павла, чтобы быть ему патріархомъ. Но онъ не хотѣлъ взять на себя тяжести, пока цари не дадутъ ему обѣщанія устроить вышереченный соборъ. Когда же прибыли грамоты отъ четырехъ престоловъ и благочестивые мужи отъ лица патріарховъ, и когда собрались и епископы отовсюду (уже по рукоположенію блаженнаго Тарасія), то они сперва засѣдали въ церкви св. Апостоловъ, где и возвѣщали догматы православія; но толпа схола-ріевъ, пришедшая съ сѣкирами и дреколіями, разстроила оній (соборъ), нанеся оскорблениe и самому императорскому достоинству. Они потомъ были отправлены въ ссылку съ женами и дѣтьми, въ числѣ около шести тысячъ, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторые изъ еретическихъ епископовъ. Но съ наступленіемъ (удобнаго) времени тѣ же прежніе епископы и тѣ, которые заступали мѣсто апостольского престола (то есть, римскаго), опять сошлись въ Никеѣ и здѣсь изложили опредѣленіе православія.

5. А преподобный епископъ Ioаннъ, послѣ этого, вмѣстѣ съ своимъ народомъ (свою паствою) выданъ былъ властителямъ хазарскимъ, потому что онъ вошелъ въ соглашеніе (заговоръ) съ господиномъ Готіи и его властями и всѣмъ его народомъ, чтобы не владѣли страной ихъ вышесказанные Хазары. Ибо хаганъ пославши занять крѣпость ихъ, называемую Доросъ, и поставилъ въ ней вооруженныхъ стражей. Ихъ-то и выгналь-

преподобный вмѣстѣ съ своимъ народомъ и завладѣлъ также Елисурами (Клисурами). Итакъ, видя, что архіерей предалъ однимъ селеніемъ (?), они прибѣгли къ хагану, и онъ, хотя и оказалъ пощаду господину Готію, но семнадцать рабовъ ни въ чёмъ неповинныхъ казнилъ. А преподобный, заключенный подъ стражею, получилъ возможность спастись бѣгствомъ и переправился въ Амастриду, христолюбивый городъ. Когда онъ тамъ провелъ четыре года, онъ услышалъ о смерти хагана, и сказалъ тогда: «И я, братія мои, отхожу по истеченіи сорока дней судиться съ гонителемъ моимъ предъ Судією и Богомъ».

128 6. Такимъ образомъ въ сороковый день, уча слову Божію и наставляя всѣхъ въ дѣлахъ спасенія, онъ предалъ душу въ руки Божіи, согласно съ своимъ предсказаніемъ; и тотчасъ прибыль корабль его, и вложили его въ гробницу. Георгій, святѣйшій епископъ Амастрідскій, и весь городъ провожали его съ оіміамомъ и свѣчами до самаго корабля. Такимъ образомъ онъ переплылъ (море и прибыль) въ монастырь свой въ Парѳениахъ, называемый (монастыремъ) святыхъ Апостоловъ, и тамъ былъ погребенъ. Скорость его переѣзда представляеть нечто чудесное. Ибо онъ скончался 26-го дня іюня мѣсяца, 27-го пустился въ море, а 29-го, ко всенощной, достигъ святыхъ апостоловъ въ монастырѣ. Монастырь этотъ преподобный снабдилъ всякимъ благолѣпіемъ зданій и святыхъ сосудовъ и различныхъ книгъ и помѣстилъ въ немъ множество монаховъ.

Чудеса. 7. Сей преподобный мужъ, украшенный дарами вѣры и дѣйствія, прозрѣвалъ отдаленое и предсказывалъ будущее. Такъ, Лонгинъ, ученикъ его, возвращаясь изъ святаго града Іерусалима, захваченъ былъ Сарацинами и, уже вознесенный на крестъ, призвалъ на помощь заступленіе преподобнаго: и тогда явился ему во-очію св. отецъ, и тотчасъ протонотарій эмира, давъ пятьсотъ миліарисій, снялъ его (со креста) и освободилъ. И еще разъ онъ былъ захваченъ другими и снова обратился къ преподобному, моляся объ освобожденіи: и внезапно спали узы съ ногъ его, и онъ былъ спасенъ. Когда же ученики его (то есть, Иоанна) находились въ темницѣ, въ которой они были содержими Хазарами послѣ бѣгства его въ Романію, и когда они были взяты и представлены къ хагану, и

были приговорены имъ къ казни, то по молитвѣ святаго все-таки они освобождены были невредимыми, такъ какъ хаганъ сказалъ: «Они не имѣютъ вины». Въ тотъ самый часъ, когда они предстояли предъ хаганомъ, въ Амстердамѣ преподобный, совершивъ утренній канонъ и воздѣвъ руки, молился въ церкви до третьяго часу; при этомъ видѣли, что онъ висѣлъ на воздухѣ на одинъ локоть отъ земли. И когда приближенные спросили его, ради чего онъ продолжилъ молитву, то онъ отвѣчалъ: «Въ этой часъ, сынъ мой, наши братья предстали хагану, а благій и милосердный Богъ освободилъ ихъ отъ смерти».

8. Одинъ монахъ, по имени Василій, ученикъ преподобнаго, былъ смущаемъ искушениемъ оставить его и удалиться, но не рѣшался обнаружить помыслъ свой и такимъ образомъ получить свободу. Святой обличилъ его слѣдующимъ образомъ: 129 Святой находился въ торжищѣ Курасаитахъ и покоялся въ церкви, внутри которой было весьма много гробницъ. По ночамъ онъ вставалъ и молился, при чемъ разговаривалъ съ ними (то есть, мертвыми), какъ съ живыми: одинъ изъ учениковъ преподобнаго слышалъ, какъ мертвые отвѣчали своимъ голосомъ и собесѣдовали преподобному. И вотъ опять въ другую ночь преподобный сказалъ къ лежащимъ тамъ мертвѣцамъ: «Что же, братія, вы лежите и не говорите? Вотъ Василій, ученикъ мой, мертвъ, а говоритъ». Василій, который не спалъ, услышалъ это и понялъ, что его намѣренія были открыты богоносному отпу. Павъ къ ногамъ его, онъ возвѣстилъ все, чтѣ было у него на сердцѣ, и испросилъ въ этомъ прощеніе.

9. Когда преподобный сидѣлъ подъ стражею въ Фуллахъ, то господинъ этихъ самыхъ Фуллъ пришелъ къ нему и повергъ къ ногамъ его отроча свое, покрытое ранами отъ головы до ногъ, такъ что не видно было на немъ образа человѣческаго. Но когда (святой) назнаменовалъ его и окрестилъ и принялъ на свои руки, то отрокъ тотчасъ очистился. — Другой человѣкъ несправедливо укорялъ преподобнаго, какъ виновнаго въ томъ, что крѣпость Готіи предана была хагану (?), и что при этомъ невинно нѣкоторые умерли; когда онъ поднималъ во гнѣвѣ ногу свою, чтобы сѣсть на коня, то упалъ навзничь и испустилъ духъ. — Два человѣкассорились между собою изъ-за вина, на-

ходившагося въ бочкѣ, и не захотѣли примириться, не смотря на посредничество преподобнаго; когда они ушли, то нашли вино сгустившимся въ бочкѣ, такъ что они вырѣзывали его какъ сырь и выбросили вонъ.

10. Премного и другихъ чудесъ сотворилъ преподобный, о которыхъ жители той страны открыто всѣмъ рассказываютъ, приводя слушателей къ сокрушенню и къ обращенню къ Богу. Посему, отче святый и богодохновенный, православныя вѣры свѣтлый вѣстникъ и хранитель божественныхъ и святыхъ догматовъ, вспомни и о насъ недостойныхъ и грѣшныхъ. Хотя въ дѣлѣ божественной и пламенной ревности мы много отстали отъ твоего благочестія, но твоимъ заступленіемъ подкрѣпи насъ, чтобы мы избавились отъ губительного сообщества свято-сжигателей и нечистыхъ еретиковъ и достигли вмѣсть съ тобою вѣчной жизни. Ибо благословено есть и прославлено все-святое имя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объясненія къ тексту Житія Іоанна Готскаго.

Глава первая. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ самомъ началѣ Житія о происхожденіи епископа Іоанна, не лишены интереса и значенія. Подобно первымъ проповѣдникамъ христіанства среди (Крымскихъ) Готовъ, подобно знаменитому Вульфилью, Готскій епископъ VIII вѣка вель свой родъ съ противолежащаго берега Чернаго моря. Его родословная служить новымъ доказательствомъ тѣсныхъ и непрерывныхъ связей между обоими берегами Понта. Въ началѣ VIII вѣка одинъ Грекъ съ византійского поморья, покончивъ свою службу въ мѣстномъ ополченіи, переселился на южный берегъ Крыма и основалъ себѣ мѣстопребываніе въ одномъ торговомъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ къ готской территории. Во второмъ поколѣніи внукъ его, нашъ Іоаннъ, является уже въ роли не только духовнаго вождя Готовъ, но даже предводителемъ ихъ въ борьбѣ за народную независимость, патріотическимъ и какъ бы национальнымъ дѣятелемъ, чѣмъ заставляетъ предполагать полное сближеніе съ его стороны

съ туземнымъ населеніемъ, то есть, вѣроятно, усвоеніе того языка, на которомъ здѣсь не только говорили въ общежитіи, но все еще читали и Священное Писаніе.

Οὗτος ὁ δοῦλος πατήρ ἡμῶν Ιωάννης ἐπίσκοπος ἦν Γοτθίας ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, ὄρμώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκυθῶν γῆς, τῆς ὑπὸ τὴν χῶραν τῶν Γότθων τελούστης, ἐμπορίου λεγομένου Παρθενιτῶν, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς υἱὸς γεγονὼς, οὐτινος Λέοντος ὁ πατήρ ἐκ τοῦ λεγομένου Βονοστοῦ κατὰ τὸ Πολεμώνιον τοῦ Πόντου κειμένου ὑπῆρχε, καὶ ἐν τῷ θέματι τῶν Ἀρμενιακῶν κανδοφόρος γενόμενος.

Дѣдъ Иоанна жилъ въ провинції, которая въ Житіи названа и древнимъ своимъ именемъ, и средневѣковымъ византійскимъ. Полемоніевъ Понтъ въ первый вѣкъ Римской имперіи представлялъ область отъ рѣки Фермодонта до города Китеора (Сутоегут) и, кромѣ приморского города Полемонія (иначе Сиды), заключалъ въ себѣ территоріи внутреннихъ городовъ: Зилы, Новой Кесаріи и Севастіи (Мегалополя); свое название провинція получила отъ того самаго Полемона, который получилъ отъ Антонія и Августа, сверхъ всѣхъ другихъ щедротъ, и Босфоръ Киммерійскій. Во время Юстиніана, какъ видно изъ 28-й новеллы, къ Полемоніеву Понту причислялись города Неокесарія (теперь мѣстечко Никсарь), Комана (Κόμανα), Трапезунтъ, Керасунтъ и Полемоній; сверхъ того, сюда же относились укрѣпленія Питунтъ-Пицунда и Севастополь-Зила; Амасія, Амисъ, 131 Синопъ, Евхайта и другіе составляли Еленопонтъ. Но Юстиніантъ соединилъ обѣ провинціи въ одну подъ общимъ именемъ Еленопонта, такъ какъ имя Полемона, «одного изъ многихъ (?) тирановъ на Понтѣ», не заключало въ себѣ ничего почтеннаго. Тема Арменіаковъ, упоминаемая въ первый разъ у Θεοφανα подъ 6159 годомъ, образовалась изъ такъ-называемой Третьей Каппадокіи и заключала семь городовъ: Амасію, Ивору, Залихъ, Андралу, Аминсъ, Неокесарію и Синопъ; свое название получила ради сосѣдства съ Арменіей (см. Constant. Porphyrog. de themat. p. 17—21). Хотя здѣсь городъ Полемоній уже не упомянутъ, но неѣть сомнѣнія, что его территорія входила въ тему Арменіаковъ; а такъ какъ и до сихъ поръ существуютъ остатки его въ мѣстечкѣ Поламана (см. Τριανταφυλλίδου Τὰ Ποντικά,

р. 139), то и самый городъ, хотя утративъ свое значеніе, все еще былъ на лицо въ византійскія времена¹⁾). Можно предположить, что именно онъ самъ, а не провинція, и разумѣется въ вышеприведенномъ отрывкѣ Житія, чтѣ будеть вполнѣ соотвѣтствовать дальнѣйшимъ указаніямъ. Въ Житіи названо также и мѣстечко, откуда вела свой родъ фамилія; однако мы нигдѣ, не только около города Полемонія, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, не найдемъ слѣдовъ этого мѣстечка, если только не рѣшимся сдѣлать поправку въ текстѣ, представляющуюся, впрочемъ, необходи-
димою и съ грамматической точки зрењія. Въ изданіи болланди-
стовъ читается: ἐκ τοῦ λεγομένου Βοοστοῦ, κατὰ τὸ Πολεμόνιον
τοῦ Πόντου κειμένου. Предполагаемъ, что читать слѣдуетъ: ἐκ τοῦ
λεγομένου Β(ο)ῶνος τοῦ κατὰ τὸ Πολεμόνιον τ. П. κειμένου. «Изъ
Воона, лежащаго въ Полемоніевой области Понта».

Βοῶν, родит. Βοῶνος, — мысъ, а также и мѣстечко (*χωρίον*), съ удобною пристанью, лучшою послѣ Синопа, называется теперь Вона (по греч. *Βῶνα*, *Vona*) и обозначается на всѣхъ картахъ Малой Азіи. Древній Полемоній, теперешній Поламана, находится въ непосредственной близости съ этою пристанью²⁾.

132 Въ своей области (темѣ) дѣдъ Иоанна служилъ, нужно думать, копьеносцемъ. Слово *καυδοφόρος*, стоящее въ текстѣ, затрудняло издателей Житія и, какъ видно изъ комментарія въ *Acta Sanctorum*, вызвало не мало толкованій и попытокъ исправленія, отчасти довольно странныхъ (*καυδοφόρος* отъ *canda*, хвостъ и т. д.). Наиболѣе подходитъ къ дѣлу предложеніе читать *κοντοφόρος* (копьеносецъ), хотя и оно должно быть признано только удачнымъ объясненіемъ, а вовсе не необходимымъ исправленіемъ текста. Какъ мы теперь видимъ, то же самое слово оказывается въ новеллѣ Иоанна Цимисхія (972—975 гг.): εἰ τις ἐκ τῶν στρατιωτῶν δρουγγάριος εἴτε καυδοφόρος εἴτε κόμης —

1) Подъ актами собора 787 года подписывался епископъ Полемонія (*τοῦ Πολεμονίου*). Ср. Texier, Asie Mineure, p. 619: Le Fleuve Balama ou Pulemon-chai marque la place de l'ancienne Polémion...; le petit village de Pulémon offre encore les restes d'une église octogone et de quelques épaisse murailles.

2) Arrian i Peripl., § 23 (Geogr. gr. min., I, p. 390 Mull.): Ἀπὸ δὲ Κιλίκων νήσου (Хойратъ-Келессы) εἰς Βῶνα πέντε καὶ ἑβδομήκοντα ἐν Βῶνι δρμοῖς ναυσί. Αποπομ. Peripl., § 32 (ibid., p. 409): Ἀπὸ δὲ τοῦ Γενῆτου ποταμοῦ εἰς Βῶνα ἀκροτήριον καὶ χωρίον.... Ἀπὸ δὲ Βῶνος εἰς Κοτύωρον στάδια 90. Мысъ впрочемъ у Страбона называется Генѣтс, какъ рѣка у Анонима. Ср. Триантафули. l. 1.

διαπωλήσει φυχάρια <Zachariae a Lingenthal, Jus Gr.-Rom., III, p. 302>. Здесь также безъ всякой нужды Дюканжъ предлагалъ чтеніе βανδοφόρος. Κανδοφόρος, конечно, то же, что и κονδοφόρος; слѣдовательно — «копьеносецъ». Новогреч. κονδάρη = κοντάριον; у Маврикія L. III, сар. 14, р. 100 Scheffer. κονδάριον.

Мы полагаемъ, что уже дѣдъ Иоанна переселился по окончаніи своей военной — не особенно блестящей — службы въ Тавриду. Левъ, отецъ Иоанна и сынъ «копьеносца» темы Арменіаковъ, является въ Житіи уже осѣдлымъ жителемъ Готіи. Такъ какъ не сказано, чтобы побужденіемъ къ переселенію фамиліи служила ревность по святымъ иконамъ (что никакъ не было бъ опущено, еслибы дѣйствительность или хронологія допускали такое объясненіе), то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что переселеніе совершилось ранѣе начала иконоборства (726 г.). Торговое мѣсто (ἐμπόριον τῶν Παρθενίτῶν), «торжище Парѳениты» (во множ.), безъ всякаго сомнѣнія, есть нынѣшній Партенитъ, на южномъ берегу Крыма, при подошвѣ горы Аюдага¹⁾. Здѣсь, какъ увидимъ далѣе, въ недавнее время найдены любопытные и драгоценныя памятники, сохранившіе слѣды дѣтальности Иоанна. На картѣ Едризи (XII в.) Bertabit (на берегу Чернаго моря) стоитъ тамъ, где находился Парѳенитъ и находится Партенитъ. Въ концѣ XIV вѣка Парѳенита (ἡ Παρθενίτα), вмѣстѣ съ со-сѣдними селеніями: Лампадомъ (отъ того общее для обоихъ названіе «Лампадопарѳенита»), Алустою, Сикитою (теперь Никита), Фуною и Аланіей составляли предметъ спора между двумя со-сѣдними епархіями Херсона и Готіи²⁾. Не извѣстно и даже загадочно, какими основаніями и доводами митрополитъ Херсонскій убѣдилъ патріарха и его синодъ, что Парѳенита издревле 133 принадлежала къ епархіи Херсона, а не Готіи, и что только ближайшіе предшественники патріарха Нила отобрали ее вмѣстѣ съ другими приходами у Херсонской каѳедры въ пользу Готской.

Область, въ которой лежала Парѳенита, названа въ Житіи землею, во-первыхъ, «Заморскою», или лежащею на другомъ берегу, что указывается на мѣсто, откуда смотрѣть авторъ Житія

1) См. Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 75. 166—168. 172. 183.

2) Miklosich et Müller, Acta patriarchatus Constantinop., № 367 отъ 1384 г. (т. II, р. 67), и № 419 отъ 1390 года (р. 150).

(см. ниже), и вовторыхъ, землею Тавроскиоовъ, находящеюся подъ властію Готовъ. Вмѣсто *ὑπὸ τὴν χῶραν* слѣдуетъ читать *ὑπὸ τὴν ἑξουσίαν*, какъ это и стоитъ въ синаксаряхъ, приведенныхыхъ въ *Acta Sanctorum*, *или* *ὑπὸ τὴν χεῖραν*, т. е., *ὑπὸ τὴν χεῖρα*. Но все-таки нужно замѣтить, что употреблено здѣсь название Тавроскиоовъ не совсѣмъ обычнымъ образомъ. Тавроскиоы встрѣчаются прежде всего, то-есть, около 140 года по Р. Х., у Птолемея (*I. III*, с. 5, § 11, р. 431 *Müll.*), но какъ обитатели окрестностей извѣстнаго Ахиллова Дрома, по имени котораго и древніе Руссы, по греческой ученой терминологіи также Тавроскиоы, именовались еще Дромитами: *Παρὰ μὲν τὴν Βύξην λίμνην Τορεχκάδαι, παρὰ δὲ τὸν Ἀχιλλέως δρόμον οἱ Ταυροσκύθαι*. Затѣмъ о Тавроскиоахъ два раза упоминаетъ писатель IV вѣка Юлій Капитолинъ, въ первый разъ—рассказывая о событияхъ другой половины II столѣтія, и второй разъ — о фактахъ, относящихся къ 260 году по Р. Х. Во-первыхъ, императоръ Антонінъ Пій посыпалъ городу Ольвії помошь противъ Тавроскиоовъ и при-нудилъ послѣднихъ дать заложниковъ греческой общинѣ, покровительствуемой Римлянами: *Olbiopolitis contra Tauroscythes in Pontum auxilia misit et Tauroscythes usque ad dandos Olbiopolitis obsides viceit (Script. Histor. Aug., III, Anton. Pius, cap. 9)*. Судя по этому, Тавроскиоы были сосѣдями Ольвіи, и, слѣдовательно, жили все еще тамъ, гдѣ зналъ ихъ Птолемей. Во-вторыхъ, въ біографіи несчастнаго императора Валеріана (*ibid.*, XXII, сар. 4) говорится, что Тавроскиоы, подобно другимъ сосѣднимъ племенамъ, не приняли писемъ новоперсидскаго царя Сапора, которыми онъ извѣщалъ ихъ о взятіи въ плѣнъ римскаго императора, а, напротивъ, изъявляли готовность прислать помошь для освобожденія плѣннаго цезаря: *Bactrani et Hiberi et Albani et Tauroscythaes Saporis litteras non receperunt* и т. д. Отсюда нельзя дѣлать никакихъ заключеній о мѣстопребываніи Тавроскиоовъ; но весьма вѣроятно, что Капитолинъ говорить здѣсь о томъ же самомъ народѣ, о которомъ была рѣчь въ біографіи Антоніна. Прокопій также употребляетъ выраженіе «Тавро-
134 скіоы», но въ такой неопределеннай связи, что трудно сказать, гдѣ именно онъ представлялъ мѣсто нахожденія народа съ такимъ названіемъ; онъ выражается, что города Херсонъ и Во-

споръ лежать за Таврами и Тавроскиеами (*De aedific.*, III, р. 261). За то позднейшій сократитель Страбоновой географії, составившій свое извлеченіе уже въ концѣ X вѣка, называется (VII, 23) Тавроскиеіей (ἢ Ταυροσκιθία χερονησί-ζουσα) особый полуостровъ, лежащій между устьями р. Днѣпра и Каркинитскимъ заливомъ и именуемый въ южной своей береговой части Ахилловымъ дромомъ (*Geographi gr. min.*, II, р. 569), подъ которымъ, повидимому, разумѣется Тендрская коса. Такъ или иначе, три писателя, указанія которыхъ въ данномъ случаѣ отличаются большою положительностью, совершенно согласно опредѣляютъ мѣстожительство Тавроскиеовъ въ Крымского полуострова, по направленію къ Днѣпру. По самому смыслу своему двойное имя, даваемое народу или народцу, имѣвшему, однако, совершенно отдѣльную индивидуальную личность, заключаетъ въ себѣ прямой намекъ на соединеніе двухъ племенныхъ элементовъ, перешедшихъ, быть можетъ, вслѣдствіе сосѣдства, то есть — именно Тавровъ, древнихъ обитателей Крымского полуострова, и отличаемыхъ всегда отъ нихъ Скиеовъ, что вполнѣ соответствовало бы и географической природѣ вещей. Никакого указанія на гору Тавръ или же на жительство въ Тавридѣ названіе Тавроскиеовъ въ себѣ не содержитъ. Замѣчаемъ это потому, что уже встрѣчаются разныя лжетолкованія относительно значенія слова Тавроскиеы въ приложеніи его къ Русскимъ. У византійскихъ писателей Русскіе называются Тавроскиеами постоянно со времени Льва Діакона. Но въ этомъ вовсе не содержится какого-либо таинственного значенія и какого-нибудь указанія на старыя родственныя связи съ болгарскими или какими другими племенами, а просто выражается фактъ географической преемственности: Русскіе называются Тавроскиеами потому, что они занимали территорію древнихъ Тавроскиеовъ, точно такъ, какъ сначала Готы, потомъ Славяне, потомъ Печенѣги, потомъ Половцы — назывались поперемѣнно Скиеами, когда занимали жилища древнихъ Скиеовъ. Названіе Русскихъ Дромитами еще болѣе поясняетъ дѣло: они назывались Дромитами отъ мѣстожительства на Ахилловомъ бѣгѣ, который составляетъ часть Тавроскиеіи (по эпитетатору Страбона). — Въ нашемъ Житіи земля Тавроскиеская

находится на южномъ берегу Крыма, и нужно прибавить, что это не единственный случай въ литературѣ того рода, къ которому принадлежитъ нашъ памятникъ. Въ греческомъ краткомъ 155 Житіи херсонскихъ мучениковъ, въ болѣе древней редакції (см. Житія св. епископовъ Херс., изд. В. В. Латышевымъ, въ Зап. Имп. Акад. Н. по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 3, стр. 63, 18 слл. Ср. тамъ же стр. 5 и 23—30) говорится, что патріархъ Эрмонъ отправилъ проповѣдниковъ въ страну Тавроскиоевъ, именно: Ефрема — въ Скиою, а Василея — въ Херсонъ. Здѣсь еще большая странность: земля Тавроскиоевъ кажется болѣе общимъ названіемъ, чѣмъ Скиоія (замѣненная въ мѣсяцесловѣ Василія Турціей: εἰς Τουρκίαν). Не разумѣлась ли подъ Скиоіей Готія южнаго берега Крыма? Во всякомъ случаѣ Тавроскиои явлюются здѣсь на южномъ берегу Крыма либо по недоразумѣнію, вслѣдствіе смѣщенія съ Скио-таврами, чтѣ у хорошихъ древнихъ писателей не одно и то же географически съ Тавроскиоами, — либо вслѣдствіе другихъ какихъ-либо непонятныхъ причинъ.

Глава вторая. Житіе говоритъ, что неизвѣстный намъ по имени предшественникъ Иоанна¹⁾ участвовалъ въ иконоборческомъ соборѣ 754 года по приглашенію, очевидно — императора, и что вмѣстѣ съ другими онъ подписалъ отмѣну иконопочитанія, за чтѣ и возведенъ былъ въ санъ митрополита Гераклеи Фракійской: Ἡράκλειας τῆς Θράχης μητροπολίτης ὑπὸ τοῦ βασιλέως κατέστη. Но, какъ мы уже знаемъ изъ Житія Стефана Нового, власть Константина Копронима, который, по характеристическому выраженію Житія, «ставилъ» самъ епископовъ, не была на столько сильна въ Крыму, и особенно въ Готіи, чтобы заставить и тамъ уважать рѣшенія собора 754 года.

«Православные Готіи не хотѣли участвовать въ новшествѣ беззаконнаго собора» (ὅδεν οἱ τῆς Γοτθίας ὄρθόδοξοι μὴ κοινω-

1) Въ 787 году, какъ видно изъ подписей подъ соборными актами, митрополитомъ Гераклеи Фракійской былъ Левъ: то ли это лицо, о которомъ идетъ рѣчь въ Житіи, сказать положительно нельзя. Совершенно не понятно, откуда нѣкоторые ученые (например, Nefele, Conciliengeschichte, III, 429, Zweite Aufl. 1877 г.) почерпаютъ совершенно ложное извѣстіе, что нашъ Иоаннъ былъ самъ на иконоборческомъ соборѣ и только послѣ отрекся отъ его лжеученій.

уоūутес тѣ хакнотоміа тїс ἀθέσμои синόбоу); на будущее время ихъ область остается убѣжищемъ для ревностныхъ почитателей иконъ, гонимыхъ въ имперіи или же не могшихъ примириться съ новыми порядками въ церкви. Теперь же, вѣроятно — вскорѣ послѣ иконоборческаго собора, слѣдовательно, около 755 года, они выбрали себѣ въ пастыри Иоанна; но Иоаннъ сначала отправился во святой городъ, то есть, Иерусалимъ, провелъ въ Палестинѣ три года и только по возвращеніи оттуда, то есть, приблизительно въ 758 или 760 году, былъ отправленъ въ Иверію или Грузію для посвященія. Объ этомъ фактѣ посвященія Готскаго епи-¹³⁶ скопа «католикосомъ» Грузія сохранилась память въ самой Грузинской церкви съ нѣкоторыми особыми подробностями.

Въ Житіи знаменитаго основателя Иверской обители на Аеонѣ, просвѣтителя всей Грузіи, св. Георгія Святогорца, написанномъ его ученикомъ Григоріемъ въ XI вѣкѣ, приводится рѣчь св. Георгія къ Антіохійскому патріарху Феодосію въ отвѣтъ на разныя обвиненія противъ грузинской церкви и въ опроверженіе властолюбивыхъ притязаній, направленныхъ къ уничтоженію ея самостоятельности. Георгій говорилъ, между прочимъ: «Знай, владыко, что было время, когда во всей Греціи до такой степени поколеблено было православіе, что трудно было указать на какую-нибудь ея церковную область, чтобы въ ней исповѣдуемо было чисто апостольское православіе, между тѣмъ какъ въ то время — наша страна твердо хранила — переданное ей апостолами сокровище православнаго исповѣданія. Въ то трудное время не было почти православнаго храма въ греческихъ областяхъ для рукоположенія во епископа Готскаго св. Иоанна; поэтому его рукоположили у насъ въ нашемъ патріаршемъ (?) храмѣ животворящаго и мироточиваго столба Мцхетскаго, и затѣмъ онъ посланъ былъ на каѳедру Готскую, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и нашъ, и вашъ большой синаксарь»¹⁾. Итакъ, въ сущности грузинская свѣдѣнія объ Иоаннѣ Готскомъ ведутъ свое начало отъ того же греческаго Житія, которымъ мы теперь занимаемся, и сокращенiemъ котораго являются все синаксари.

1) М. Сабининъ, Полн. жизнеописаніе святыхъ Грузинской церкви, II, 190.

Но тѣмъ не менѣе частное указаніе касательно мѣста назначенія не подлежитъ устраниенію, а принадлежитъ скорѣе къ ряряду тѣхъ подробностей, которыя разумѣются сами собою. Хотя древняя столица Грузіи, городъ Мцхеть (теперь небольшое селеніе въ 22-хъ верстахъ отъ Тифліса, при слияніи Куры и Арагвы), уже въ V вѣкѣ уступилъ свое значеніе Тифлісу, все-таки прежній мцхетскій храмъ св. Миріана съ животворящимъ столбомъ, основанный еще св. Ниною, переименованный, впрочемъ, въ честь Двѣнадцати Апостоловъ, оставался первою святынею Грузіи. При учрежденіи въ Грузіи независимаго (отъ Антіохійскаго патріарха) католикосата царемъ Вахтангомъ около 488 года, эта церковь была сдѣлана каѳедральнымъ храмомъ католикоса Петра, и такъ это оставалось въ послѣдующее время¹⁾.

137 Далѣе рѣчь идетъ въ Житіи о сношеніяхъ новопоставленнаго Готскаго епископа съ Іерусалимскимъ патріархомъ: *Гράφει σού διὰ Λογγίνου τοῦ διακόνου αὐτοῦ τῷ πατριάρχῃ Ἱεροσολύμων ποιησαὶ σύνοδον καὶ ἀποσταλῆναι ὅρον πίστεως πρὸς αὐτόν. ὁ δὴ καὶ ἐποίησεν ἐκ γὰρ παλαιᾶς καὶ νέας διαδήκης καὶ πάντων τῶν ἐγκρίτων πατέρων ἀναδεξάμενος χρῆσεις περὶ τῶν ἱερῶν εἰκόνων καὶ τιμίων λειψάνων καὶ τῶν πρεσβειῶν τῶν ἀγίων ἐξέπειμψαν τῷ εἰρημένῳ ἀγίῳ.*

Едва ли нужно для объясненія этихъ сношеній прибѣгать къ какимъ-либо предположеніямъ о древнихъ преданіяхъ и старыхъ связяхъ Готской церкви въ Крыму съ Іерусалимомъ, хотя мы знаемъ, что по Херсонской легенды главными миссионерами христианства въ Тавридѣ были проповѣдники, отправленные Іерусалимскимъ патріархомъ Эрмономъ (а не Германомъ). Но такъ какъ это было въ началѣ IV вѣка, а собственно Крымскіе Готы уже ранѣе того ознакомились съ Евангеліемъ отъ другихъ ближай-

1) О столбѣ Мцхетскомъ см. Исторію Грузинской церкви Гоброна (Михаила) Сабинина, стр. 38 сл. Объ учрежденіи католикосовъ, тамъ же, стр. 90 сл., а также Brossset, *Histoire de la Géorgie*, I, 192. Изъ византійскихъ церковныхъ писателей обѣ автокефальности Иверской церкви говоритъ Вальсамонъ, писатель XII вѣка: см. Rhally et Potly, *Σύνταγμα*, II, 172. На его слова ссылается и почтенный академикъ, но только напрасно утверждаетъ, что въ Антіохіи, кроме Петра Кнафеля, не было никакого другаго патріарха съ тѣмъ же именемъ. Извѣстенъ патріархъ Петръ въ самомъ концѣ XI вѣка и въ началѣ XII. <Ср. Церк. Вѣдомости, 1907, № 3, Прилож., стр. 107 слл.».

шихъ проповѣдниковъ, то нужно думать, что Херсонскіе мученики — епископы, пришедшіе изъ Іерусалима, не имѣли близкаго отношенія къ Готамъ. Сверхъ того, обращеніе Ioanna именно къ Іерусалимскому патріарху, объясняется его недавнимъ пребываніемъ въ Святой землѣ. Гораздо больше имѣеть значеніе то указаніе на мѣстный Іерусалимскій соборъ противъ иконокластовъ, которое какъ бы мимоходомъ сообщается въ Житіи. У насъ есть и другія извѣстія о такомъ или же подобномъ соборѣ. Въ древнемъ каталогѣ соборовъ (въ такъ называемомъ *Libellus synodicus*), содержащемъ въ себѣ перечисленіе ихъ съ краткими указаніями на поводы и цѣли, говорится, что Феодоръ, патріархъ Іерусалимскій, на соборѣ, имъ созванномъ, предалъ анаѳемѣ ересь святосожигателей, то есть, иконоборцевъ¹⁾. Хотя въ сейчасъ названномъ сочиненіи фактъ этотъ и поставленъ ранѣе иконоборческаго лжесобора 754 года, но это сдѣлано, повидимому, только потому, что уже выше зашла рѣчь объ отношеній къ иконоборству царя и патріарха Константинопольскаго со сто- 138 роны остальныхъ вселенскихъ престоловъ, начиная съ Римскаго. Ничто не препятствуетъ намъ принять, что Житіе Ioanna Готскаго говорить о томъ же самомъ событии, но только въ лучшей хронологической связи. Въ 767 году папа Константинъ извѣщалъ короля Пипина, что онъ получилъ отправленное еще на имя его предшественника соборное посланіе патріарха Іерусалимскаго Феодора, съ которымъ вполнѣ согласны патріархи Іерусалимскій и Антіохійскій; чтобы король могъ убѣдиться, «какая ревность ко святымъ иконамъ господствуетъ на востокѣ»²⁾, папа пересыпалъ къ нему и самое посланіе въ греческомъ подлинникѣ и съ латинскимъ переводомъ. Сверхъ того, у византійскаго лѣтописца Феофана подъ 6255 годомъ (= 763—764) отмѣченъ соборъ трехъ патріарховъ, Феодора Антіохійскаго, Фео-

1) *Fabricius-Harless, Biblioth. Gr.*, XII, 413: здѣсь напечатано все сочиненіе подрядъ (начало на стр. 360); *Mansi, Sacr. Conciliorum nova et ampl. collectio*, XII, 680. 1135 sqq.: здѣсь извѣстія объ отдѣльныхъ соборахъ распределены по соответствующимъ мѣстамъ.

2) *Ut agnoscat, qualis fervor sanctarum imaginum orientalibus in partibus cunctis Christianis immineat.* См. Jaffé, *Regesta Pontif.*, ed. 2, t. I, p. 284, № 2375; *Codex Carolin.* (Jaffé, *Bibliotheca rerum Germ.*, IV, 147). Cp. Hefele, *Concilien-geschichte*, III, 480; Baxmann, *Die Politik der Päpste*, I, 260.

дора Іерусалимскаго и Козьмы Александрийскаго, на которомъ осужденъ быль одинъ епископъ, приставшій къ иконоборству ради своихъ личныхъ разсчетовъ¹⁾). Теперь становится весьма вѣроятнымъ, что Ioannъ Готскій получилъ совершенно такое же посланіе, какъ и папа Константинъ, то есть, что Іерусалимскій патріархъ писалъ отъ имени и двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ, что отправлено было это посланіе послѣ Іерусалимскаго собора 763 года, и что оно пришло въ Крымъ не позднѣе 767 года. Само собою разумѣется, что починъ, приписываемый въ дѣлѣ собранія собора Ioannу Готскому, не можетъ быть принимаемъ буквально; соборъ восточныхъ патріарховъ собирался не вслѣдствіе посольства изъ Тавриды въ лицѣ діакона Лонгина, а по другимъ болѣе общимъ побужденіямъ.

Восточный патріархъ, по словамъ автора Житія, въ своеемъ посланіи доказывалъ Священнымъ Писаніемъ и свидѣтельствами отцовъ не только правильность иконопочитанія, но и возможность заступленія или ходатайства святыхъ предъ Богомъ: здѣсь, какъ и во всѣхъ почти житіяхъ иконоборческаго времени и даже какъ въ историческихъ сочиненіяхъ, предполагается, что соборъ 754 года отрицалъ ученіе о заступленіи святыхъ; но мы знаемъ, что это невѣрное и напрасное обвиненіе.

Глава третья. Послѣ смерти Константина Копронима и Льва Хазарскаго и послѣ воцаренія Ирины и ея сына, то есть, уже послѣ 780 года, епископъ Ioannъ Готскій послалъ соборное постановленіе Іерусалимскаго синода тогдашнему патріарху Павлу: ἀπέστειλε τὸν αὐτὸν τόμον Παύλῳ τῷ ἀγιωτάτῳ τῷ τηγκαῖται πατριάρχῃ. Изъ этого слѣдуетъ заключать: 1) что въ свое время, то есть, въ 763 году, соборное опредѣленіе не было сообщено патріарху Константиопольскому такъ, какъ оно было сообщено римскому папѣ, и что 2) оно все-таки сдѣжалось извѣстнымъ въ Константиополѣ ранѣе открытия собора при патріархѣ Тарасіи (786 г.). Между тѣмъ, изъ актовъ седьмаго вселенскаго собора мы видимъ, что только предъ открытиемъ собора отъ имени восточныхъ патріарховъ, Антіохійскаго и Александрийскаго, пересланъ быль патріарху Тарасію «синодикъ»

1) Theophan. Chronogr., p. 434, 1 sqq.

ихъ умершаго товарища, Феодора Іерусалимскаго, который и былъ прочитанъ въ третьемъ засѣданіи собора. Каждущееся противорѣчіе, если такое есть, разрѣшается довольно просто. Синодикъ, присланный Тарасію, не есть постановленіе Іерусалимскаго собора, а обыкновенное исповѣданіе вѣры, разсылаемое епископами и патріархами послѣ возведенія ихъ на церковный престолъ (извѣстно, что слово συνοδικόν имѣеть и такое значеніе) и нѣкогда полученное двумя патріархами отъ возведенаго на Іерусалимскую каѳедру Феодора, послѣ же пересланное восточными архіереями ихъ константинопольскому собрату. Итакъ, нѣть причины подвергать какому-либо сомнѣнію извѣстіе нашего Житія о сношеніяхъ Иоанна съ патріархомъ Павломъ Кипрскимъ, основанныхъ на передачѣ вышеозначенаго документа. Сообщеніе о прибытіи Иоанна въ Константинополь и о бесѣдахъ его съ духовными и свѣтскими властями въ пользу восстановленія иконопочитанія должно быть принято безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ. Подозрительна только та черта, отмѣченная притомъ въ какихъ-то не совсѣмъ ясныхъ выраженіяхъ, что патріархъ Павелъ предъ своею смертію рѣшился на свой всѣхъ поразившій удивленіемъ поступокъ, то есть, на оставленіе патріархіи вслѣдствіе внушеній или вліянія Иоанна Готскаго: μέλλων δὲ τελευτν Παῦλος ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης, τὸν σκοπὸν ἔχων τοῦ ὁσίου, κατῆλθεν ἐκ τοῦ πατριαρχείου καὶ γέγονε μοναχὸς εἰς τὴν μονὴν τῆς ἀγίας Θεοτόκου τῶν Φλώρου. (Слова, отмѣченныя разрядкой, кажутся намъ неясными). Монастырь Богородицы Флоровъ, куда удалился патріархъ Павелъ, упоминается довольно часто въ византійскихъ источникахъ, но именно здѣсь онъ носить наиболѣе точный титулъ, показывающій, что название его Флоровымъ происходитъ только отъ мѣста, где онъ 140 построенъ, или отъ имени строителей, а не отъ святаго Флора, которому будто бы онъ былъ посвященъ. Подъ актами собора 787 года подписывался Πλαρίων ἡγούμενος τῶν Φλώρων. Въ хроникѣ Феофана (р. 457, 16 de Boor.) и въ почти буквально сходномъ текстѣ Амартола стоитъ: ἐν τῇ μονῇ τῶν Φλώρων. Въ русскомъ «Хожденіи Антонія Новгородскаго» (изд. П. И. Савватіова, стр. 137) упоминаются «святіи Флоръ и Лаверь», то есть, мощи ихъ, но предположеніе, котораго держится по-

ченный комментаторъ «Хожденія», что эти мощи лежали именно въ монастырѣ Флоровомъ, кажется намъ ошибочнымъ¹⁾.

Что касается самого факта удаленія патріарха Павла со своей патріархіи, то онъ съ большими подробностями разсказывается: а) въ посланій императоровъ Константина и Ирины (sacra), прочитанномъ въ первомъ засѣданіи седьмаго вселенскаго собора; б) въ хроникахъ Феофана и Амартола, на основаніи одного и того же источника, и с) въ Житіи патріарха Тарасія, написанномъ діакономъ Игнатіемъ въ первой половинѣ слѣдующаго IX столѣтія. Приводимъ, съ нѣкоторыми дополненіями, разсказъ Феофана: «31-го августа седьмаго индикта (784 года) патріархъ Павель, сдѣлавшись болень (Ignatii Diaconi Vita Tarasii apchier. Constantinopolitani, *ed. Heikel* въ *Acta societatis scient. Fennicae*, XVII, p. 397, 29 sqq.: νόσῳ - θάνατον ἐπαγούσῃ περιπεσών), оставилъ свой престолъ, и удалившись въ монастырь Флоровъ, принялъ монашескую схиму безъ вѣдома императрицы (Vita Tar.: <τοῦ θρόνου κριφθόν εἴαυτὸν ὑπεξίστησι, καὶ πρὸς τῷ σεμνεύῳ τῶν Φλώρου γενόμενος τῇ μοναδικῇ μερὶ δι τῆς τοῦ σχήματος μεταμφιάσει φέρων εἴαυτὸν ἐγκατέλεξεν>). Узнавъ объ этомъ, императрица пришла къ нему съ сыномъ своимъ и стала съ горестю и гнѣвомъ говорить (V. Tar.: <Φυμοῦ πλησθέντες καὶ δείματος ἀνηρεύνων>): «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» А онъ со слезами отвѣчаль ей: «О, если бъ я никогда и прежде не садился на престолъ священства, такъ какъ церковь Божія подверглась насилию, отлучилась отъ остальныхъ каѳолическихъ престоловъ и подверглась анаѳемѣ» (Vita Tar.: <'Εμὲ, θεῖον καὶ αὐτοκρατὲς βασιλεῖον, καὶ νόσος καὶ ἡ τοῦ θανάτου ἀπρόοπτος ἐπιστασία τοῦτο ποιεῖν κατηνάγκατε, πολὺ δὲ πρότερον εἰς τοῦτο με τὸ μέτρον προσήγαγεν ἡ τῆς ἐκκλησίας ἀπρέπεια αἱρέσει καμνούσης> и т. д.). Она же, призвавъ 141 патрициевъ и избранныхъ членовъ синклита, послала ихъ къ нему послушать, что онъ говорить. А патріархъ сказалъ имъ: «Если не соберется вселенскій соборъ и не будетъ исправлено заблужденіе, находящееся среди васъ, то вы не получите спасенія». Они же сказали ему: «А зачѣмъ ты подписался при сво-

1) Sich in's Kloster St. Florus begab: Hefele, Conciliengesch., III, 443.
Im Kloster des Florus: Hergenr. Photius, I, 246.

емъ рукоположеніи въ томъ, чтобы не кланяться иконамъ?» Патріархъ отвѣчалъ: «Поэтому-то я и плачу и обратился къ покаянію и прошу у Бога, чтобы онъ не наказалъ меня, какъ іерея, молчавшаго донынѣ и не возвѣстившаго истины изъ страха безумія вашего». Послѣ того онъ почилъ въ мирѣ, оставивъ большую послѣ себя печаль какъ у царей, такъ и у благочестивыхъ людей государства; ибо это былъ мужъ благочестивый, отличался дѣлами милосердія выше всякой мѣры и былъ достоинъ всякаго уваженія; онъ пользовался большимъ довѣріемъ государей и общества. Съ этихъ поръ вопросъ о святыхъ иконахъ сталъ обсуждаться свободно всѣми» (Theophan. p. 457, 13 sq. de Boor.)¹⁾.

Глава четвертая. Въ четвертой главѣ рѣчь идетъ объ избраніи въ патріархи первого императорскаго секретаря Тарасія и о седьмомъ вселенскомъ соборѣ. Эти события, относящіяся къ общей исторіи христіанской церкви столько же, сколько и къ исторіи византійской, изложены гораздо подробнѣе въ другихъ вышеуказанныхъ источникахъ, и особенно въ подлинныхъ протоколахъ соборныхъ засѣданій. Было бъ излишне для объясненія краткихъ сообщеній нашего Житія повторять здѣсь то, что въ общихъ чертахъ всѣмъ извѣстно и что подробно излагается во многихъ старыхъ и новыхъ сочиненіяхъ. Мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями къ тексту нашего источника и потомъ рѣшеніемъ вопроса о присутствіи или неприсутствіи на соборѣ Ioanna Gotского.

Ταράσιος δὲ ὁ πρωτοαστηρήτης, -- προβληθεὶς μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ πατριάρχου, ὃς καὶ ὑπ’ αὐτοῦ ἐμαρτυρήθη, γενέσθαι πατριάρχης, οὐχ εἴλατο δὲ βαρῆναι, ἔως ὅν ὑπέσχοντο οἱ βασιλεῖς ποιῆσαι τὴν εἰρημένην σύνοδον. Отсюда видно, что языкъ нашего Житія не только не отличается

1) Въ офиціальномъ повѣствованіи, прочитанномъ на соборѣ, патріархъ отвѣчалъ императрицѣ: «Потому что если я буду застигнутъ смертію на епіскопіи въ этомъ богохранимомъ царственномъ городѣ, то буду имѣть анаѳему отъ всей каѳолической церкви... Ибо говорятъ, что здѣсь была какою-то соборъ, уничтожившій иконный изображенія, которыхъ каѳолическая церковь принимаетъ... Это напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ бы избѣжать суда Божія за то, что я обращался съ такими людьми и былъ къ нимъ соприченъ». То же самое онъ сказалъ и нѣкоторымъ изъ знатнѣйшихъ властей нашихъ и такъ кончилъ жизнь».

аттическимъ изяществомъ рѣчи, но является довольно несклад-
 142 нымъ, темнымъ, даже неправильнымъ, хотя въ то же время,
 въ противоположность другимъ такого же рода произведе-
 ніямъ, совершенно безыскусственнымъ. Что слова «онъ быль
 отъ него засвидѣтельствованъ» объяснены въ нашемъ пе-
 переводѣ правильно,—это доказывается и тѣмъ, что въ Житіи
 патріарха Тарасія прямо влагается въ уста Павлу рекомендація
 предъ императрицей Тарасія, такъ что обѣ этомъ фактѣ и по-
 вѣйшіе церковные историки могли бы говорить съ болѣею по-
 ложительностію. Во второй отмѣченной разрядкою фразѣ мы
 принимаемъ слово *βαρῆναι* за 2 аог. pass. отъ глагола *βαρέω* =
βαρύνω, хотя мы не беремъ на себя отвѣтственности ни за пра-
 вильность формы, ни за правильность приданного слову смысла.
 Но понимать слово все-таки слѣдуетъ такъ, какъ мы его поняли:
 по словамъ посланія императрицы къ синоду, Тарасій отказы-
 вался отъ предложенного ему патріаршества, потому что это
 «иго было свыше его силъ» (*ὑπὲρ αὐτὸν εἶναι τὸν ζυγὸν τῆς ἀρχιερωσύνης*); и самъ патріархъ въ рѣчи къ народу, которая тоже
 находится въ актахъ собора, говорилъ тотчасъ послѣ избранія,
 ως *τὸν ζυγὸν τοῦ φορτίου μὴ δυναμένου βαστάζειν ἢ ὑπενεγκεῖν*.
 Если не выраженія, то мысль здѣсь та же самая, что и въ
 Житіи.

Далѣе замѣчается запутанность или же испорченность текста
 въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ говорится о прибытіи уполномоченныхъ и грамотѣ отъ другихъ патріарховъ. Подлинный
 текстъ читается такъ: *καὶ ἵερῶν γραμμάτων ἐκ τῶν τεσσάρων*
θρόνων ἀνδρῶν εὐλαβῶν καὶ ἵερῶν γραμμάτων ἐκ προσώπου τῶν
πατριαρχῶν συναθροισθέντων δὲ καὶ τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων (*ἡδη*
χειροτονηθέντος τοῦ μακαρίου Ταρασίου), *πρῶτον μὲν ἐκαθέσθησαν*
 и т. д.... Нѣтъ особенной нужды хлопотать обѣ исправленіи
 текста, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о весьма извѣстныхъ
 фактахъ, которые здѣсь, во всякомъ случаѣ, передаются неточно.
 Собственно отъ трехъ восточныхъ патріарховъ — отъ каждого
 въ отдельности — не было ни грамотѣ, ни уполномоченныхъ, а
 было то и другое только отъ папы Адріана... Двое уполномоченныхъ
 съ востока, подписывавшіеся каждый отъ имени трехъ
 восточныхъ патріаршескихъ престоловъ, были отправлены на

соборъ архіереями, находившимися подъ мусульманскою властію, изъ боязни гоненія и преслѣдованія не допустившими передачи посланій отъ Тарасія и императрицы самимъ патріархамъ, но скрившими также и свои имена. Въ разсказѣ о военномъ бунтѣ важно только отмѣченное здѣсь число схоларіевъ, чего нѣть во всѣхъ другихъ источникахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что самъ епископъ Іоаннъ не присутствовалъ на соборѣ 787 года, хотя иногда утверждается противное; еще болѣе ошибочно предположеніе, высказанное въ 143 статьѣ о Готской епархіи въ Крыму (архимандр. Арсенія), что онъ скончался ранѣе этого года, и что преемникомъ его былъ Никита, за котораго подписывался монахъ Кириллъ. Вотъ въ какомъ видѣ являются на самомъ дѣлѣ относящіяся сюда данныя въ актахъ собора:

1. Въ перечисленіи лицъ, участвовавшихъ въ первомъ засѣданіи, дѣйствительно упоминается монахъ Кириллъ, заступающій мѣсто Никиты, епископа Готії (*Mansi*, XII, 994 С): *Κυριλλου μοναχοῦ καὶ τὸν τόπον ἐπέχουντος Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας.*

2. При поименной подачѣ голосовъ, потребованной во второмъ засѣданіи римскими, то есть, папскими легатами, въ протоколѣ отмѣченъ Кириллъ, епископъ Готії (*ibid.* 1095 А): *Κύριλλος ἐπίσκοπος Γοτθίας ἔξεφώνησεν ὅμοίως.*

Но въ древнемъ латинскомъ переводѣ соборнаго дѣянія, принадлежащемъ Анастасію діакону (IX вѣка), сохранилась необходимая и здѣсь опущенная прибавка, что Кириллъ былъ только представителемъ своего епископа: *Cyrillus ex persona sanctissimi episcopi Gothiae promulgavit similiter.*

3. Въ третьемъ засѣданіи упомянутъ опять Кириллъ монахъ и намѣстникъ Никиты, епископа Готії (*ibid.* 1154 А): *Κύριλλος μοναχὸς καὶ τοποτροπῆτης Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας.*

4. Только въ четвертомъ засѣданіи формулировано было постановленіе о почитаніи іконъ, и только здѣсь мы имѣемъ вмѣсто простаго перечисленія лицъ, согласившихся съ нимъ, собственныя ихъ подписи. Монахъ Кириллъ подписался представителемъ Іоанна, епископа Готовъ (*ibid.* XIII, 137 Д): *Κύριλλος μοναχὸς καὶ ἐκ προσώπου Ἰωάννου ἐπισκόπου Γότθων, ἐντραφεὶς τοῖς ἀπο-*

στολικοῖς κηρύγμασι καὶ τῶν πατέρων παραδόσεσι καὶ τὰ νῦν προγράμματα δεξάμενος, ὑπέγραψε.

5. Въ шестомъ засѣданіи не было подачи голосовъ, но въ числѣ присутствовавшихъ отмѣченъ (*ibid.* 365 D) монахъ Кирилль, представитель Готскаго епископа (безъ имени): Κύριλλος μοναχὸς καὶ ἐκ προσώπου Γοτθίας.

144 6. Въ седьмомъ засѣданіи опять потребовались подписи; но на сей разъ и самая подпись монаха Кирилла сохранилась для насъ въ неисправномъ видѣ: въ греческомъ текстѣ епископъ, представляемый Кирилломъ, названъ уже Никополемъ, и только въ латинскомъ переводѣ Анастасія имя, болѣе похожее на название города, замѣнено другимъ, напоминающимъ Никиту (*ibid.* 384): Κύριλλος ἀκαρτωλὸς μοναχὸς καὶ τὸν τέπον ἐπέχων Νικοπόλεως (въ лат. *Niceri*) ἐπισκόπου Γοτθίας δροῖος.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, не смотря на двукратное повтореніе имени Никиты въ протоколахъ, составлявшихся не всегда внимательными секретарями, и не смотря на очевидно неисправное чтеніе въ послѣднемъ, сейчасъ приведенномъ случаѣ, подпись въ четвертомъ засѣданіи должна быть признана вполнѣ точною и наилучше сохранившуюся. Что Іоаннъ Готскій пережилъ соборъ 787 года, видно какъ изъ хода и порядка событий, разсказываемыхъ Житіемъ, такъ и особенно изъ упоминанія объ Георгіи, епископѣ Амастриды. По актамъ собора 787 года легко убѣдиться, что Георгій сдѣлался епископомъ послѣ этого года, ибо на соборѣ присутствовалъ и подписывается еще епископомъ Амастрідскимъ Григорій, а между тѣмъ, какъ увидимъ это послѣ, Георгій былъ все-таки поставленъ патріархомъ Тарасіемъ и дожилъ до начала слѣдующаго (IX) столѣтія.

Глава пятая. Затѣмъ слѣдуетъ наиболѣе важное въ историческомъ отношеніи мѣсто о столкновеніи епископа Іоанна съ Хазарскимъ хaganомъ, которое мы сначала приведемъ въ по-длинникѣ.

Ο δὲ ὅστος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα μετὰ τοῦ ἰδίου λαοῦ τοῖς ἀρχούσι τῶν Χαζάρων ἔξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοτθίᾳς καὶ τοῖς ἀρχούσι αὐτοῦ καὶ παντὶ τῷ λαῷ πρὸς τὸ μὴ κατακυριεῦσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους. ἀποστεῖλας

γάρ ὁ χαγάνος παρέλαβε τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δορὸς, θέμενος ἐν αὐτῷ φύλακας ταξάτους, οὓς καὶ ἔξεδίωξεν ὁ εἰρημένος δοτος ἐπίσκοπος μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ καὶ τὰς ἐληστούρας ἐκράτησεν. ὅθεν ἰδόντες τὸν ἀρχιερέα ὑπὸ ἐνὸς χωρίου παραδοθέντα προσέφυγον τῷ χαγάνῳ καὶ τῷ μὲν χυρῷ Γοτθίας ἐφείσατο, δεκαεπτά δὲ δούλους ὁ χαγάνος ἔκούρασεν ἀναιτίους. ὃ δὲ δοτος παραφυλαχθεὶς ἡδυνήθη διαδρᾶς ἀντιπερᾶσαι εἰς "Αμαστριν τὴν φιλόχριστον πόλιν· κακεῖ ἐπὶ τετραετῇ χρόνον περιαγόμενος, ἀκούσας τὴν τελευτὴν τοῦ χαγάνου, ἔφη· Κάγὼ, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετὰ τοῦ διώκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κριτοῦ καὶ θεοῦ.

Въ третьей главѣ введенія уже сообщены были факты изъ 145 предыдущей исторіи Хазаръ, объясняющіе ихъ появленіе въ Крыму и столкновеніе съ Готами, жившими на югѣ полуострова. Изъ нашего источника видно, что около 787 года они овладѣли крѣпостью или городомъ Доросомъ, который во времія Юстиніана II, около 705 г., еще не былъ въ ихъ рукахъ. Что Дорость, или же позднѣйшій Θεοδωρѡ, какъ въ надписи митрополита Даміана (см. ниже), совпадаю съ Мангупомъ, а не съ Инкерманомъ, какъ думали Карамзинъ и Кеппенъ, — это теперь можно считать не только доказаннымъ, но и общепринятымъ мнѣніемъ. Заслуга здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ исторіи и географіи южной Россіи, принадлежитъ Ф. К. Бруну. Онъ утвердилъ на прочныхъ основаніяхъ мысль, высказанную еще Бюшингомъ и съ тѣхъ порь позабытую... Въ итальянскихъ источникахъ говорится о Доросѣ (= Θεодорѣ) слѣдующимъ образомъ: *L'armata (Turca) era a campo a un castello fortissimo della Gotia, che si chiama Teodoro (Canale, Della Crimea, III, 354). Urbem Alexio cuidam Graecos, Theodori domino, quod oppidum parvo intervallo abest a Cembalo, tradiderunt* (Фольетта). *Del Theodoro, che è luogo vicino al Cembalo,* и пр. Одинъ итальянскій ученый, г. Десимони, занимающійся исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму, и сначала отвергавшій теорію Ф. К. Бруна, потомъ сообщилъ ему наилучшее доказательство тождественности Θеодоро и Мангупа; онъ нашелъ грамоту 1472 года, въ которой говорится о «владѣтель Теодоро по имени Исаикъ», между тѣмъ изъ русскихъ источниковъ давно былъ извѣстенъ Мангупскій князь Исаико; въ 1474 году онъ принималъ мо-

сковского посла въ Крыму Беклемишева и сваталь свою дочь въ невѣсты сыну Ивана III¹⁾). Такимъ образомъ какъ все другое, такъ и это соотвѣтствіе въ титулахъ приводить къ тому заключенію, что Дѣросъ или Дордѣсъ, иначе Фео-дордъ (въ позднѣйшихъ памятникахъ обычнѣе это послѣднее название), соотвѣтствуетъ городу Мангупу, разрушенному Турками въ 1492 году. Главный городъ всей Готії (тѣ хѣстровъ тѣс Годіасъ), резиденція мѣстныхъ династовъ, престольный городъ епархіи, по имени котораго именовались позднѣйшіе готскіе митрополиты²⁾), находился на той самой неприступной скалѣ между небомъ и землею, которая и теперь еще высится надъ Ай-тодорскою долиною и носить на себѣ слѣды старинныхъ укрѣплений — стѣнъ внутреннихъ и внѣшнихъ и башенъ, остатки христіанскихъ храмовъ съ образами, писанными красками на извести, и также развалины мечети, синагоги, фонтановъ и т. д. Однако, не смотря на выгодное мѣстоположеніе готской столицы, пробравшись ли по тѣмъ двумъ горнымъ тропинкамъ, которыя теперь ведутъ на верхъ живописной возвышенности, или какимъ другимъ путемъ и способомъ, но только Хазары около 787 года овладѣли ею, какъ послѣ (въ 1475 году) овладѣли ею Турки Османы, и хаганъ хазарскій поставилъ въ ней свой гарнизонъ. По всѣмъ соображеніямъ,

1) См. Карамзина, Ист. Г. Р., VI, примѣч. 125; Кеппена, Крымскій Сборникъ, стр. 216, 282 сл.; Бруна, Notices sur les colonies Ital. en Gazarie (Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pѣt., VII-e Série, Tome X, № 9), pp. 63—77.

2) Въ сборникѣ Кеппена Мангупу посвящено обширное изслѣдованіе, стр. 261—290, къ которому приложены планы и старыя описанія замѣтной мѣстности. Для настъ особенно важно описание Броневскаго, который видѣлъ Мангупъ вскорѣ послѣ разрушения: «Городъ Манкопія лежитъ при горахъ и лѣсахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря; онъ имѣеть два замка, построенныхыхъ на высокой и широкой скалѣ, драгоценныя греческіе храмы и зданія; нѣсколько ручьевъ, стекающихся со скалы, чистыхъ и удивительныхъ. По покореніи его Турками, черезъ 18 лѣтъ, онъ выгорѣлъ почти до основанія, какъ говорять греческіе христіане. Вотъ отчего и нѣтъ уже ничего примѣтного, кроме верхняго замка, имѣющаго отличные ворота, украшенные греческими надписями и многимъ мраморомъ, и высокий каменный домъ. Въ этомъ домѣ, по варварской ярости хановъ, иногда содержатся въ заключеніи московскіе послы, съ которыми жестоко поступаютъ. Теперь тамъ упѣлъ только греческая церковь св. Константина и другая, весьма незначительная, св. Георгія. — Все прочее въ развалинахъ и предано забвенію. — О владѣцахъ и народахъ, населявшихъ эти города и величайшіе замки, нѣтъ уже никакихъ лѣтописей» и т. д.

владѣніе укрѣпленнымъ и центральнымъ пунктомъ должно было повести къ подчиненію всей области, къ вассальной зависимости готскихъ князей отъ хазарского хагана. Такъ, повидимому, и было: мы далѣе усматриваемъ, что Иоаннъ, прогнавъ хазарского государя, не можетъ долѣе оставаться даже на своей родинѣ въ Партенитѣ, что Фуллы тоже принадлежать Хазарамъ, и наконецъ читаемъ, что отъ милости хагана зависѣла судьба готского повелителя, что онъ властенъ быть пощадить или наказать его. Хотя это подчиненіе чуждой власти и не подвергало какой-либо опасности религіозные интересы православной епархіи, такъ какъ Хазары не только отличались полною вѣротерпимостію, но даже давали въ своихъ владѣніяхъ убѣжище гонимымъ мусульманамъ, однако епископъ Готской Иоаннъ сталъ во главѣ заговора, имѣвшаго цѣллю политическую и народную свободу Готовъ, освобожденіе отъ ига азіатскихъ пришельцевъ. Въ Житіи мы читаемъ о первоначальной удачѣ предпріятія и о печальной его развязкѣ: въ чёмъ состояла первая, для насъ совершенно понятно, но какъ произошла вторая,— это въ текстѣ нашего документа изложено весьма темно. Гарнизонъ хазарскій былъ выгнанъ изъ Дордѣ, или Феодордѣ, самимъ епископомъ, ставшимъ во главѣ своей паствы; онъ овладѣлъ и укрѣпленными горными проходами или клисурами: чтеніе хлєстоўрасъ вмѣсто ёлѹгоўрасъ, предложенное еще въ изданіи болландистовъ, не подлежитъ сомнѣнію, а остается только вопросъ о ближайшемъ пріуроченіи этихъ клисуръ къ данной мѣстности, чтобъ мы охотно оставляемъ рѣшенію знатоковъ ея и одесскихъ ученихъ. — Но вскорѣ затѣмъ случилась катастрофа, вслѣдствіе которой епископъ очутился въ хазарской тюрьмѣ — повидимому, въ городѣ Фуллахъ, о которомъ говорится ниже въ чудесахъ. Какъ это случилось—это-то именно и составляетъ загадку. Въ Житіи сказано, что они, жители Готіи, прибѣгли къ хагану, то есть, нужно думать, снова покорились ему, когда увидѣли, что пастырь ихъ былъ преданъ одною какою-то мѣстностію. Судя по этому, дѣло нужно представлять такъ, что въ епархіи Иоанна была и такая партія, которая не хотѣла изгнанія Хазаръ, а стояла за ихъ власть, и эта-то партія такъ или иначе устроила выдачу главнаго руководителя во всемъ движеніи въ руки Хазаръ. Въ

синаксаряхъ, составленныхъ на основаніи того же самаго Житія, которое и мы изучаемъ, но, можетъ быть, по лучшимъ его спискамъ, высказывается то же самое пониманіе. Въ кратчайшемъ изъ этихъ синаксарей, помѣщенномъ въ Минології Василія Пор-Фиророднаго (Х—XI в.), употреблено выраженіе, что святой, преслѣдуемый собственнымъ народомъ, бѣжалъ въ Амастриду: καὶ διωγθεὶς παρὰ τοῦ οἰκείου λαοῦ καὶ φυγὼν ἐν Ἀμαστρίδι ἐτελέυτησεν (Cp. Synaxar. eccl. Constantinopol., col. 773, 8 sqq.). Въ другомъ болѣе подробнѣмъ, но, къ несчастію, дурно сохранившемся синаксарѣ (Synaxar. Chiffletian., приведенный въ АА. SS.), говорится какъ будто о смятеніи или бунтѣ, возбужденномъ приверженцами хагана: στάσεως δὲ γενομένης ἐν τῇ χώρᾳ αὐτοῦ παρὰ τῶν χαγάους...

Какъ бы то ни было, Іоаннъ былъ въ темницѣ и оттуда бѣжалъ въ Амастриду, въ которой и умеръ послѣ четырехлѣтняго въ ней пребыванія. Если бы намъ былъ извѣстенъ годъ смерти хагана, то мы могли бы точно опредѣлить и годъ кончины святаго; но мы знаемъ, что извѣстіе объ убийствѣ хазарскаго хагана въ 798 году есть свѣдѣніе ненадежное и всего скорѣе ошибочное. Однако соображая, что не говорится объ особенной старости святаго при кончинѣ, и что посвященіе его, а слѣдовательно, и 30-тилѣтній, по крайней мѣрѣ, возрастъ относится приблизительно къ 760 году, мы можемъ остановиться на 792—798 годахъ.

Глава шестая. Въ шестой главѣ Житія, кроме упоминанія объ Георгіи Амастридскомъ, на которомъ мы теперь не останавливаемся, заслуживаются вниманія данныя о мѣстѣ погребенія Іоанна Готскаго. Καὶ οὕτως ἀντεπέρατεν εἰς τὸ μοναστήριον αὐτοῦ, τὸ ἐπονομαζόμενον τῶν ἀγίων ἀποστόλων, εἰς Παρθενίτας, καὶ κατετέθη ἐκεῖσε. — — ὅπερ μοναστήριον πᾶσιν εὔχοσμίαις κτίσεώς τε καὶ ἱερῶν σκευῶν καὶ βιβλίων παντοίων κατακοσμήσας ὁ ὅστιος ὁσίων μοναχῶν πληθὺν ἐγκατέστησεν.

Въ настоящее время уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній о мѣстѣ, где находился упоминаемый здѣсь монастырь святыхъ Апостоловъ, построенный Іоанномъ, очевидно, на своей родинѣ.

Въ 1871 году открыты были художникомъ Струковскимъ на южномъ берегу Крыма, въ имѣніи г. Раевскаго Партенитъ, зна-

чительные остатки большаго христіанскаго храма. Изъ всѣхъ открытыхъ на южномъ берегу древнихъ церквей это была первая церковь сравнительно большихъ размѣровъ, имѣющая при томъ довольно богатыя украшенія, какъ напримѣръ, мозаичный полъ, рѣзные карнизы и т. д. Извѣстно, что другія церкви, открытые въ Крыму, имѣютъ видъ обыкновенныхъ церквей или даже часовень. Храмъ построенъ у самой подошвы горы Аюдага — съ той стороны его, которая обращена къ Партениту, и стоитъ на покатой плоскости, внизу которой протекаетъ горная Партенитская рѣчка. Еще въ 1869 году управляющій г. Радевскаго сталъ устраивать дорогу къ имѣнію вдоль сѣверо-восточнаго склона горы Аюдага и тогда уже была открыта полукруглая стѣна храма (?). Открытый въ Партенитѣ храмъ имѣеть ту еще несомнѣнную важность, что въ немъ найденъ былъ камень съ отчетливою греческою надписью, которая находилась въ предалтарной части храма, на камнѣ, вдѣланномъ въ полъ, и читалась слѣдующимъ образомъ¹⁾: «Этотъ всечестный и божественный храмъ святыхъ славныхъ, всехвальныхъ и первоверховыхъ апостоловъ Петра и Павла былъ построенъ съ основанія въ давнія времена иже во святыхъ отцомъ нашимъ архиепископомъ города Феодоро и всей Готіи Иоанномъ Исповѣдникомъ, нынѣ же возобновленъ, какъ онъ зрится, митрополитомъ города Феодоро и всей Готіи киръ Даміаномъ въ лѣто 6936, индикта 6-го, въ десятый день сентября».

1) Надпись, равно какъ и предыдущія свѣдѣнія о мѣстѣ ея находки, мы заимствуемъ изъ статьи г. Карапулова «Недавняя археологическая находка въ Крыму въ Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. VIII, стр. 308 слл. Къ статьѣ г. Струкова, помещенной въ Русск. Вѣсти. за 1876 г. (сент., стр. 121 слл.): «Древніе христіанскіе памятники въ Тавридѣ», приложенъ самый планъ открытаго храма и содержатся другія полезныя указанія, хотя статья вообще не отличается точностью сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній, да и самъ русскій переводъ надписи здѣсь невполнѣ исправленъ. «Окончательно раскопанъ храмъ Н. И. Рѣпниковымъ. См. Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 82, стр. 91—140». Подлинная надпись сохранилась весьма хорошо, и потому мы не считаемъ нужнымъ отмѣтить тѣ немногія мѣста, гдеъ восстановлены утраченныя или разбитыя буквы, не подлежащія вовсе спору или сомнѣнію. Грамматическія ошибки, оставшіяся въ текстѣ, принадлежать самой надписи. (Ср. новое изданіе надписи у В. В. Латышева, Сборн. греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, стр. 78, № 70 и табл. IX. Тамъ же, стр. 74 сл. подъ № 69 надгробная надпись аввы Никиты, скончавшагося въ 906 г. игумена монастыря св. Апостоловъ).

Ο πάνσεπτος καὶ θεῖος ναὸς τῶν ἀγίων, ἐνδόξων, πανευφῆμων καὶ πρωτοκοριφαίων ἀποστόλων [Πέτρου κ.]αὶ Παύλου] εἰκτίσθη ἐκ βάθρων πρὸ χρόνων πολλῶν παρὰ τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν καὶ ἀρχιεπισκόπου πόλεως Θεοδωροῦ καὶ πάσης Γοτθίας Ἰωάννου τοῦ ὁμολογοῦτοῦ, ἀνεκαίνισθη δὲ νῦν καθὼς ὄραται παρὰ τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου πόλεως Θεοδωροῦ καὶ πάσης Γοτθίας κυροῦ Δαμιανοῦ ἔτσις ἑξακισχιλιοστοῦ ἐννακοσιοστοῦ τριακοστοῦ ἐκτου, ἵνδικτιῶνος ἔκτης, μηνὶ Σεπτεμβρίῳ δεκάτῃ.

Одинъ изъ мѣстныхъ ученыхъ, г. Кондраки, въ статьѣ, помѣщенной въ Одесскомъ Вѣстнике, а также и художникъ Струковъ на основаніи того, что находка эта указывала на мѣстопребываніе и какъ бы каѳедру Готскаго епископа въ Партенитѣ, полагали, что Феодорѣ именно и есть Партенитъ. Г. Карадуловъ, который посвятилъ открытию г. Струкова обстоятельную и ученую статью въ Запискахъ Одесского общества исторіи и древностей, совершенно справедливо вооружается противъ такого взгляда. Мѣсто, приведенное нами изъ Житія, оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ для обоихъ ученыхъ, окончательно разъясняетъ вопросъ. Надпись 1425 года, сдѣланная при митрополитѣ Даміанѣ, несомнѣнно говоритъ о томъ Иоаннѣ Готскомъ, Житіемъ котораго мы занимаемся, и о томъ самомъ храмѣ святыхъ Апостоловъ, который, по свидѣтельству и нашего источника, былъ имъ основанъ въ Партенитѣ. Но въ томъ же самомъ Житіи совершенно ясно указано, что Партенитъ былъ родиной, а не каѳедрой Иоанна, торжищемъ (*ἐμπόριον*), а не градомъ или замкомъ (*τὸ κάστρον*), и что церковь, построенная Иоанномъ въ Партенитѣ, была монастырская.

Главы 7—10. Чудеса. Что касается отдельа, посвященного чудесамъ, которыя святой совершилъ еще при жизни своей, то этотъ отдель не требуетъ длинныхъ, обширныхъ и сложныхъ 150 комментарievъ, какъ потому, что чудеса вообще не допускаютъ объясненій, такъ и потому, что изъ разсказовъ о такихъ событияхъ не много извлекается историческихъ данныхъ. Мы видимъ, во-первыхъ, что дiаконъ Лонгинъ, отправленный, около 760 года своимъ архиереемъ въ Іерусалимъ, подвергался на пути большиимъ опасностямъ: два раза грозила ему смерть отъ руки Сарацинъ, и оба раза онъ былъ спасенъ заступленiemъ своего свя-

таго владыки, при чёмъ въ первый разъ тотъ избралъ своимъ орудіемъ протонотарія сарацинскаго эмира, а въ другой — уже проявилъ непосредственно свою силу. Буйство и насилие со стороны Сарацинъ, нерѣдкія въ обычное спокойное время, тѣмъ болѣе возможны были во время междуусобицъ, которыми означеновано было правлениe халифа Абу-Джафаръ-Мансура; а въ лицѣ протонотарія, который выкупилъ Лонгина, слѣдуетъ представлять себѣ такого же образованнаго и знающаго греческій языкъ чиновника изъ христіанъ, какимъ былъ около этого времени при халифѣ отецъ Иоанна Дамаскина и онъ самъ. *Καὶ αὐτίκα ὁ πρωτονοτάριος τοῦ ἀμφέρου πενταχόσια δοὺς μιλιαρίσια, τοῖτον κατήγαγε καὶ ἀπέλισε.* Пятьсотъ миллиарисій за христіанина, захваченаго въ пленъ, — цѣна не высокая; потому что данную цифру нужно уменьшить по крайней мѣрѣ въ четверо, чтобы получить соотвѣтствующее ей число рублей.

Важнѣе по своему содержанію разсказъ о слѣдующемъ чудѣ. *Καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ τῶν ὄντων ἐν τῇ φιλακῇ, ἐν ᾧ παρεφυλάττετο ὑπὸ τῶν Χαζάρων, φυγόντος αὐτοῦ εἰς Ῥωμανίαν, κρατηθέντων καὶ τῷ χαγάνῳ παραστάντων καὶ κοιρασθῆναι ὑπ’ αὐτοῦ δρισθέντων, τῇ τοῦ ὄστου εὔχῃ ἀπέλύθησαν ὑγιεῖς, φύσαντος τοῦ χαγάνου ὅτι· Οὕτοι πταισμα οὐκ ἔχουσιν. θεν τῇ αὐτῇ ὥρᾳ, δὲ παρέστησαν τῷ χαγάνῳ, ὃ ὅσιος ἐν Ἀμάστρῳ - - ἦν εὐχόμενος.* Здѣсь мы узнаемъ, что политическій процессъ, бывшій послѣдствіемъ возстанія въ Готії, продолжался и послѣ бѣгства главнаго виновника, но что хазарскій хаганъ весьма благоразумно и на этотъ разъ человѣклюбиво освободилъ тѣхъ, кто былъ невинною жертвою преданности своему духовному пастырю. Названіе же противолежащихъ Крыму азіатскихъ провинцій Романіей весьма обыкновенно; оно встрѣчается въ письмахъ папы Мартина изъ Херсонса, въ сочиненіи Константина Багрянороднаго объ управлениі имперіей, гдѣ онъ говорить о сношеніяхъ херсонской общины съ южно-бережными прионтійскими городами, а также и въ хроникахъ; наконецъ оно удержано и во время Турокъ Селджукидовъ, когда изъ части Малой Азіи образовалось государство «Румъ».

Чудо съ Василіемъ имѣть историческое значеніе только 151
1) по указанію на мѣстность, которая названа Курасантами, и
2) по указанію на присутствіе многихъ гробницъ во храмѣ. *Ἐν*

Κουραστίοις τῷ ἐμπορίῳ ἀναπαιόμενος εἰς ἐκκλησίαν ἦν ὁ ὄστος, ἐν ᾧ ἔνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλεῖστα. Подъ Курасантами, по объяснению Бюшинга и Кеппена, нужно разумѣть то самое укрѣпленіе Горзувиты (Горζоубітіи), которое нѣкогда было построено Юстиніаномъ въ одно время съ Алуштою, хотя оно тогда, по прямому смыслу словъ Прокопія (см. выше), и не принадлежало къ Готіи, далѣе — то самое укрѣпленіе, которое долго существовало подъ именемъ Гурзуфа, Курзуфа¹⁾), и развалины котораго описаны были Палласомъ²⁾. Не лишнимъ будетъ, однако, припомнить здѣсь и монастырь Киризу (ἡ τῆς Κυρῆς σεβασμίᾳ μονή, τὸ τῆς Κυρῆς μετόχιον), который находился въ Крымской Хазаріи и упоминается въ патріаршихъ грамотахъ конца XIV вѣка³⁾. Что касается церкви съ гробницами, то, вѣроятно, здѣсь нужно разумѣть одну изъ тѣхъ пещерныхъ церквей, какихъ такое множество открывается теперь въ Крыму, и которыя во многомъ напоминаютъ церкви римскихъ катакомбъ, а еще болѣе — подобныя же пещерныя церкви, разсѣянныя въ Каппадокіи и Галатіи, но еще мало изслѣдованныя.

Въ девятой главѣ сообщаются три чуда. Первое совершилось въ Фуллахъ, при чемъ оказывается, что и тюрьма святаго находилась именно въ этомъ городѣ, такъ рѣдко упоминаемомъ въ древнихъ источникахъ и потомъ совсѣмъ затерявшемся, а между тѣмъ для насы любопытномъ по пребыванію въ немъ св. Кирилла, Славянскаго просвѣтителя. Τοῦ δὲ τῆς φυλακῆς τῶν Φούλων τοῦ ὄστον καθεζομένου, ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων ἐλθὼν ἔρριψεν εἰς τὸν πόδας αὐτοῦ τὸ παιδίον αὐτοῦ —, τοῦτο σφραγίσας καὶ βαπτίσας — αὐτίκα ἐκαθαρίσθη. Отсюда мы можемъ вывести такія заключенія, что 1) Фуллы въ данное время находились во власти хазарскаго хагана, и что 2) однако здѣсь оставался свой особый мѣстный владѣтель, или династъ, христіанскаго исповѣданія, подчиненный, разумѣется, хазарскому владычеству. Если же мы допустимъ, что и второе чудо (этой главы) совершилось тоже въ

1) Ср. Ю. А. Кулаковскаго, Замѣтки по ист. и топогр. Крыма, III (въ Археологич. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, № 1), стр. 5 сл.».

2) Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 175—177 и др.

3) Miclosich et Müller, Acta patriarchat. Constantinop., №№ 492, 497 (т. II, pp. 249. 259).

Фуллахъ, какъ то несомнѣнно слѣдуетъ по связи и ходу разсказа, то окажется, что въ Фуллахъ были жители, проникнутые сознаніемъ общности готскихъ, такъ сказать, национальныхъ интересовъ и въ своемъ патріотическомъ увлеченіи доходившіе до забвенія церковнаго долга, то есть, уваженія, подобающаго духовному сану епископа. То, что здѣсь во второй половинѣ IX вѣка, несмотря на христіанскую вѣру, продолжали совершать языческіе обряды, а равно и самая форма этихъ суевѣрныхъ привычекъ, состоявшая въ поклоненіи дубу¹⁾, — ни то, ни другое нисколько не будетъ противорѣчить предположенію о принадлежности «Фулльского языка» къ готскому. Точно также и самое мѣстоположеніе Фулль, на сколько оно обнаруживается изъ пограничности позднѣйшей Фулльской епархіи съ Херсонскою съ одной стороны и Готскою съ другой, — можетъ служить только въ пользу такого предположенія. Ближайшее опредѣленіе мѣстности заключается, быть можетъ, въ существованіи на Никитскомъ мысѣ развалинъ и старинныхъ укрѣпленій (остатки стѣнъ, сквозная пещера), носящихъ у мѣстныхъ жителей имя «Русско-Фулей, Рускофиль-кале, Рускофлея»²⁾.

Упрекъ, такъ дерзко сдѣланный Ioannu, состоялъ въ томъ, что именно онъ былъ виновникомъ выдачи хагану замка Goti и несправедливой казни невинныхъ людей: ἐτερός τις, ἀδίκως ἐπιμεμφόμενος τῷ ὄστι, ως αἰτίῳ γενομένῳ τοῦ παραδοθῆναι τῷ χαγάνῳ τὸ κάστρον τῆς Gotiας καὶ τῶν ἀδίκως ἀποθανόντων, -- πρηνὺς πεσὼν ἐξέψυξε.

Что упрекъ этотъ сдѣланъ послѣ неудачной попытки восстанія, но ранѣе бѣгства въ Амстриду, слѣдовательно, во время Фулльского заключенія — это, какъ уже мы замѣтили, само собою очевидно. Нѣсколько труднѣе объяснить поводъ къ такому обвиненію. Епископъ Ioannъ не могъ быть названъ виновникомъ

1) Любопытно, однако, что дубъ этотъ назывался Александромъ, чтѣ напоминаетъ алтарь Александру Великому около береговъ Днѣпра, о которомъ говорится у Амміана Марцеллина, XXII, 8, 40.

2) См. Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 177—179; ср. 132 и т. д. Пограничность Фулльской епархіи съ Сугдейскою обнаруживается изъ позднѣйшаго ихъ соединенія въ одну, а сосѣдство съ Готіей необходимо слѣдуетъ отсюда, такъ какъ на полуостровѣ не остается болѣе свободнаго мѣста, и сверхъ того того же требуютъ какъ житіе Ioanna Gotского въ разбираемомъ нами мѣстѣ, такъ и славянская легенда.

передачи укрепленія Дори въ руки Хазаръ потому, что, по словамъ Житія, Хазары уже ранѣе овладѣли имъ и даже держали тамъ свой гарнизонъ. Онъ могъ быть обвиняемъ только въ томъ отношеніи, что его неудачная попытка возстанія повела къ отягченію участіи покоренныхъ, къ погибели невинныхъ, казненныхъ 153 хаганомъ, и что его собственный плѣнъ, котораго однако онъ не былъ самъ причиной, повелъ къ общей покорности... .

Изъ куріознаго разсказа объ отвердѣвшемъ въ бочкахъ винѣ можно вывести только то заключеніе, что винодѣліе въ концѣ VIII вѣка также существовало на южныхъ берегахъ Крыма, какъ это было въ древности и въ новѣйшія времена.

Наконецъ, въ заключительной главѣ должны быть отмѣчены тѣ выраженія, въ которыхъ содержатся хотя общія указанія на личность анонимнаго списателя Житія. Во-первыхъ, онъ самъ не былъ жителемъ Готскаго берега, такъ какъ онъ ссылается на разсказы о чудесахъ святаго жителей не этой, а той страны. *Καὶ ἑτερα δὲ θαύματα πλεῖστα ἐποίησεν ὁ ὄσιος, ἀτινα σὶ τῆς χώρας ἐκείνης πᾶσιν ἀναφανδόν διηγούμενοι, εἰς κατάνυξιν - ἐνάγουσιν.* Если мы припомнимъ, что страну Тавроскию, мѣсто рожденія святаго, онъ называетъ заморскою, περατικѣ, находящуюся на другомъ берегѣ, то должны будемъ признать самымъ вѣроятнымъ предположеніе о жительствѣ автора на противоположныхъ, азіатскихъ берегахъ Понта. Точно такъ, во времена Трапезунтской имперіи, таврическое поморье, то есть, Корсунь и Готскіе климаты, входивши въ составъ владѣній Великихъ Коминовъ, обозначались въ ихъ офиціальномъ титулѣ выраженіемъ Заморья, Περατεία. Напротивъ, житель Фракіи и окрестностей Константиноپоля потому не могъ бы такъ выразиться о Крымѣ, что уже азіатскія провинціи имперіи, Понть, Каппадокія, Пафлагонія, были для него заморскими, какъ онѣ и дѣйствительно именуются у писателей (*περατικὰ θέματα* у Теофана). Во-вторыхъ, изъ молитвенного обращенія объ избавленіи отъ общенія «съ святосжигателями и нечистыми еретиками»—*στήριξον ἡμᾶς, ὅπως ῥυσθείμεν τῆς ἐπιβλαβοῦς κοινωνίας τῶν ἀγιοχαιστῶν καὶ ἀκαθάρτων αἱρετικῶν*—несомнѣнно слѣдуетъ, что Житіе написано во время преобладанія иконоборства, возобновленаго Львомъ Армяниномъ и державшагося при его преемникахъ: то

есть, не ранеъ 815 года и не позднеъ 842. Терминъ «святосожигатели» такъ шель къ иконоборцамъ и такъ часто встрѣчается въ приложениіи къ нимъ у современныхъ писателей, что нѣтъ никакой нужды приводить для этого отдельныя мѣста. Во второй періодъ иконоборства точно такъ же, какъ и въ первый, Готія осталась вѣрною православію и могла служить убѣжищемъ для почитателей иконъ. Изъ одного письма, адресованнаго Феодоромъ Студитомъ (× 826) къ архимандриту Готію (*Αρχιμανδρίτη Γοτθίου*), мы видимъ, что здѣсь процвѣтало монашество — по край-¹⁵⁴ней мѣрѣ въ численномъ отношеніи, такъ какъ въ другихъ дѣло представлялось сомнительнымъ... Отвѣчая на запросы лица, стоявшаго во главѣ готскіхъ монастырей, знаменитый игуменъ Студійской обители дѣлаетъ такого рода наставленія: не слѣдуетъ принимать въ монахи и давать постриженіе вся кому приходящему и желающему безъ разбора, но за то слѣдуетъ всячески избѣгать и разстриженія; не слѣдуетъ монахамъ заводить споры и вести тяжбы предъ мірянами; неприлично, чтобы монахъ держалъ при себѣ въ монастырѣ раба: это также странно, какъ еслибы онъ имѣлъ съ собою женщину, и т. д. Видно также, что не было мира и согласія между монастырями и мѣстною церковною іерархіей, и Федоръ Студитъ долженъ былъ взять на себя обязанность посредника и примирителя, и для этого писать епископу Филарету¹⁾. Въ лицѣ этого Филарета мы должны видѣть либо преемника Іоанну Готскому на его собственной каѳедрѣ, либо іерарха сосѣдней Сурожской епархіи, того самаго Филарета, о которомъ говорится въ Житіи Стефана Сурожскаго²⁾.

1) Οὐ χάριν ἡναγκάσθημεν ἐπιστεῖλαι καὶ τῷ θεοφίλεστάτῳ πατρὶ καὶ ἀρχιερεῖ κυρίῳ Φιλαρέτῳ. Epist. Theod. Stud., lib. II, № 164 (Migne, Patr. gr. 99, 1520).

2) Не считая нужнымъ излагать дальнѣйшую исторію Готской епархіи въ Крыму, такъ какъ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. уже напечатана статья, посвященная этому предмету, мы ограничимся указаниемъ новыхъ данныхъ для пополненія списка Готскихъ митрополитовъ. Эти данные находятся въ описи патріаршихъ грамотъ у Саэса (Bibliotheca graeca, vol. III), р. 587: въ 1652 году была низложена митрополитъ Готіи Анеимъ, и на его мѣсто былъ избранъ Даниилъ; р. 599: въ 1673 году митрополитомъ былъ Меѳодій; р. 604: въ 1678 году митрополія Готская была соединена съ Кафинскою (Кафой): точно такъ прежде были соединены (въ 1666 году) Кафа, Фуллы и Амасія (р. 597). Въ церковной исторіи Сергія Макрея (ibid. p. 334) упоминается о подчиненіи Готской епархіи Св. Синоду въ Петербургѣ въ 1783 году.

Труды В. Г. Васильевского. Томъ I. (Византія и Пече-
нѣги. — Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Кон-
стантинополѣ. — О Варяго-Руссахъ). 1908. Цѣна 2 р. ==
4 Mrk. 50 Pf.

— Томъ II. Выпускъ 1. 1909. Цѣна 1 р. 75 коп. ==
3 Mrk. 90 Pf.

Цѣна 2-го выпуска II-го тома 75 коп.; Prix 1 M. 75 Pf.

Продаются въ Книжномъ Складѣ Академіи и у ея коммиссіонеровъ:

И. И. Глазунова и Н. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москве,
Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссе (Г. В.
Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Лозакѣ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasounof et C. Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikoff à St.-Pétersbourg, Moscow, Varsovie et
Vilna, N. Ogloblina à St.-Pétersbourg et Kiof, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey)
à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.